

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 21 · № 3

• 2024 •

Vol. 21 · No. 3

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2024

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2024

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тонисевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабуринов Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лузилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасо, Неаполь, Италия, Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия, Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пыткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Бирмингемский университет, Бирмингем, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззад – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Aleksei A. Grishkovets – Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

70-летие профессора Юрия Владимировича Дерешева	284
---	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А. Л. Шигабутдинова

Телеологичность и самоорганизация права	286
---	-----

В. Е. Кортяев

Правовая система древнерусской Тмутаракани	299
--	-----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

А. В. Терехова

Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда	311
---	-----

Е. С. Плахова

Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей как гарантия государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности	324
---	-----

Г. Г. Лянной

Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта	336
--	-----

А. В. Равнюшкин

Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия	353
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А. Ю. Асеев, Е. И. Чекмезова

К вопросу о расширении круга потерпевших от принуждения к даче показаний	372
--	-----

Н. П. Бухарина

Недостатки предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года	386
---	-----

Л. С. Галенников, Ю. В. Дерешев

Медиация как форма восстановительного правосудия	405
--	-----

Е. В. Елагина, Т. Г. Николаева, В. И. Коваленко

Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве	420
--	-----

А. В. Чумаков

Расследование хищений бюджетных средств: вопросы эффективности	433
--	-----

Информация для авторов	444
----------------------------------	-----

CONTENTS

70th Anniversary of the Professor Yury V. Derishev	284
--	-----

THEORY AND HISTORY OF LAW SCIENCES

<i>A. L. Shigabutdinova</i> Teleology and Self-Regulation of Law	286
--	-----

<i>V. E. Kortyaev</i> The Legal System of Ancient Russian Tmutarakan	299
--	-----

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>A. V. Terekhova</i> Administrative Discretion in the Investigation of Industrial Accidents and Administrative Investigations in Cases of Violations of State Regulatory Requirements for Occupational Health and Safety	311
--	-----

<i>E. S. Plakhova</i> Annual Report of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights at the President of the Russian Federation as a Guarantee of State Protection of the Rights and Legitimate Interests of Business Entities.	324
--	-----

<i>G. G. Lyannoy</i> Administrative and Legal Regulation of the Development and Use of Artificial Intelligence	336
--	-----

<i>A. V. Ravnyushkin</i> A Public Law Mechanism for Protecting Citizens from Family Violence	353
--	-----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>A. Yu. Aseev, E. I. Chekmezova</i> On Expanding the Range of Victims of Coercion To Testify	372
--	-----

<i>N. P. Bukharina</i> Shortcomings of the Preliminary Investigation Under the Statute of Criminal Procedure of 1864	386
--	-----

<i>L. S. Galennikov, Yu. V. Derishev</i> Mediation as a Form of Restorative Justice	405
---	-----

<i>E. V. Elagina, T. G. Nikolaeva, V. I. Kovalenko</i> Exercising By the Defense the Right To Involve a Specialist into Criminal Proceedings	420
--	-----

<i>A. V. Chumakov</i> Investigation of Embezzlement of Budget Funds: Efficiency Issues	433
--	-----

Information for Authors	446
--------------------------------------	-----

Редакционная статья

70-летие профессора Юрия Владимировича Деришева

Editorial

70th Anniversary of the Professor Yuri V. Derishev

22 июля 2024 года отметил 70-летний юбилей профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник милиции в отставке Юрий Владимирович Деришев.

Около 50 лет Юрий Владимирович трудится в области юриспруденции, где проявил себя как талантливый правовед, руководитель, ученый и педагог. В настоящее время основными направлениями его деятельности являются педагогическая и научная работа в вузе, совершенствование методики преподавания права, теории уголовного судопроизводства, укрепление независимости судебной власти, повышение эффективности право-

применения и государственного контроля преступности.

Ю. В. Деришев внес существенный вклад в практическую деятельность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Омской области: расследовал наиболее сложные и социально значимые уголовные дела, руководил рядом следственных подразделений УВД Омской области, в том числе на высоком уровне организовывал работу по расследованию уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, был первым руководителем подразделения по расследованию проявлений организованной преступной деятельности.

Более 30 лет Юрий Владимирович посвятил преподавательской деятельности в Омской академии МВД России и Сибирском юридическом университете, где проявил себя как талантливый, заинтересованный, требовательный к себе и обучающимся педагог-методист. В университете им создана кафедра уголовного права и процесса, которой он руководил длительное время.

Ю. В. Деришев является признанным специалистом в области уголовного судопроизводства. Результаты его исследований публикуются на всероссийском и региональном уровне, используются в подготовке федерального законодательства, а также за рубежом. Научно-исследовательская работа Ю. В. Деришева отличается широким спектром рассматриваемых проблем, вместе с тем в большей степени сосредоточена на проблемах оптимизации уголовного судопроизводства, с которым была

связана его многолетняя практическая деятельность. Доктором юридических наук, профессором Ю. В. Деришевым подготовлено свыше 180 научных публикаций и методических изданий. 7 соискателей под его научным руководством успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В период с 2002 по 2006 гг. Ю. В. Деришев работал в составе Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации – представителем общественности от Сибирского федерального округа, тем самым внес существенный вклад в укрепление судебной власти в Российской Федерации. Более 10 лет Ю. В. Деришев был членом квалификационной коллегии судей Омской области, принимал активное участие в формировании судейского корпуса региона. Является членом Научно-консультативного совета при прокуратуре Омской области.

Личный вклад в правовое просвещение и образование, развитие юридической науки и практики Ю. В. Деришева от-

мечен многими государственными и ведомственными наградами. Он является лауреатом премии Правительства Омской области «За успехи в юридической науке и практике» в номинации «За успехи в юридической науке и образовании» (ноябрь 2013 г.).

За многолетнюю плодотворную практическую, педагогическую и научную деятельность в сфере юриспруденции, активную работу по реализации судебно-правовой реформы в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации от 6 октября 2005 г. Юрию Владимировичу присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Редколлегия и редсовет научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» вместе с многочисленными коллегами, соратниками и учениками Юрия Владимировича поздравляют юбиляра и желают ему долгих лет жизни и плодотворной научной и преподавательской деятельности!

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Theory and History of Law Sciences

УДК 340

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-286-298

EDN: IMCXTS

Оригинальная научная статья

Телеологичность и самоорганизация права

А. Л. Шигабутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

✉ alshigabutdinova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена самоорганизации права как одному из проявлений его системной природы. Постановка этой проблемы дает возможность объяснить механизм, обеспечивающий сохранение объективного права в его специфической качественности. Ответить на вопрос о самоорганизации права – значит, выяснить, чем поддерживается заданное изначально качественное состояние права: спонтанными процессами в нем самом либо целенаправленным управляющим воздействием извне. Цель исследования – осмыслить методологическую возможность применения к праву синергетической модели самоорганизации, описывающей самопроизвольные процессы формирования или изменения структуры в открытых, неустойчивых и нелинейных системах. Специфику самоорганизационных процессов в праве автор связывает с его телеологической природой. В работе выделяются два аспекта телеологической обусловленности права: целевая детерминация его генезиса и целевая определенность его качественного своеобразия. С одной стороны, право, будучи производным в своем возникновении от конкретной цели, существует не как самостоятельное и самодовлеющее наличное бытие, а как специализированное средство специальной цели. С другой стороны, право есть целенаправленно и целесообразно функционирующая система, качество которой всегда специализировано, приспособлено к достижению сознательно социальной цели. Доказывается, что телеологическая природа права исключает наличие у него синергетически понимаемых самоорганизационных свойств, подразумевающих возможность самопроизвольной активности системы. В статье утверждается, что для процессов, протекающих в праве, характерна не внутренняя, спонтанная, а внешняя детерминация. Последовательность и содержание этих процессов задается извне сознательно-целенаправленной деятельностью правосозидающего субъекта и подчиняется общей логике целевого назначения права. Рассматривая право в качестве организуемой человеком и управляемой по своей сути системой, автор тем не менее доказывает наличие у него самоорганизационных свойств. Под самоорганизацией права в статье понимается один из специфических способов сохранения и воспроизводства его целостных характеристик. Самоорганизационные свойства права, по мнению автора, сводятся к возможностям его «самонастройки», возникающим не стихийно, а сознательно заложенным человеком для достижения соответствующих целей. Механизм такой «самонастройки» формируется из набора адаптивных правовых средств и специфических связей, позволяющих сохранять целостность, качественную определенность и работоспособность права вне зависимости от внешних условий.

Ключевые слова: система, самоорганизация, синергетика, цель, средство, целевая причинность, телеологичность, объективное право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шигабутдинова А. Л., 2024

Для цитирования: Шигабутдинова А. Л. Телеологичность и самоорганизация права // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 286–298. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-286-298>. EDN: <https://elibrary.ru/imcxts>

Original scientific article

Teleology and Self-Regulation of Law

A. L. Shigabutdinova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ alshigabutdinova@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the self-regulation of law as one of its systemic inherent manifestations. Such problem statement enables the researcher to explain the mechanism that ensures the specific quality of objective law. Studying the self-regulation of law involves identifying what the inherent qualitative state of law dwells on – whether it is spontaneous or controlled from the outside. The purpose of the study is to view the methodological possibility of applying a synergetic model of self-regulation to law. This model describes spontaneous formation or change of structure in open, unstable and nonlinear systems. The Author associates the specifics of self-regulation of law with its teleological nature. The paper highlights the two aspects of teleological character of law: the purpose of its emergence and the purpose of its qualitative variety. On the one hand, law, emerging to serve a specific purpose, does not exist as an independent and self-sufficient entity, but as a specialized means of a particular purpose. On the other hand, law is a functioning system based on purpose and expediency. The quality of the system is always specific and adapts in order to achieve the set social goals. The paper proves that the teleological nature of law excludes self-regulation properties viewed synergetically, which implies the spontaneous activity of the system. The study shows that the processes taking place in law are characterized not by internal, spontaneous, but by external determination. The sequence and content of these processes is controlled from the outside by the purposeful activity of the law-creating subject and is subject to the general logic of the purpose of law. Considering law as a human-organized and controlled system; nevertheless, the Author proves that it has self-regulation properties. The self-regulation of law in the paper is viewed as one of the specific ways of preserving and reproducing its integral characteristics. According to the Author, the self-regulatory properties of law are reduced to its “self-adjustment”, which is not spontaneous, but deliberately set by a human to achieve appropriate goals. The mechanism of such “self-adjustment” is based on a set of adaptive legal means and specific connections that provide integrity, quality and functionality of law regardless of external conditions.

Keywords: system, self-regulation, synergetics, purpose of legal causation, means, target causality, teleology, objective law

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Shigabutdinova A. L. Teleology and Self-Regulation of Law. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):286-298. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-286-298>. EDN: <https://elibrary.ru/imcxts> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Идея самоорганизации, зародившаяся в недрах кибернетики, вошла в проблемное поле системных исследований в середине XX в. и неуклонно расширяет

сферу своего влияния, активно внедряясь в науки социально-гуманитарного цикла, в том числе юриспруденцию. За этим масштабным методологическим движением стоит осознание того, что сложные

системы различной природы способны трансформировать свою внутреннюю организацию, сохраняя при этом целостность и качественную определенность [1; 2]. Это открытие, надолго определив облик современного научного познания, вместе с тем породило широкий спектр подходов к самоорганизации, отражающих значительную разноречивость в философско-методологическом осмыслении этого явления [3; 4, с. 40].

В литературе обращается внимание на отсутствие не только единого понимания сущности самого феномена самоорганизации, но и общего взгляда на принципы его изучения, необходимого для построения единой концепции самоорганизующихся систем¹. Современные представления о природе и механизме самоорганизации в сложных системах формируются в русле синергетической парадигмы, основанной на постулатах неравновесности, нелинейности, возникновения «порядка из хаоса», выбора путей развития в условиях неопределенности и нестабильности².

Самоорганизующимися в синергетическом смысле являются открытые и нелинейные системы, фундаментальными характеристиками которых выступают активное взаимодействие со средой и «многовариантность эволюции, возможность неожиданных изменений темпа и направления течения процессов, наличие так называемых точек бифуркации, точек ветвления путей эволюции, хаотическое поведение» [5, с. 6]. Самоорганизация таких систем есть спонтанный процесс, в ходе которого возникает, вос-

производится или совершенствуется их организация³.

Иначе говоря, в основе синергетического взгляда на самоорганизацию лежит идея неоднозначности путей развития сложных систем, способных при определенных условиях самопроизвольно формировать или изменять свою структуру в пространстве присущих ей возможностей [6]. Система, способная к самоорганизации, т. е. самоструктурированию, саморегуляции и самовоспроизведению, в соответствии с синергетической моделью, сама, без внешнего управления, переходит на новый уровень организации и выбирает направление своего развития и функционирования, не подчиняясь какой-либо цели⁴.

Применима ли подобная модель самоорганизации для описания процессов, протекающих в объективном праве и определяющих сохранность его качественного своеобразия?

Следует заметить, что в последние десятилетия в отечественной юридической науке не раз высказывалась мысль о присущих праву самоорганизационных свойствах, взятых именно в синергетическом их понимании⁵ [7; 8].

В этом контексте право провозглашается «открытой системой, построенной на сложном процессе информационно-энергетического его обмена со средой, предполагающей вероятность нелинейного развития, возможность самоорганизации и диссипацию как способность отсеивать лишнее и чуждое или превращать его в свое за счет трансформирования и перестроения»⁶.

¹ Поддубный Н. В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2000. С. 6.

² Егурнов Л. Л. Дialeктика самоорганизации и управления в сложных системах : дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 7.

³ Богданова Э. Н. Самоорганизация и управление в сложных эволюционирующих системах : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Нальчик, 2010. С. 14.

⁴ Егурнов Л. Л. Указ. соч. С. 105.

⁵ Пышьева Е. А. Право как самоорганизующаяся система : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 33 с.

⁶ Сигалов К. Е. Среда в праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 468.

По существу, юридическая наука, признавая за правом способность к самостоятельной перестройке своей внутренней организации, допускает вероятностный характер его динамики, непредсказуемость и многовариантность в его развитии, присущие естественным системам. Нетрудно заметить, что подобные конкретно-научные представления о самоорганизующейся природе права являются результатом прямого переноса синергетических идей, выработанных в ходе изучения физических процессов, в исследование иной по своей природе системы. Между тем при доказанной универсальности положений синергетики их приложение эффективно лишь в отношении определенного класса систем – открытых, неустойчивых и нелинейных. В этом смысле трудно согласиться с утверждением, что «она не терпит исключений и должна охватывать абсолютно все системные процессы, происходящие в мире» [9, с. 64].

Проблема состоит в том, чтобы ответить на вопрос о том, обладает ли право свойствами, характерными для данного класса систем. Отвечая на этот вопрос, на наш взгляд, нельзя упускать из вида едва ли не основополагающую с качественной точки зрения черту объективного права, которую можно было бы назвать *телеологичностью*.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА ПРАВА

Ключевой особенностью права как институционального регулятора выступает его четкая ориентированность на определенную цель, на конечный результат.

Категория цель прочно вошла в логико-понятийный аппарат юридической науки. Как полагает И. А. Кравец, использование понятия «цель» в исследовании самых разных проблем юридической науки придает им специфические очертания, которые позволяют вести речь о формиро-

вании правовой телеологии, имеющей как общетеоретическое значение, так и разветвленное отраслевое значение (в различных отраслях права) [10, с. 203].

Проблематика телеологичности права отнюдь не нова. Она хорошо известна отечественной и зарубежной правовой мысли. Содержанием этой проблемы фактически охватывается два относительно самостоятельных вопроса: цель в праве и цель права. В первом случае предметом осмысления становится проявление и отражение в праве цели как неотъемлемого элемента реальной человеческой деятельности. Впервые подобным образом вопрос о цели в праве был поставлен Рудольфом фон Иерингом. До Иеринга, как утверждает, «никто не обращался к исследованию и обоснованию цели в праве» [11, с. 359]. Во втором случае телеологичность права рассматривается в широком социальном контексте, смещающем акцент на социальную цель, опосредующую возникновение и существование самого права. Именно в этом смысле телеологичность права исследуется в настоящей работе.

Объективное право является целенаправленно и целесообразно функционирующей системой, качеством которой всегда специализировано, приспособлено к достижению сознательно поставленных целей.

Необходимость в такой системе вызывается противоречием между коренными общественными потребностями и неспособностью других социальных регуляторов их удовлетворить. Это противоречие задает цель, стоящую перед новой нормативно-регулятивной системой, а цель обуславливает природу средств, направленных на ее осуществление.

Таким образом, в процессе формирования правовой материи действует специфическая телеологическая закономерность, проявляющая себя двояким образом: как целевая детерминация права и как целевая определенность его качественного

своеобразие. Говоря конкретнее, цель как необходимая составляющая правогенеза играет двойственную роль: с одной стороны, она выступает внешней по отношению к праву и независимой от него силой, запускающей механизм правообразования; с другой стороны, целевой момент оказывается внутренним системообразующим фактором, глубоко интегрированным в собственное специфическое качество права.

В первом случае мы имеем дело с особой формой причинной зависимости права – целевой причинностью, при которой право в своем возникновении и существовании обуславливается конкретной целью. Взятая в таком отношении цель есть причина, с необходимостью вызывающая право к жизни. Будучи преобразованной в сознании человека глубинной социальной потребностью, цель не просто существует вне права и до права, предшествует ему во времени, она является исходным основанием, порождающим право⁷. Именно в таком значении «цель есть творческая сила всего права» [12, с. II].

Разумеется, целевая обусловленность права не может быть уложена в схему простой механической причинно-следственной связи, действующей в мире природных объектов, с присущим ему господством так называемых телеоматических процессов или «процессов, происходящих автоматически (пассивно) под влиянием некоторых внешних факторов» [13, с. 232].

Благодаря преломлению в специфической природе социальной реальности, универсальный порядок причинной детерминации модифицируется и усложняется вовлеченностью в причинные отношения свободной воли субъектов. Иначе говоря, действие причинности, детерминизма в целом здесь всегда обнаруживает себя через сознательно-волевую

активность людей, которые ставят перед собой определенные цели и добиваются их достижения.

Для определения специфики причинной детерминации, действующей в общественных процессах, современная философия использует понятие «информационная причинность»⁸. К выработке этого понятия привело изучение самоорганизующихся систем (биологических, социальных, и в ряде случаев технических), изменения в которых причинно обуславливается не столько внешним физическим воздействием (переносом энергии и вещества), сколько получаемой информацией [14, с. 747]. «В сложных системах, – объясняя этот феномен, отмечает А. А. Крушанов, – происходит расчленение причинных сетей: от энергетических обособляется сигнальная, которая превращается в специфическую причинную сеть управления» [13, с. 244].

Таким образом, в решении вопроса о природе причинности, современная наука последовательно исходит из признания активности информации, способной независимо от физических свойств своего носителя, специфически, но абсолютно полноправно участвовать в процессе причинения и порождать определенные следствия [15, с. 79].

Цель, трактуемая как «идеальный образ, побуждение, субъективная форма будущего результата деятельности» [16, с. 277] всегда включает в себе информационное начало. Являясь специфически человеческим восприятием объективной действительности, цель включает в себя, с одной стороны, знание того, что есть, а, с другой, представление о том, что должно быть. Иными словами, она представляет собой осознание объективной потребности и осознание того, что для ее удовлетворения еще необходима реальная деятельность [17, с. 48].

⁷ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учеб. М. : Проспект, 2005. С. 484.

⁸ Там же. С. 491.

Таким образом, цель выступает производной от потребностей избирательной установкой, направляющей действия человека на преодоление выявленных недостатков действительности, «устранение такого положения вещей, которое определило цель» [17, с. 56]. В таком качестве цель проявляет себя как особая разновидность информационной причины, свойственная только человеческому существованию [16, с. 278].

Она является своего рода «пусковой пружиной», которая приводит в действие сознательные усилия человека по реализации поставленной цели, задавая конкретную траекторию его поведения и определяя выбор оптимальных, с точки зрения субъекта, средств. Механизм целевого причинения, иначе говоря, носит информационно-побудительный характер и связан с воздействием на интеллектуально-волевую активность человека. Руководимый намеченной целью, субъект конструирует либо вычленяет из совокупности уже существующих (материальных или духовных) объектов такие, которые отвечали бы критерию необходимости и достаточности для достижения его цели. Иначе говоря, оказываясь исходным пунктом деятельности человека, цель тем самым служит не только причиной будущего результата этой деятельности, но причиной создания средств, необходимых для ее осуществления.

Таким образом, действительный смысл телеологической обусловленности права состоит в том, что цель активизирует и координирует процесс формирования нового институционального нормативного регулятора как необходимого средства ее достижения.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КАЧЕСТВЕННОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПРАВА

Телеологическая природа права находит свое выражение не только в механизме его порождения, но и в содержании присущей ему системы качеств. В этом случае мы имеем дело со «служебностью» качественного своеобразия права, его глубокой специализированностью по отношению к конкретной цели.

В той мере, в какой обществу нужно достичь заранее заданной цели, оно отвечает этой потребности, вырабатывая специализированные для данной цели средства. Такие средства, являясь «порождением» соответствующей цели, воплощают в своем качественном состоянии ее содержательную специфику, подчиняют ей свои функционально-конструктивные особенности.

Средства, – подчеркивает Н. Н. Трубников, – характеризуют прежде всего ту цель, средствами которой они являются. Особенности таких средств выражают особенности соответствующих им целей [17, с. 71].

Право, будучи производным в своем возникновении от конкретной цели, существует не как самостоятельное и самодовлеющее наличное бытие, а как специализированное средство специальной цели [17, с. 71]. Оттого его качественные особенности, элементный состав и структура определяются содержанием порождающей его цели. Цель в этом случае играет роль специфицирующей причины – генетического фактора, вызывающего и обуславливающего качественное своеобразие, специфичность того или иного следствия⁹.

Возникая как средство реализации социально-практических целей¹⁰, право синтезирует в своем качественном

⁹ Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 495.

¹⁰ Инструментальные свойства права уже довольно давно стали предметом методологического осознания в отечественной юридической науке. Разработка этой проблематики в трудах С. С. Алексеева, Р. О. Халфиной, В. А. Сапуна, А. В. Малько и ряда других авторов положила начало формированию нового специального направления – инструментального подхода к праву.

своеобразии особенности обеих «переманных»: целевых установок и их адекватного инструментального обеспечения. Иначе говоря, качественное своеобразие права как системы реально обнаруживается не в его регулятивном потенциале, а в том, ради чего этот регулятивный потенциал используется, в тех глубинных социальных потребностях, удовлетворение которых потребовало создания специального регулятивного инструментария.

Здесь, выражаясь словами Н. Н. Трубникова, средство не столько выражает собственные черты, которые вуалируются особенностями целей, сколько черты и особенности тех целей, средствами которых они являются [17, с. 71].

В этом смысле системное качество права показывает не столько предметные характеристики образующих его нормативных предписаний, сколько «способность» этих нормативных предписаний служить специфическим целям. Такая способность не является имманентно присущим праву свойством. Она придается ему человеком, сознательно связывающим право с определенными целями социального управления.

С этой точки зрения право оказывается не естественной системой, качественная определенность которой складывается благодаря действию стихийных движущих сил объективного характера, а результатом творческой, духовно-преобразовательной деятельности человека, целенаправленно формирующего систему с заранее заданными свойствами и возможностями.

Эта особенность, являясь существенно-закономерной чертой права, в полной мере проявляется и в наиболее ранних его образцах. Хотя исторически первые формы бытия права вырастали на основе обычаев, отражавших практику повседневного поведения или инстинктивные побуждения, они представили собой

не хаотическое нагромождение стихийно установившихся правил, а качественно новый регулятор, организованный путем сознательного отбора и признания этих обычаев со стороны государства.

В литературе справедливо подчеркивалось, что так называемое спонтанно рождаемое право «во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда оно освящено государственной властью»¹¹.

Признание телеологической обусловленности права позволяет раскрыть сложное взаимодействие субъективного и объективного моментов в содержании его системного качества. С одной стороны, качественное своеобразие права, как и породившая его цель, объективно по своему происхождению, поскольку формируется людьми не произвольно, а на основе присущих обществу потребностей и закономерностей. С другой стороны, качественная определенность права всегда несет в себе элемент субъективности, поскольку создается, в конечном счете, именно человеком в соответствии теми целями, которые он сознательно ставит, его интеллектуальными возможностями и ограничениями.

Здесь, как представляется, открывается существенная особенность системного качества права – его субъективированность (не означающая при этом субъективизма). Право, являясь конструктом, создаваемым субъектом, опредмечивает, «объективирует» в своей качественной специфике заложенную в недрах его сознания свободу и субъективную целенаправленность.

Это означает, что право в его целостности и качественности формируется не как нормативный «слепок» с объективных условий общественного развития, по алгоритму «стимул–реакция», а как итог сознательного, свободного выбора и самоопределения субъекта, ищущего наиболее эффективные средства для достижения им самим поставленных целей.

¹¹ Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. М. : Проспект, 2008. С. 43.

Иначе говоря, правосозидающая активность¹² человека, опосредуемая целеполаганием и самосознанием, осуществляется свободно, воплощая не столько действующую в природе диалектику закономерности и случайности, сколько незнакомое организационным процессам в природной среде отношение свободы и необходимости.

В системном качестве создаваемого институционального регулятора, таким образом, нет «фактичности», случайности, образуемой благодаря суммарному взаимодействию индивидов. Здесь господствует иной фактор – свобода воли и сознательная целенаправленность конкретных, а потому уникальных субъектов.

«Позитивное право, – писал С. С. Алексеев, – при всей существенности и императивности лежащих в его основе факторов (объективных императивов цивилизации, экономики, требований естественного права и др.), перед тем как “появиться на свет”, проходит фазу правотворчества, неизбежно преломляется через сознание и волю людей – законодателей, судей – творцов прецедентов» [18, с. 103].

Будучи зависимым от свободного целеполагания конкретного субъекта, качественное своеобразие права допускает историческую и национальную вариативность и изменчивость. Социальные субъекты, конструируя институциональный регулятор, позволяющий направить течение общественных процессов в определенное русло, руководствуются разными интересами, идеалами, ценностями, знаниями. Это позволяет предположить, что на системное качество права, управляемое свободной волей человека, можно влиять, подчиняя его определенным соци-

альным запросам, потребностям или мировоззренческим идеалам.

При этом субъективированность качественного своеобразия права, подразумеваемая определяющую роль свободных действий субъекта в его созидании, отнюдь не сводится к произвольности. Как справедливо заметил М. Ф. Орзих, категория «свобода», используемая в теории права, призвана выразить степень свободы правотворчества в пределах социальной необходимости [19, с. 24].

Хотя конструирование права как институционального регулятора является актом свободного выбора конкретного субъекта, тем не менее этот выбор всегда осуществляется в исторически обусловленном спектре возможностей, доступных на той или той стадии развития общества. В этом и заключается диалектическая взаимообусловленность свободы и необходимости, направляющая правосозидание: самостоятельно и свободно создавая новый нормативный регулятор, человек с необходимостью подчиняется общим тенденциям общественного развития.

Осознание объективно сложившихся условий социального бытия становится в этом случае основой для целенаправленной правосозидающей деятельности человека. Иначе говоря, обладая способностью свободно выбирать цели и средства их реализации, субъект в конечном счете «выбирает ту линию поведения, которая для него обладает внутренней необходимостью в свете имеющегося в его распоряжении знания»¹³.

СПЕЦИФИКА САМООРГАНИЗАЦИОННЫХ СВОЙСТВ ПРАВА

Неотъемлемой качественной характеристикой права выступает его динамичность.

¹² Говоря о правосозидании, мы имеем в виду особую целенаправленную деятельность человека, связанную с первичным конструированием новой, ранее неизвестной регулятивной системы со специфическим, только ей присущим качеством (системосозидающую деятельность). В этом смысле понятие «правосозидание» не совпадает с понятием «правотворчество», охватывающим спорадически совершаемые акты по созданию, изменению или отмене отдельных нормативных актов. Правосозидание как деятельность складывается из совокупности отдельных правотворческих актов.

¹³ Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 520.

Право есть историческая, развивающаяся система, которая находится в непрерывном процессе становления и изменения своих параметров. Однако во всех своих морфологических и исторических модификациях право остается самим собою, сохраняя свое внутреннее единство и качественную определенность.

Морфологическая и историческая вариативность права неотделимы от его системности. Право — это социальный регулятор, для которого системность есть «врожденный» способ существования. Поэтому его историческая динамика не знает перехода от бессистемности к целостности, являясь постепенным развитием уже заложенных в нем системных свойств¹⁴. Иными словами, возникая как специфическая регулятивная система, право на протяжении всего своего существования постепенно движется от одного состояния структурной упорядоченности к другому, более совершенному. В этом смысле история права есть история имманентно системного образования, развертывающаяся как процесс его последовательного усложнения, как движение от низшего уровня организации к высшему.

При этом развитие права суть не самоцельное движение институционального нормативного регулятора во времени, а телеологически обусловленный процесс повышения уровня организованности системы, обеспечивающий эффективность ее функционирования. Иначе говоря, исторические изменения элементного состава и структуры права носит целевой характер, подчиняясь общей логике его инструментального назначения.

Представляется, что объективное право как институциональный регулятор, целенаправленно сконструированный человеком для достижения определенных целей, уже в силу телеологической обу-

словленности его генезиса не может развиваться в неподконтрольном человеку направлении. Создавая специализированную для конкретной цели систему, субъект рассчитывает, что ее движение будет протекать в заранее заданных для нее параметрах.

Как справедливо заметил В. Г. Мальцев, «общественное развитие слишком часто находится в нестабильном состоянии, в нем много неполадок и срывов, но право должно придавать ему устойчивые формы, сохранять и поддерживать именно те порядки, которые наилучшим образом отвечают интересам людей. С этими задачами право некогда появилось в обществе, им оно служило на протяжении всей своей истории, а в будущем по мере возрастания сложности социальных структур способность права вносить порядок, определенность, надежность, безопасность, предсказуемость, устойчивость в общественные отношения будет цениться чрезвычайно высоко» [20, с. 115].

С этой точки зрения признание за правом синергетически понимаемых самоорганизационных свойств, подразумевающих возможность самопроизвольной активности системы, ставит по сомнению его глубинную природу как средства, призванного не допустить неуправляемость и непредсказуемость течения общественных процессов.

«Право, — справедливо пишет Ю. Ю. Ветютнев, — по своей сути нацелено как раз на устранение элементов самоорганизации из определенной системы путем установления неких “правил игры”, органически не вытекающих из ее существа» [9, с. 64].

Поэтому задача юридической науки — выявлять содержание закономерностей, управляющих поддержанием системного качества права, а не механически распространять законы самоорганизации

¹⁴ Однако было бы неправильным отрицать генетическую связь права с иными, в том числе и неинституциональными (обычай, мораль и т. п.) социальными регуляторами, прямо или опосредованно определяющими содержание правовых норм.

естественных природных и социальных систем на процессы, протекающие в сконструированной человеком системе.

Очевидные методологические трудности, возникающие при первых же попытках применения синергетических принципов к теоретическому познанию объективного права, приводя к разочарованию в их эффективности, заставляют бросаться в другую крайность и вообще отказывать праву в свойстве самоорганизации [21, с. 40].

Объективное право, являясь организующей человеком и управляемой, по своей сути, системой, тем не менее не лишено элементов самоорганизации. Однако природа самоорганизации здесь глубоко специфична, она отличается от самоорганизационных свойств неинституциональных социальных регуляторов, содержание которых вырабатывается в стихийном опыте масс.

Думается, что при решении вопроса о природе и особенностях самоорганизации права следует исходить из того, что самоорганизация есть один из способов сохранения целостности системы¹⁵. В этом смысле мы можем рассматривать право как систему, обладающую собственным способом и механизмом сохранения и воспроизводства ее целостных характеристик.

При этом ключевая особенность самоорганизационных свойств права связана с их зависимостью не от объективных

факторов и от случайностей в социальной среде, а от свободы воли субъектов, сознательно закладывающих возможности для «самонастройки»¹⁶ права. Несмотря на то что право социально по своему происхождению, оно не просто часть общества, подчиненная происходящим в нем стихийным процессам¹⁷, а институциональный нормативный регулятор, формируемый целенаправленными действиями специальных субъектов.

Поэтому внутренний механизм самоорганизации возникает здесь не самостоятельно, а программируется человеком для достижения соответствующих целей и обеспечиваются специальными средствами. Конкретные формы и пределы «самонастройки» права, определяемые его инструментальным назначением, носят телеологически обусловленный, «служебный», характер и направлены на обеспечение способности права быть средством конкретной цели. По существу, механизм самоорганизации права формируется как набор адаптивных правовых средств и специфических связей, позволяющих сохранять его целостность, качественную определенность и работоспособность вне зависимости от внешних условий.

Речь идет о группе правовых средств, выполняющих в процессе правового регулирования «вспомогательные» функции. Регулятивный потенциал такого инструментария непосредственно не связан с установлением моделей должного

¹⁵ Богданова Э. Н. Указ соч. С. 9.

¹⁶ При использовании термина «самонастройка права» речь идет об активизации заложенных в его содержании специфических правовых средств, необходимых для устранения имеющихся или вновь возникающих в нем дефектов, а также сбоев в функционировании иных правовых средств. Такая «самонастройка», однако, не подразумевает возможности саморазвития права, т. е. спонтанного изменения его основных системных параметров.

¹⁷ Хотя не подлежит никакому сомнению зависимость развития права от развития общества – той неравновесной, неустойчивой среды, в которой оно возникает и функционирует (Сигалов К. Е. Указ. соч. С. 13), однако состояние права не является пассивным отражением социальной динамики. Эволюция права не сводится к автоматическому следованию за процессами, протекающими в социальной среде, поскольку воздействие социальной среды опосредуется сознательно-волевой активностью человека, способного к самоопределению, свободному выбору направления своей деятельности. Ярким проявлением относительной самостоятельности права по отношению к факторам социальной среды служит, в частности, несинхронность, аритмия в их развитии, при которой содержание права может значительно расходиться с течением общественной жизни.

или дозволенного поведения. Их основное назначение состоит в формировании внутреннего единства права, устранении или преодолении проявлений дезорганизации, нарушений целостности, разорванности, возникающих в ходе действия иных элементов права.

В зависимости от содержания выполняемых ими функций средства «самонастройки» права могут быть дифференцированы (весьма условно) на две большие группы. Первая – это правовые средства, направленные на первичное конструирование внутренней организации права. Это средства-«связки», задающие межотраслевую и внутриотраслевую согласованность правовых норм. В качестве таковых могут быть рассмотрены принципы права, правовые дефиниции, бланкетные нормы и прочие. Вторую группу образуют правовые средства, задачей которых является сохранение системности и устранение асистемности права. В эту группу включается правовой инструментарий, позволяющий восполнить пробелы в правовом регулировании и обеспечивающий раз-

шение противоречий между правовыми нормами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод состоит в необходимости признать: к праву неприменимо положение синергетики о саморазвитии системы как процесса, управляемого внутренними, имманентными этой системе силами. Телеологичность как неотъемлемая черта качественного своеобразия права существенно ограничивает протекающие в нем процессы самоорганизации. Для изменений, происходящих в праве как качественно своеобразном феномене, характерна внешняя детерминация. Последовательность и содержание этих изменений навязывается извне сознательно-целенаправленной деятельностью существующей высокоорганизованной системы – государства. Таким образом, исторический процесс развития системности права, понимаемый как преобразование его внутренней организации, оказывается связанным с возрастающей от ступени к ступени ролью государства.

Список литературы

1. Comfort L. Self-Organization in Complex Systems // Journal of Public Administration Research and Theory. 1994. Vol. 4, iss. 3. P. 393–410.
2. Keller E. F. Organisms, Machines, and Thunderstorms: A History of Self-Organization. Part Two. Complexity, Emergence, and Stable Attractors // Historical Studies in the Natural Sciences. 2009. Vol. 39, iss. 1. P. 1–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/hsns.2009.39.1.1>
3. Anderson C. Self-Organization in Relation to Several Similar Concepts: Are the Boundaries to Self-Organization Indistinct? // Biological Bulletin. 2002. Vol. 202, no. 3. P. 247–255. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/1543475>
4. Zhang W. Selforganizology: The Science of Self-Organization. Singapore : World Scientific, 2016. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1142/9685>
5. Алдонин Г. М. Структурный анализ самоорганизующихся систем : моногр. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 344 с.
6. Saha T., Galic M. Self-Organization Across Scales: from Molecules to Organisms // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2018. Vol. 373, iss. 1747. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0113>
7. Брежнев Д. М. Конфликты и компромиссы как детерминанты самоорганизации права: синергетический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 27–36.
8. Павлушина А. А., Лошкарев А. В. Системность права и синергетика: общетеоретические проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 1. С. 8–14.
9. Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64–69.
10. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/439/28>
11. Касаева Т. Г. К постановке вопроса о цели в праве по воззрениям Р. Иеринга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 359–363. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-3-359-363>

12. Иеринг Р. Цель в праве : в 2 т. СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. 412 с.
13. Крушанов А. А. Понятие «управление» в кибернетическом контексте // *Вох. Философский журнал*. 2017. Вып. 23. С. 220–279. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-6608-2017-00020>
14. Дубровский Д. И. Проблема свободы воли и современная нейронаука // *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*. 2017. Т. 67, № 6. С. 739–754. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0044467717060089>
15. Лисин А. И. К вопросу о природе (сущности) информации // *Стратегические приоритеты*. 2015. № 3 (7). С. 67–82.
16. Гендин А. М. Специфика целевой детерминации деятельности // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. № 5 (64). С. 276–280.
17. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М. : Высшая школа, 1968. 148 с.
18. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2002. 608 с.
19. Орзих М. Ф. Содержание методологии юридической науки // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1973. № 1. С. 17–24.
20. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 800 с.
21. Антонов М. В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // *Правоведение*. 2014. № 1 (312). С. 24–42.

References

1. Comfort L. Self-Organization in Complex Systems. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1994;4(3):393-410.
2. Keller E. F. Organisms, Machines, and Thunderstorms: A History of Self-Organization. Part Two. Complexity, Emergence, and Stable Attractors. *Historical Studies in the Natural Sciences*. 2009;39(1):1-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/hsns.2009.39.1.1>
3. Anderson C. Self-Organization in Relation to Several Similar Concepts: Are the Boundaries to Self-Organization Indistinct? *Biological Bulletin*. 2002;202(3):247-255. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/1543475>
4. Zhang W. *Selforganizationology: The Science of Self-Organization*. Singapore: World Scientific Publ. Co., 2016. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1142/9685>
5. Aldonin G. M. *Structural Analysis of Self-Regulating Systems*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 344 p. (In Russ.)
6. Saha T., Galic M. Self-Organization Across Scales: from Molecules to Organisms. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2018;373(1747):1-9. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0113>
7. Brezhnev D. M. Conflicts and Compromises as Right Self-Organization Determinants: Synergetic Aspect. *Leningradskiy Juridical Journal*. 2017;3:27-36. (In Russ.)
8. Pavlushina A. A., Loshkarev A. V. Systematic of Law and Synergetics: General Theoretical Problems. *Legal Policy and Legal Life*. 2018;1:8-14. (In Russ.)
9. Vetyutnev Yu. Yu. Synergy in Law. *State and Law*. 2002;4:64-69. (In Russ.)
10. Kravets I. A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Tomsk State University Journal*. 2019;439:202-215. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/439/28> (In Russ.)
11. Kasaeva T. G. To the Question about the Purpose of Law According to the Views of R. Ihering. *Journal Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2017;17(3):359-363. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-3-359-363> (In Russ.)
12. Ihering R. *The Purpose of the Law. Vol. I*. St. Petersburg: N. V. Murav'ev Publ.; 1881. 412 p. (In Russ.)
13. Krushanov A. A. Notion of "Control" Inside the Cybernetic Context. *Vox. Philosophical Journal*. 2017;23:220-279. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-6608-2017-00020> (In Russ.)
14. Dubrovsky D. I. The Problem of Free Will and Modern Neuroscience. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatelnosti Imeni I. P. Pavlova*. 2017;67(6):739-754. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0044467717060089> (In Russ.)
15. Lisin A. I. The Nature (Essence) of Information. *Strategic Priorities*. 2015;3:67-82. (In Russ.)
16. Gendin A. M. Specificity of Activity Goal Determination. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2012;5:276-280. (In Russ.)
17. Trubnikov N. N. *On the Categories of "Purpose", "Means", "Result"*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1968. 148 p. (In Russ.)
18. Alekseev S. S. *Emergence of Law. Ways and Solutions*. Moscow: Norma Publ.; 2002. 608 p. (In Russ.)
19. Orzikh M. F. The Methodology of Legal Science. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1973;1:17-24. (In Russ.)
20. Mal'tsev G. V. *Social Foundations of Law*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2013. 800 p. (In Russ.)
21. Antonov M. V. The Systemicity of Law and "System" Notions in Legal Science. *Pravovedenie*. 2014;1:24-42. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алина Леонидовна Шигабутдинова, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>; e-mail: alshigabutdinova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alina L. Shigabutdinova, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>; e-mail: alshigabutdinova@yandex.ru

Поступила | Received
20.03.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
01.04.2024

Принята к публикации | Accepted
16.04.2024

УДК 340
DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-299-310
EDN: IPVQYY

Оригинальная научная статья

Правовая система древнерусской Тмутаракани

В. Е. Кортяев

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону,

Российская Федерация

✉ vitaly.kortyaevff@yandex.ru

Аннотация. Предметом данного исследования являются правовая система и правовые отношения древнерусской Тмутаракани – одного из самых малоизученных в историко-правовой науке административно-территориального образования периода зарождения целостного Древнерусского государства. Целью данного исследования является реконструкция правовой системы Тмутараканского «княжества», характеристика на основе максимального количества доступных автору материалов правовых отношений древнерусской Тмутаракани, норм обычного права и устоев, сложившихся на данной территории и традиционных для тмутараканского общества. Методология исследования характеризуется тем, что при его проведении использовались общенаучные (индукции, системный, логический) и частнонаучные (формально-юридический, исторический) методы. Метод индукции, системный и логический методы позволили систематизировать максимальный объем информации по теме, доступный автору, осуществить постановку проблемы, которая заключается в фактическом отсутствии исследования проблемы в отечественной историко-правовой науке. Формально-юридический и исторический методы использовались для исследования правовой системы Тмутаракани с юридической точки зрения и в историческом процессе. Не вызывает сомнений тот факт, что раннефеодальный уровень развития обусловил уровень развития правовой системы Тмутаракани как построенный на принципах обычного права. Вместе с тем правовая система исследуется в ее современном понимании в целях доказательства факта, что в Тмутаракани, в сравнении с исконно русскими княжествами, уровень развития права был не ниже, а часто гораздо выше. Результаты данного исследования могут использоваться при подготовке учебной литературы, пособий по теории государства и права, а также быть основой для разработки нового направления в историко-правовой науке, запрос на которое открыт и до сих пор не заполнен, – юридической (правовой) археологии. В результате исследования автор приходит к следующему выводу: в Тмутаракани существовала развитая правовая система и правовые отношения. Историко-правовая историография Тмутаракани на протяжении длительного времени, вплоть до конца XIX в., ограничивалась сведениями из летописных источников фольклорного характера. Только в конце XIX в. – начале XX в. с развитием археологии сведений о древнерусской Тмутаракани и других формах государственности на Таманском полуострове и в Крыму – Гермонассе, Таматархе – стало значительно больше. В начале XXI в. вопрос правовой природы государственности уже становится исследуемым в рамках диссертаций по теории государства и права. Вместе с тем до настоящего времени тема остается слабо разработанной.

Ключевые слова: Тмутаракань, государство, общество, право, Древняя Русь, княжество, славяне, Византия, хазары

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кортяев В. Е. Правовая система древнерусской Тмутаракани // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 299–310. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-299-310>. EDN: <https://elibrary.ru/ipvqyy>

Original scientific article

The Legal System of Ancient Russian Tmutarakan

V. E. Kortyaev

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vitaly.kortyaev@yandex.ru

Abstract. The study focuses on the legal system and legal relations of the ancient Russian Tmutarakan, one of the most poorly studied administrative-territorial formations in the historical and legal science of the origin of the integral Ancient Russian state. The purpose of this study is to reconstruct the legal system of the Tmutarakan “principality”. To achieve this, the Author uses the maximum number of materials available and characterizes the legal relations of ancient Russian Tmutarakan; the norms of customary law and the foundations that were built on this territory and were traditional for Tmutarakan society. The research methodology includes general scientific (inductive, comprehensive, logical) and specific scientific (formal legal, historical) methods. Inductive, comprehensive and logical methods made it possible to systematize all the information on the topic available to the Author and formulate the problem, proving no related research in the national historical and legal science. The research uses formal legal and historical methods to explore the legal system of Tmutarakan from legal and historical points of view. There is no doubt that the early feudal development determined the development of the Tmutarakan legal system as the one built on principles of customary law. At the same time, the legal system is viewed from the modern point of view in order to prove the fact that in comparison with the native Russian principalities, in Tmutarakan, the development of law was not lower, but often much higher. The results of this research can be used in educational literature, manuals on theory of state and law, and to be later developed to start a new field in historical and legal science, which is currently required but does not exist yet, that is, legal archaeology. Having conducted the research, the Author comes to the following conclusion: there was a developed legal system and legal relations in Tmutarakan. Not until the end of the 21st century, the historical and legal records of Tmutarakan basically contained the information from the chronicles of folklore nature. Only with the development of archeology, in the late 21st – early 22nd centuries, more information about the ancient Russian Tmutarakan and other forms of statehood on the Taman Peninsula and Hermonassa, Tamatarch in the Crimea was revealed. At the beginning of the 21st century, the problem of legal nature of statehood was investigated in the dissertations on theory of state and law. However, up to the present, the subject has not been thoroughly explored.

Keywords: Tmutarakan, state, society, law, Ancient Rus, principality, the Slavs, Byzantium, Khazars

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Kortyaev V. E. The Legal System of Ancient Russian Tmutarakan. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):299-310. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-299-310>. EDN: <https://elibrary.ru/ipvqyy> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историко-правовой науке правовая система древнерусской Тмутаракани исследовалась крайне мало. Причины невнимания теоретиков к данной теме различны: трудности в поиске

источников, узкие хронологические рамки предмета исследования и др. В целом, профессиональные исследования Тмутаракани с правовой точки зрения начались лишь в конце XX – начале XXI вв. Вместе с тем данная тема актуальна по той

причине, что с ее разработкой восполняется серьезный пробел в истории государства и права, касающийся вопросов зарождения целостного древнерусского государства. Исследования в области исторической науки, археологической науки также призваны восполнить данный пробел, однако без юридического осмысления и анализа правовой системы, как и общественного строя и государственного строя, он восполнен не будет. Для создания целостной картины, а также более четкой систематизации историографии и источниковедения необходимо принять следующие рамки: *досоветская историография и досоветское источниковедение (до 1917 г.)*; *советская историография и советское источниковедение (1917–1991 гг.)*; *современная историография и современное источниковедение (с 1992 г.)*.

Досоветский период является самым большим, но при этом и самым небогатым на источники, что подтверждается, в частности, более ранними исследованиями автора¹. Для историко-правовой науки представляют интерес летописные и литературные источники XII в.: «Повесть временных лет» и «Слово о Полку Игореве». Вместе с тем слабая доказуемость их достоверности породила скептическое отношение к ним некоторых исследователей (Л. Н. Гумилёв, Д. С. Лихачёв)² [1, с. 239, 242]. Применительно к данному исследованию, летописные источники следует трактовать как одни из основных, однако, для сопоставления фактов, полученных из других источников, необходим анализ и понимание конъюнктурности летописца. С юридической точки зрения, летописи имеют ту же ценность, что и фольклорные источники, так как ничего нового к раскрытию темы

не добавляют. Некоторые работы историков досоветского периода также интересны для историко-правовой науки. Это труды А. Лызлова [2], В. Н. Татищева [3], Н. М. Карамзина [4], Х. М. Лопарева [5]. Юридических исследований древнерусской Тмутаракани в досоветский период не создано. Аналогично, досоветское историко-правовое источниковедение находилось в неразвитом состоянии и может быть отмечено единственным событием – находкой Тмутараканского камня, осмысление которого с точки зрения истории права и государственности произойдет значительно позднее.

Советский период связан с развитием археологии, что существенно обогатило как источниковедение по рассматриваемой автором теме, так и историографию данного периода. Следует выделить труды А. И. Полканова [6], И. И. Ляпушкина [7], А. Н. Насонова [8], А. Л. Монгайта [9], А. В. Гадло [10], Б. А. Рыбакова [11], С. А. Плетневой [12]. Также информация по источниковедению содержится в многочисленных отчетах о работе археологических экспедиций на Таманском полуострове. В целом, говоря о значении советской историко-правовой историографии и источниковедения применительно к теме данного исследования, следует разделить собственно археологию и теорию государства и права. Советский период является ключевым для археологической науки, которая получила мощный импульс развития и регулярно пополнялась новыми исследованиями. Что касается работ юридического характера, то советский период не прибавил ничего существенного. Исследователи не видели перспектив юридической археологии как научного направления, поэтому

¹ Кортяев В. Е. Древняя Тмутаракань в досоветской историко-правовой историографии // Legal Bulletin. 2023. Т. 8, № 4. С. 65–74.

² Слово о полку Игореве. 1185–1985 : древнерус. текст / подгот. древнерус. текста, предисл. и прим. Д. С. Лихачёва ; пер. Д. С. Лихачёва ; поэтич. пер. В. А. Жуковского. М. : Совет. Россия, 1986. 117 с.

работ юридического характера по теме Тмутаракани не создавалось.

Современный период является ключевым для историко-правового исследования Тмутаракани. Начало XXI в. является наиболее продуктивным на диссертационные исследования по теории государства и права, в которых древнерусская Тмутаракань, ее государственный строй, общественный строй и правовая система рассматриваются с позиций юридической науки. Известная информация из летописных источников, работ зарубежных авторов, а также все накопленные к этому времени знания о Тмутаракани стали переосмысливаться с юридической точки зрения. В. К. Цечоев, Е. И. Дулимов, Д. Ю. Шапсугов, Л. П. Рассказов, Г. Г. Небратенко, В. Н. Чхаидзе дополнили и расширили тему исследования.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ТМУТАРАКАНИ

Одной из явных проблем при реконструкции правовой системы древнерусской Тмутаракани выступает отсутствие сохранившихся памятников права. Данная проблема характерна как для более раннего, хазарского периода существования Тмутаракани, так и для более позднего, византийского периода. Известные факты позволяют выдвинуть предположение, что право Тмутаракани возникло и функционировало как симбиоз норм и правил народов, проживающих на данной территории, главным из которых было обычное право. После принятия христианства славянским населением Древней Руси, оно так же распространилось и в Тмутаракани, что подтверждается постройкой на ее территории православных церквей. Распространение православной веры обусловило присутствие в Тмутараканском «княжестве» норм права Древней Руси (Русская Правда). Однако не следует преувеличивать распространение древнерус-

ской правовой системы. Хазарское население, составляющее значительную часть тмутараканцев, исповедовало иудаизм, который также влиял на правовые отношения. На окраине, коей считалась Тмутаракань, практиковались «оригинальные правила и обычаи, самобытные правовые акты» [13, с. 579–581, 589–590].

В рамках данной работы автор принимает попытку достоверно реконструировать правовую систему Тмутаракани, для удобства систематизирует информацию по отраслям права в современном их понимании, избегая по возможности непроверяемые источники (фольклор).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Гермонасса-Таматарха-Тмутаракань являлась центром высокоразвитых гражданско-правовых отношений. Этому способствовало выгодное месторасположение, неоднородный этнический состав, обширные торговые связи. Тмутараканское княжество являлось своеобразным перевалочным пунктом на торговом пути из Кубани и Дона в северные русские княжества. Некоторые исследователи при реконструкции славянских торговых путей неизменно подчеркивают, что «Древняя Русь понимала выгоды донского торгового пути» [14], а соответственно и важность Тмутаракани как связующего звена. В связи с этим верно утверждение, что высокоразвитые для того времени коммерческие отношения, подтвержденные находками археологов на Таманском полуострове и в Крыму, явились основой развитых гражданско-правовых отношений. Подтверждающий пример: археологами обнаружены материальные записи о долговых обязательствах тмутараканцев [15, с. 20]. А высокий уровень коммерческих отношений, торговли стимулировал развитие гражданского права в целом. Среди многочисленных торговых путей путь по Дону для древнерусского государства

был наиболее предпочтительным. И вполне допустимо, что либо важным пунктом на пути следования, либо конечным пунктом назначения являлась Тмутаракань. Поскольку торговые отношения не ограничивались простым перемещением товаров, а предполагали в том числе и сбор пошлин и дани, Тмутаракань становилась крупным финансовым центром. Со стороны Древней Руси торговые отношения с Тмутараканью являлись также способом активного проникновения славянского населения на эти земли. Арабские источники сообщают о том, что в этих местах находились резиденции наместников «Ра'ис арруаса» или же «Тарханов», которые имели хорошее управление [16]. При обострении политической ситуации, «перерезав “Залозный путь”, они [половцы] в значительной степени изолировали Тмутараканское княжество от Киевской Руси» [14, с. 13], тем не менее половецкие ханы использовали систему пошлин, позволяя славянам и прочим народам за плату заниматься торговлей.

Подтверждено наличие в Тмутаракани централизованной налоговой системы, т. е. осуществлялось формирование и развитие древнерусской налоговой и таможенной системы на Дону, производной от имевшей место в Киевской Руси и Чернигово-Тмутараканском княжестве. Полюдь сменялось повозом, который комбинировался с податной системой Древней Руси и системой, унаследованной от Хазарского государства. На Дону налоговые институты имели место в Белой Веже, Тане (Азов), погосты и перевалочные базы имелись на всем протяжении реки. Эволюция финансово-фискальной системы показывает доминирование здесь западной модели [14, с. 15].

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Область церковного права, взаимоотношения церкви и государственного аппарата Тмутараканского княжества яв-

ляется более многогранной и сложной, чем в других территориях Древней Руси. Исследователями высказывается мнение: распространение канонического византийского христианства было столь велико, что Тмутараканское княжество стало важным христианским центром, в нем имелся кафедральный собор, окруженный рядом церквей и монастырей [17, с. 80]. Это предположение подтверждается посещением Тмутаракани славянскими просветителями Кириллом и Мефодием в 861 г. Но возникает вопрос о цели их посещения. Возможно, она заключалась в более активной, говоря современным языком, «агитации» за христианство населения княжества. Те же шаги на всем протяжении истории Тмутаракани предпринимались главами автохтонной Зихской (Тмутараканской) епархии. Проповедники и византийские монахи проводили работу по вовлечению языческого адыгского населения в христианскую веру. Высказывается предположение, что впоследствии «князю Мстиславу легко удалось объединить в рамках одной политической системы адыгские этно-территориальные группы в единое, крупное адыго-славянское политическое образование» [18, с. 60–61].

Вместе с тем таманское государственное образование управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, имелось свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийским), была основана автокефальная епархия [19, с. 22]. С присоединением Тмутаракани к Руси, положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опирающуюся на поддержку местного населения, и являясь основными владельцами прилегающих к городу обрабатываемых земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя [20, с. 6–7].

Факты, высказанные А. В. Гадло, вступают в противоречие с мнением И. Я. Фроянова, который подчеркнул, что задача Мстислава заключалась в распространении православной веры среди местного населения. Выполнить ее было довольно легко, так как князь являлся христианином [21, с. 559]. На взгляд автора, вместе с неоспоримым наличием в Тмутаракани влиятельной христианской общины, стоит принять во внимание неустойчивое положение самой фигуры русского князя на данной территории. Язычество, широко распространенное среди неславянского населения Тмутаракани, хазарская иудейская вера не позволяют говорить о доказанности факта повсеместного распространения христианства. Религиозная функция князя, что наиболее вероятно, ограничивалась церемониальной составляющей, и ее роль не следует преувеличивать. Кроме того, когда говорится о поединке князя Мстислава с касожским князем Редедей и обращением Мстислава к Богородице о помощи: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое»³, необходимо иметь в виду, что одной из задач авторов летописей в знаковый исторический период крещения Руси было подчеркивание достоинств христианской веры. Было необходимо доказать народам Древнерусского государства, что христианская вера действительно помогает принявшим ее. Соответственно, факты из «Повести временных лет» могут признаваться достоверными лишь с большими оговорками.

Известно, что Никон Печерский, известный древнерусский церковный деятель и летописец, достаточно длительное время жил и вел активную деятельность в Тмутаракани. В частности, Никон стал автором посмертных похвал князьям Тмутаракани – Мстиславу, Ростиславу,

Глебу. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что Никон отправился в 1064 г. в Тмутаракань и основал там монастырь. Он хорошо знал тмутараканских князей Ростислава и Глеба и события, разыгравшиеся в Тмутаракани в 1064–1067 гг. Там же, в Тмутаракани, Никон мог расспросить о первом Тмутараканском князе – знаменитом Мстиславе Лютом, как запомнила его народная легенда. В 1067 г. Никон вернулся в Киев, а в 1074 г. он еще раз виделся с князем Глебом, который пришел в Печерский монастырь проститься с умиравшим игуменом Феодосием [22, с. 73]. На наш взгляд, данные факты свидетельствуют о позитивном восприятии тмутараканских князей сановниками Древнерусского государства. Как отмечает А. В. Серегин, «князья поддерживали греческую христианскую церковь, духовенство которой в свою очередь обеспечивало им духовно-идеологическую поддержку в легитимации их власти» [23, с. 186].

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО. ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ

Не вызывает сомнений, что конституционное право в современном понимании на территории Тмутаракани отсутствовало. Мы можем говорить о нем лишь в контексте наследования престола князьями и в той степени, в которой этот процесс можно достоверно отследить. Мстислав Владимирович (988–1036 гг.) был первым русским князем, о котором сообщает летопись. Ярослав Мудрый (1036–1054 гг.) владел княжеством после смерти Мстислава, однако какое-либо его присутствие в Тмутаракани не установлено. Вероятно, князь назначил посадника на этот период. После смерти Ярослава княжество унаследовал его сын Святослав, который передал княжеский престол Тмутаракани своему сыну – Глебу Святославичу (1054–1064 гг.). Однако Глеб был свергнут

³ *Повесть временных лет* / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачёва ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. С. 189.

своим братом Ростиславом Владимировичем. Последний до этого был изгнан из Новгорода и пытался таким образом получить себе какое-нибудь княжество. Противостояние братьев за тмутараканский престол длилось с 1064 г. по 1065 г. Свергнутый Глеб обратился за помощью к отцу, и Ростислав оставил город без боя, не желая сражаться с дядей. Но как только Святослав со своей дружиной ушел из Тамани, Ростислав вновь выгнал брата из города. В противостояние братьев вмешалась Византия: Ростислав был отравлен константинопольским послом и престол вновь занял Глеб (1066–1068 гг.). В 1077–1079 гг. княжил Роман Святославич – родной брат Глеба. Роману Тмутаракань тоже досталась в наследство, но, ввязавшись в междоусобную борьбу, он погиб. Престол мог достаться его брату Олегу, который жил в Тмутаракани изгоем, но князь был схвачен хазарами и выдан Византии. Затем власть над княжеством перешла великому князю Всеволоду, который правил в Тмутаракань посадника Ратибора (1079–1081 гг.). В 1081–1083 гг. был дуумвират Давида Игоревича и Володаря Ростиславича. Они, как и прежние правители, узурпировали власть и были свергнуты вернувшимся из византийской ссылки Олегом (последний правил в Тмутаракани до 1094 г.). Князь Олег был последним правителем, носившим титулы кагана и архонта. По мере усиления княжеских ушибов прослеживается ослабление русских позиций в Тмутаракани, княжество постепенно становится византийской провинцией. С конца XI в. преемственность власти уже не прослеживается. Только по работам В. Н. Татищева, который как будто обладал несохранившейся летописью, можно проследить последующую преемственность власти. Олег, потерпев ряд политических неудач, вновь объявился в Тмутаракани (1113 г.) [23, с. 182].

Автор приводит данную информацию в исследовании, чтобы указать на сово-

купность факторов, определяющих процесс передачи власти: Тмутараканское княжество не могло контролироваться центральной киевской властью столь же тщательно, как другие, близкие к центру русские княжества, например Черниговское, с которым у Тмутаракани зафиксированы обширные связи. Ярослав Мудрый фактически не участвовал в управлении Тмутараканью, его функции исполнял назначенный им же посадник, что наиболее вероятно, поскольку источников, сообщающих о волнениях на почве недовольства центральной властью, либо что сложившаяся ситуация означала безвластие, не обнаружено. Близость Византийской империи также следует рассматривать как фактор, дестабилизирующий киевскую власть в Тмутараканском княжестве. Наиболее логичным представляется желание правителей Тмутаракани сохранить свою независимость от Киевской Руси. Междоусобная борьба за обладание княжеством, князья-изгои, находящиеся в Тмутаракани практически все время, известное по источникам и рассматривающие эту территорию, как весьма удобную для развертывания своей политической деятельности, на взгляд автора также свидетельствует о крайне шатком положении центральной власти Древнерусского государства применительно к Тмутаракани. Князья изгои не могли восприниматься местным населением как легитимные правители. Местные сепаратистские настроения, представленные хазарской, греческой диаспорами, всегда были крайне сильны. Это фактически привело к тому, что в XII в. Тмутаракань оказалась под контролем Византийской империи.

ПРАВОСУДИЕ

В процессе работы над статьей автор пришел к выводу, что достоверных источников, тем более кодифицированных документов, в которых была бы информация о зачатках на почве обычного права

(поскольку доминирование обычного права в тот момент диктовалось цивилизационным развитием) административного права, уголовного права и судебной системы на территории Тмутаракани не обнаружено. Предположительно, эти отрасли права Тмутаракани копировали древнерусские. «Констатируя признанность в Тмутаракани общерусской общинной модели, можно с уверенностью предполагать, что судебные функции князя выражались в решении внутренних проблем жизни города. Тмутаракань выделялась, прежде всего, своим торговым статусом, где не могли не обходиться без споров, которым надлежало решаться в княжеском суде. В общерусском контексте судебное разбирательство превратилось почти в повседневное занятие князя» [21, с. 519; 24, с. 119].

Необходимо сразу же подчеркнуть, что доводы С. А. Цыганкова, касающиеся «признанности общерусской общинной модели достаточно спорны. Существуют разные точки зрения на вопрос: какую модель государственного и общественного устройства переняла Тмутаракань? И говорить о логичности подобной констатации при достоверно установленном факте наличия государственности (хазарского происхождения) на данной территории до первого упоминания Тмутаракани в летописи — необходимо только принимая во внимание этот факт. Н. Ф. Котляр подвергает сомнению вообще сам факт вхождения Тмутаракани в число русских княжеств. По его мнению, близлежащие территории не были «окняженными» и на них не распространялась ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд» [25, с. 193–194]. Таким же образом нужно говорить и о судебных функциях князя: у нас нет достоверных данных, чтобы уверенно говорить о том, какого рода были проблемы, как решал эти проблемы князь («каган»),

что понимать под «судебным разбирательством». У нас также нет данных о том, что судебная система Тмутаракани была самостоятельна, либо копировала Византийскую или древнерусскую (древнеславянскую). На Тмутараканское княжество должно было распространяться действие княжеских уставов и Русской Правды⁴. Тем более, что Тмутаракань была связана с судьбой древнерусских князей Владимира и Ярослава Мудрого, посадника Ратибора, они все широко известны на законотворческом поприще [26, с. 36]. Следовательно, могли принять участие в появлении на Тамани какого-либо актового материала, не дошедшего до нашего времени [27, с. 81].

Не вызывает сомнений, что судебная система в ее зачаточном состоянии не могла не присутствовать. Князь («каган») в той или иной степени, единолично или с «дружиной» должен был осуществлять и судебные функции. Нельзя исключать влияния церковных иерархов (и не только христианских) на этот процесс. Торговые споры, мошенничество — все подлежало правовой регламентации, расследованию и судебному рассмотрению в той степени, в которой это было возможно. Однако в силу специфики государственного устройства и этнической неоднородности до момента перехода Тмутараканского княжества под контроль Византии, т. е. выпадения его из сферы влияния Древнерусского государства, однозначно говорить о превалировании древнерусской правовой системы на данной территории невозможно.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

При рассмотрении семейно-правовых и брачных отношений в Тмутараканском княжестве существенное место исследователи отводят фольклору. Семейное право населения Тмутараканского княжества прослеживается по фольклорным

⁴ Цечоев В. К. История отечественного государства и права : учеб. пособие. М. : Прометей, 2017. С. 24.

источникам. Известно интересное адыгейское предание «Громобой, новгородский витязь и прекрасная княжна касожская Миловзора». Современные исследования позволяют с большей уверенностью отнести песню к событиям X–XI вв. Подобные сказания были популярны у язычников с VIII в. [28]. Подобные суждения на данном этапе могут быть приняты на веру, поскольку поиск новых источников напрямую связан с археологическими исследованиями. А они не столь часто обогащают историко-правовую науку в части, связанной с темой данного исследования. Вместе с тем семейно-правовые отношения Тмутаракани можно реконструировать, исходя из того, что нам известно о семейном праве двух государств, оказавших наиболее сильное влияние на Гермонассу-Таматарху-Тмутаракань – Древней Руси и Византийской империи. А также из того, что историко-правовой науке известно о семейном праве народов, населявших Таманский полуостров и Крым – хазар, алан, адыгов, зихов.

Прежде всего древнеславянские семейно-правовые отношения строились на нормах обычного права. Причем, развитие этих отношений напрямую зависело от развития тех или иных славянских племен. Наиболее высокоразвитые брачно-семейные отношения были у полян, что диктовалось их выгодным «столичным» положением по сравнению с другими племенами. У прочих же (древляне, вятичи, северяне) их уровень был близок к первобытному. «Повсеместно существовало многоженство, некоторые мужчины имели по две и даже по три жены. Неписанные семейные обычаи говорят в сфере имущественных отношений лишь о приданом, которое выделялось семьей невесты и в дальнейшем принадлежало последней. В сфере личных правоотношений также большую роль играли обычаи, подчас весьма жестокие» [29, с. 38]. Обычаи были весьма устойчивыми даже тогда,

когда появились новые формы права и сохраняли свое значение в наибольшей полноте на окраинах государства [30, с. 26].

Характеристика древнерусского семейного права, данная О. П. Семёновой, в полной мере применима к Тмутаракани, «окраине» государства. Славянское население данной территории вполне могло придерживаться обычаев и после принятия Русью христианства и реформы семейных устоев по византийскому образцу. Автор приходит к выводу о подтверждении факта распространения в Тмутараканском княжестве норм древнерусского семейного права. Вместе с тем об участии женщин в политической жизни княжества ни письменных, ни археологических подтверждений не обнаружено. Возможно, сказалась близость Северного Кавказа и народов, составляющих весомый процент населения Тмутаракани с их традиционным обществом, где женщине не могли быть позволены те же свободы, что и у славян.

Семейное право тесно переплетается с наследственным правом и наследственными правоотношениями. Большинство исследователей сходятся во мнении, что древнерусские юридические документы (напр. «Русская Правда») действовали на территории Тмутаракани.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной работы автор принял попытку реконструкции тех отраслей права, которые могли быть реконструированы. Не могут быть реконструированы процессуальные отрасли в современном их понимании – гражданский процесс, уголовный процесс. Не могут быть также реконструированы более специфические отрасли права по причине их отсутствия в рассматриваемый хронологический период.

Автор убежден, что в отечественной историко-правовой науке на современном этапе сформировался запрос на разработку самостоятельной юридической

дисциплины – юридической (правовой) археологии. На сегодняшний день данное направление фактически не разработано. Автор видит свою цель в данной работе

и последующих своих работах: представить теоретическое обоснование и принять попытку разработки данного направления.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Открытие Хазарии. М. : Айрис-пресс, 2002. 416 с.
2. Лызлов А. Скифская история / подг. текста, комм., указ. А. П. Богданов ; отв. ред. Е. В. Чистякова. М. : Наука, 1990. 520 с.
3. Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Ладомир, 1995. Т. 5–6. История Российская. Ч. 3–4. 784 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 2. 526 с.
5. Лопарев Х. М. Византийская печать с именем русской княгини // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 159–166.
6. Полканов А. И. К вопросу о конце Тматороканского княжества // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. II (59). С. 44–60.
7. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и на Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1941. № 6. С. 191–246.
8. Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 262 с.
9. Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран : сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. : Изд-во вост. лит., 1963. С. 54–61.
10. Гадло А. В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России. Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. С. 59–67.
11. Рыбаков Б. А. Черниговское и Северское княжества // История СССР : в 12 т. М. : Наука, 1966. Т. 1. 720 с.
12. Плетнева С. А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // Советская археология. 1987. № 1. С. 258–262.
13. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М. : Зерцало-М, 2002. 378 с.
14. Скоробогатова Л. А. Развитие финансовых и фискальных органов на Дону в раннем средневековье (Тмутараканское княжество, Древняя Русь) // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 10–16.
15. Виноградов В. Б., Голованова С. А. Тмутаракано-каскожские связи конца X в. в фольклорно-литературном отражении // Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы : сб. ст. Армавир : Армавирское полиграфпредприятие, 2003. С. 20–21.
16. Иловыйский Д. И. Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). М. : Олимп : АСТ, 2002. 449 с.
17. Остапенко Р. А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков. 2019. № 1 (17). С. 78–97.
18. Дзамихов К. Х. Адыги в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770-х гг.). Нальчик : Эль-Фа, 2001. 408 с.
19. Гадло А. В. Тматороканские этюды. III // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1990. Вып. 2. С. 21–33.
20. Гадло А. В. Тматороканские этюды. VII // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 2. С. 3–15.
21. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Фроянов И. Я. Начала русской истории: избранное / отв. ред. Ю. Г. Алексеев ; С.-Петерб. гос. ун-т. М. : Парад, 2001. С. 483–714.
22. Исмаилова З. А. Посмертная летописная похвала правителю, как исторический источник (на основании выводов А. А. Шахматова в изучении летописей) // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3 (49). С. 70–82. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-03-70-82>
23. Серегин А. В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси : моногр. Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. 242 с.
24. Цыганков С. А. Политическое устройство древнерусской Тмутаракани // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2006. № 7. С. 117–123.
25. Котляр Н. Ф. Тматороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы. М. : Индрик, 2001. С. 191–197.
26. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М. : Наука, 1984. Т. I : Законодательство Древней Руси. 430 с.

27. Печоев В. К. Реконструкция правовых отношений Тмутараканского княжества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. № 6 (121). С. 81–83. DOI: <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2021-121-6-81-83>
28. Сборник Русского исторического общества / под ред. В. А. Захарова. М. : Русская панорама, 2002. Т. 4 (152): От Тмутараканя до Тамани. 350 с.
29. Бартольд В. В. Извлечения из «Зайн ал-Ахбар» Гардизи // Бартольд В. В. Соч. : в 9 т. М. : Изд-во вост. лит., 1973. Т. 8. С. 23–62.
30. Семёнова О. П. Развитие семейно-брачных отношений в Древнерусском государстве // История государства и права. 2006. № 11. С. 25–27.

References

1. Gumilev L. N. *The Discovery of Khazaria*. Moscow: Airis-press; 2002. 416 p. (In Russ.)
2. Lyzlov A. *Scythian History*. Moscow: Nauka Publ.; 1990. 520 p. (In Russ.)
3. Tatischev V. N. *Collected Works. Vol. 5–6. Russian History. Pt. 3–4*. Moscow: Ladomir Publ.; 1995. 784 p. (In Russ.)
4. Karamzin N. M. *The History of the Russian State. Book 2*. 5th ed. St. Petersburg, 1842. 526 p. (In Russ.)
5. Loparev X. M. The Byzantine Seal with the Name of the Russian Princess. *The Byzantine Chronicle*. 1894;1:159-166. (In Russ.)
6. Polkanov A. I. On the Decline of the Tmutorokanian Principality. *Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography*. 1928;2:44-60. (In Russ.)
7. Lyapushkin I. I. Slavic Russian Settlements of the 19–22 Centuries on the Don and Taman Archaeological Sites. *Materials and Investigations on the Archeology of the USSR (MLA)*. 1941;6:191-246. (In Russ.)
8. Nasonov A. N. *The Russian Land and the Formation of the Ancient Russian State*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ.; 1951. 262 p. (In Russ.)
9. Mongait A. L. On the Borders of the Tmutarakan Principality in the 21st Century. In: *Problems of Socio-Political History of Russia and Slavic Countries*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1963. P. 54–61. (In Russ.)
10. Gadlo A. V. The Eastern Campaign of Svyatoslav. On the Emergence of the Tmutarakan Principality. In: *On the History of Feudal Russia*. Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1971. P. 59–67. (In Russ.)
11. Rybakov B. A. The Principalities of Chernigov and Seversk. In: *History of the USSR. Vol. 1*. Moscow: Nauka Publ.; 1966. 720 p. (In Russ.)
12. Pletneva S. A. A Clay Rhyton from Korchev and a Bronze Mask from Tmutarakan. *Soviet Archaeology*. 1987;1:258-262. (In Russ.)
13. Yushkov S. V. *The Russian Pravda. Origin, Sources, and Its Significance*. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2002. 378 p. (In Russ.)
14. Skorobogatova L. A. The Establishment of Financial and Fiscal Authorities on the Don in the Early Middle Ages (Tmutarakan Principality, Ancient Rus). *The Humanities and Social Sciences*. 2011;3:10-16. (In Russ.)
15. Vinogradov V. B., Golovanova S. A. Tmutarakan Kassogian Connections of the Late 10th Century in Folklore and Literature. In: Vinogradov V. B. *Russia and North Caucasus: History Reflected in Fiction*. Armavir: Armavir Publ.; 2003. P. 20–21. (In Russ.)
16. Il'vinskii D. I. *The Emergence of Rus ("Research on the Emergence of Rus. Instead of an Introduction to Russian History")*. Moscow: Olimp Publ., AST Publ.; 2002. 449 p. (In Russ.)
17. Ostapenko R. A. Elements of Christianity in the Culture of the Circassians According To Ethnographic, Linguistic and Archaeological Sources. *Heritage of Centuries*. 2019;1:78-97. (In Russ.)
18. Dzamikhov K. Kh. *The Adyghes in Russian Politics in the Caucasus (1550 – early 1770s)*. Nalchik: El'-Fa Publ.; 2001. 408 p. (In Russ.)
19. Gadlo A. V. Tmutorokan Sketches. III. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Istoria, azyk, literatura*. 1990;2:21-33. (In Russ.)
20. Gadlo A. V. Tmutorokan Sketches. VII. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2, Istoria, azykoznanie, literaturovedenie*. 1992;2:3-15. (In Russ.)
21. Froyanov I. Ya. Kievan Rus. Essays on Sociopolitical History. In: Froyanov I. Ya. *The Beginning of Russian History: Selected*. Moscow: Parad Publ.; 2001. P. 483–714. (In Russ.)
22. Ismailova Z. A. Posthumous Chronicle Praise of the Ruler as a Historical Source. *The Bryansk State University Herald*. 2021;3:70-82. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-03-70-82> (In Russ.)
23. Seregin A. V. *A Legal Study of the State and Law of Ancient Rus*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ.; 2014. 242 p. (In Russ.)
24. Tsikankov S. A. The Political System of Old-Russian Tmutarakan. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2006;7:117-123. (In Russ.)
25. Kotlyar N. F. Tmutorokan Concerns of the Kievan Princes. In: *Norn at the Sacred Well*. Moscow: Indrik Publ.; 2001. P. 191–197. (In Russ.)

26. *Russian Legislation of the 10–20th Centuries. Vol. I: The Legislation of Ancient Rus.* Moscow: Nauka Publ.; 1984. 430 p. (In Russ.)
27. Tsechoev V. K. Reconstruction of Legal Relations of the Tmutarakan Principality. *Humane, Social and Economic Sciences*. 2021;6:81–83. DOI: <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2021-121-6-81-83> (In Russ.)
28. Zakharov V. A. (Ed.). *Collected Works of the Russian Historical Society. Vol. 4 (152): From Tmutarakan to Taman.* Moscow: Russkaya panorama Publ.; 2002. 350 p. (In Russ.)
29. Bartol'd V. V. Extracts From “Zayn al-Akhbar” by Gardizi. In: Bartol'd V. V. *Essays. Vol. 8.* Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1973. P. 23–62. (In Russ.)
30. Semenova O. P. Family and Marriage Relations in the Ancient Russian State. *History of State and Law*. 2006;11:25–27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виталий Евгениевич Кортяев, соискатель кафедры гражданского права и процесса Ростовского государственного университета путей сообщения (пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, Ростов-на-Дону, 344038, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4329-2676>; e-mail: vitaly.kortyaeff@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vitaly E. Kortyaev, external postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure at the Rostov State Transport University (2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenya sq., Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4329-2676>; e-mail: vitaly.kortyaeff@yandex.ru

Поступила | Received
26.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
23.05.2024

Принята к публикации | Accepted
28.05.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-311-323

EDN: JKTMZV

Оригинальная научная статья

Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда

А. В. Терехова

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация

✉ dtytwbz-g-a@mail.ru

Аннотация. Участие публичной администрации в расследовании несчастных случаев взаимосвязано с производством по делам об административных правонарушениях в сфере государственных нормативных требований охраны труда. В рамках данных видов административной деятельности возникают вопросы, связанные с применением административного усмотрения (дискреции). В отсутствие регламентации в законодательстве РФ дискреция активно исследуется в научной литературе и используется вышестоящими судами. В целях предотвращения угроз правам и интересам граждан и организаций от неконтролируемого проявления дискреции и обеспечения стабильности правопорядка определяется необходимость установления критериев усмотрения, которое реализуется в рамках административной практики органов публичной администрации посредством принятия административного акта. Кроме того, принципы защиты доверия, правовой определенности и пропорциональности (соразмерности) являются основой законности видов деятельности, их эффективности и обеспеченности конституционных прав контролируемых лиц. Целью исследования являются проблемы усмотрения при реализации порядка расследования и административного расследования по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда. В статье анализируется сущность усмотрения, приводится характеристика порядка расследования несчастных случаев на производстве в части оценки правовой определенности и формализации порядка, возможности влияния субъективных факторов на порядок, сроки и результаты расследования, а также исследуются проявления дискреции на примере административного расследования по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда. При этом используются формально-юридический, формально-логические и диалектические методы. А выводы сводятся к следующему: 1) административное усмотрение определяется через категории «выбор» и «свобода», ограниченные законом; 2) требуется большая правовая определенность порядка расследования; 3) следует избегать проведения и продления сроков административного расследования без должных на то оснований; 4) не утрачивают актуальности проблемы реализации соразмерности при назначении административного наказания.

Ключевые слова: административное усмотрение, дискреция, административное расследование, государственные нормативные требования охраны труда, несчастный случай на производстве, административное правонарушение

© Терехова А. В., 2024

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Терехова А. В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 311–323. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-311-323>. EDN: <https://elibrary.ru/jktmzv>

Original scientific article

Administrative Discretion in the Investigation of Industrial Accidents and Administrative Investigations in Cases of Violations of State Regulatory Requirements for Occupational Health and Safety

A. V. Terekhova

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

✉ dtytwbz-g-a@mail.ru

Abstract. The participation of the public administration in the investigation of accidents is interconnected with the proceedings on administrative offenses regarding state regulatory requirements for occupational health and safety. In the context of these types of administrative activities, there arise issues related to the application of administrative discretion. In case of no regulation in the legislation of the Russian Federation, discretion is thoroughly investigated in scholarly papers and used by higher courts. In order to protect the rights and interests of citizens and organizations from uncontrolled discretion and ensure law enforcement, it is necessary to establish criteria of discretion, which is implemented by public administration bodies through the adoption of an administrative act. Moreover, the principles of confidence, legal certainty and proportionality are the basis for the legality of actions, their effectiveness and the protection of the constitutional rights of the observees. The purpose of the study is the administrative discretion in the implementation of the procedure for investigation and administrative investigation in cases of violations of state regulatory requirements for occupational health and safety. The paper analyzes the essence of discretion, describes the procedure for investigating industrial accidents in terms of assessing legal certainty and formalization of the procedure, subjective factors influencing the procedure, timing and results of the investigation. The paper also examines the implementation of discretion through the example of administrative investigation into violations of state regulatory requirements for occupational health and safety. The study uses formal legal method, formal logical and dialectical methods. The following conclusions are made: 1) administrative discretion is determined through the categories of "choice" and "freedom" restricted by law; 2) greater legal certainty of the investigation procedure is required; 3) it is necessary to avoid conducting and extending the terms of an administrative investigation with no just cause; 4) it is important to observe proportionality in imposing administrative penalty.

Keywords: administrative discretion, discretion, administrative investigation, state regulatory requirements for health and occupational safety, industrial accident, administrative offense

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Terekhova A. V. Administrative Discretion in the Investigation of Industrial Accidents and Administrative Investigations in Cases of Violations of State Regulatory Requirements for Occupational Health and Safety. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):311-323. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-311-323>. EDN: <https://elibrary.ru/jktmzv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Принятие решения очень часто сопровождается выбором, который предполагает предоставление предпочтения одному из возможных вариантов поведения. В административном праве проблема верного выбора существует в контексте рассмотрения вопросов, связанных с теорией дискреции. Российское законодательство не содержит положений об административном усмотрении. В решениях вышестоящих судов России встречаются разъяснения по данному вопросу¹. В постановлении Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21 изложены значимые для судебной практики критерии оценки границ усмотрения органов публичной администрации и законности дискреционных административных актов, оспариваемых в рамках главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Многие российские и зарубежные авторы посвящают свои научные труды проблематике административного усмотрения. Прежде всего, отечественные ученые анализируют существо, предназначение, осуществление усмотрения и ограничение его пределами. Вместе с тем исследования не носят системного характера, а важному вопросу судебной проверки акта административной дискреции не уделяется должного внимания². Эти пробелы в научных исследованиях и известная важность самого феномена административного усмотрения формируют актуальность данного исследования.

В статье после краткого исследования сущности административного усмотре-

ния будут раскрыты вопросы его применения в расследовании несчастных случаев на производстве, значимости обоснования актов расследования несчастных случаев на производстве и административных актов, принятых контролирующими органами в ходе и по итогам порядка расследования, а также проявления дискреции в административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда.

О сущности

АДМИНИСТРАТИВНОГО УСМОТРЕНИЯ

Мнения российских ученых относительно определения сущности и составных частей усмотрения разделились. Одни ученые считают, что административное усмотрение представляет собой выбор варианта управленческого решения, а производимую до его реализации оценку фактов и обстоятельств называют составной частью категории дискреции [1, с. 423]. Другие же выбор и оценку представляют в качестве двух элементов усмотрения³. Но в отличие от австрийской правоприменительной практики [2, с. 26], выделяющей наряду с административной дискрецией на основе выбора усмотрение на основе действия, доминантами в определении обсуждаемого правового феномена усмотрения в российском порядке указывают категории «выбор» и «свобода» [3, с. 235].

В зарубежной практике формирование феномена административного усмотрения происходило в несколько этапов: от разумного и свободного к контролируемому усмотрению с критериями оценки дискреционных административных актов,

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Встреча»: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 мая 2013 г. № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 22, ст. 2862.

² Серков П. П., Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 4. С. 374. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-4-374-383>

³ Гирвиц А. В. Полицейское усмотрение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 49.

с оформлением таких критериев в законах и правовых позициях судов⁴. Так, в немецком правопорядке теория усмотрения регламентирована в Законе об административных процедурах, при этом органы административной юрисдикции обязаны применять данный феномен согласно предписанной цели и не нарушая пределов, заданных законом [4, с. 5].

В России становление доктрины административного усмотрения произошло самобытным образом, с учетом аспектов отечественного административного права, государственного управления и истории страны, но с основой на континентальной доктрине. Однако, российское законодательство не имеет должной регламентации административного усмотрения. Тем не менее, в решения высших судов России встречаются разъяснения по вопросам интерпретации и применения дискреции. Так, постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21, разъясняющее вопросы применения судами главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ, ограничивает дискрецию пределами полномочий (законными предписаниями) и законной целью⁵. При этом нарушением пределов усмотрения является использование усмотрения вопреки законной цели или принципу соразмерности. А через принципы пропорциональности и защиты доверия обеспечивается контроль дискреционных административных актов, учитывая при этом требования добросовестности, разумности, справедливости и другие аспекты⁶.

Таким образом, в рамках любой правовой деятельности производится оценка

фактических обстоятельств до принятия соответствующего решения. В силу изложенного нет необходимости в выделении оценки в качестве отдельного элемента усмотрения. Усмотрение представляет собой непосредственно сам выбор публичной администрации варианта решения управленческого вопроса⁷. И в качестве формы дискреции выступает административный акт. Вместе с тем дискреционный административный акт принимается в условиях нормативно-правовой неопределенности, но с учетом наличия определенных границ, очерченных законом. При этом критериями оценки законности дискреционных административных актов служат принципы права.

Об административном усмотрении в расследовании несчастных случаев на производстве

Под влиянием научных исследований вышестоящие суды стали активнее использовать взаимосвязанные теории административных процедур, усмотрения и актов. Так, постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21 задает ориентиры оценки административных актов в виде принципов соразмерности, защиты доверия и законности, определяет основания пересмотра и отмены благоприятствующих и обременяющих административных актов. Вышеупомянутое Постановление заимствует определенные критерии из континентальной доктрины, но с акцентами на сложившуюся стержневую опору российского правопорядка на принцип законности.

⁴ Шерстобоев О. Н. Теория административного усмотрения: этапы формирования // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 158–173. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-158-173>

⁵ О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 // Рос. газ. 2022. 13 июля.

⁶ Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 3. С. 310. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-3-297-312>

⁷ Серков П. П., Соловей Ю. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) ... С. 374.

Вместе с тем в решениях Конституционного Суда РФ, в частности в постановлении от 9 ноября 2022 г. № 48-П⁸ получивший суверенное значение принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства устанавливает границы административного усмотрения, представленного в виде возможности органа отменять ранее принятый им акт. Вместе с тем учитываются последствия таких решений для адресата акта и не упускаются из внимания требования справедливости и разумности. А критерий разумности выступает здесь не только в качестве основы для возникновения усмотрения, но и как его границы и инструмент контроля их соблюдения⁹. Но, прежде всего, разумность в идеале присутствует в процедуре принятия административного акта. Исходя из того, что принятию дискреционного административного акта предшествует определенная работа по оценке оснований, целей, обстоятельств и условий его совершения, по соблюдению процедуры, предшествующей изданию акта, но, вместе с тем, реализуется эта деятельность в условиях правовой неопределенности¹⁰.

Так, по результатам основного расследования несчастных случаев на производстве органами публичной администрации в описанных законом случаях оформляются административные акты, связанные с контрольно-надзорной деятельностью за соблюдением порядка и проверкой обос-

нованности выводов комиссии по итогам дополнительного расследования (например, распоряжение о проведении дополнительного расследования, предписание).

Такая деятельность протекает параллельно в ходе осуществления контроля (надзора) и одновременно на границах, очерчивающих процедуру дополнительного расследования, и связана с проверкой контролирующими органами соблюдения порядка основного расследования, что придает последнему, условно говоря, смешанную природу, основанную на двух отраслях права – трудовой и административной. Итак, расследование несчастных случаев представляет собой специфическую административную деятельность. А следовательно, является уместным рассмотреть данную деятельность в контексте реализации вопросов административного усмотрения.

Расследование несчастного случая, в свою очередь, ориентировано на установление фактических обстоятельств, объективных причин, а также нарушений и виновных лиц. Ранее действующее постановление Минтруда России от 24 октября 2002 г. № 73¹¹ не определяло перечня возможных причин несчастных случаев. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 апреля 2022 г. № 223н¹² утверждает усовершенствованное Положение об особенностях расследования (далее –

⁸ По делу о проверке конституционности абзаца первой части 1 статьи 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю. А. Плахтеевой, А. Ю. Савушкиной и А. Ю. Яковлевой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 48-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 47, ст. 8304.

⁹ Шерстобоев О. Н. Указ. соч. С. 166.

¹⁰ Соловей Ю. П., Серков П. П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-6-24>

¹¹ Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях : постановление Минтруда России от 24 окт. 2002 г. № 73 (ред. от 14 нояб. 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.08.2024).

¹² Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве : приказ М-ва труда и социал. защиты Рос. Федерации от 20 апр. 2022 г. № 223н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 28.08.2024).

Положение), которое детализирует порядок расследования. Появляются, в частности, классификаторы типов, категорий, причин несчастных случаев. Комиссией производится определение причин согласно классификатору. При этом характер общей причины «неудовлетворительная организация производства работ» с неограниченным внутренним наполнением и отсутствие алгоритма или методики определения причин в совокупности позволяют комиссии усматривать в качестве причин нарушения работодателем государственных нормативных требований охраны труда, которые не находятся в причинно-следственной связи с произошедшим инцидентом¹³.

И такая правовая неопределенность положений *законодательства* применительно к описанию порядка расследования *встречается* не единожды.

Так, правовая неопределенность и возможность для усмотрения проявляются в процедурных моментах расследования (в том числе, при формировании состава комиссии). В положениях, связанных с проявлением усмотрения комиссией или ее председателем, используется словосочетание «*при необходимости*», являющееся одним из характерных признаков дискреции. Например, *необходимость* участия в комиссии лица, ответственного за содержание территории объекта, на котором произошел случай, определяется *по усмотрению комиссии* (ст. 229 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)). А продление расследования производится *при необходимости* председателем комиссии для дополни-

тельной проверки обстоятельств и осуществления экспертиз (ст. 229¹ ТК РФ). Вместе с тем, обязательность оформления заседания членов комиссии не установлена. По общему правилу протоколирование производится по усмотрению комиссии. Протокол составляется только при отказе членов комиссии подписать акт расследования (п. 31 Положения) или в особых ситуациях (п. 21.2 Положения)¹⁴. И если упомянутые положения ст. 229 ТК РФ и ст. 229¹ ТК РФ нельзя с точностью отнести во всех ситуациях к отрицательным проявлениям усмотрения, то отсутствие обязательности протоколирования заседания комиссии можно охарактеризовать с негативной стороны. Так, принятые с учетом изложенного, в частности, решения членов комиссии, в том числе, органов публичной администрации, могут влиять на результаты расследования в направлении сокрытия обстоятельств, материалов случая, а также совершенных нарушений. И причины подобного сокрытия лежат в недостаточной формализации, а значит, и правовой неопределенности порядка расследования.

Правовая неопределенность наблюдается и в отношении правового понятия грубой неосторожности пострадавшего в несчастном случае на производстве. Данное понятие не урегулировано в российском законодательстве. Как и не регламентированы понятие административного усмотрения и варианты его проявлений (форм). При этом различные национальные правовые порядки решают вопрос соотношения неопределенных правовых понятий и дискреции по-разному. Например, немецкий

¹³ При наличии нарушения или нарушений со стороны работодателя государственных нормативных требований охраны труда, как правило, грубая неосторожность пострадавшего не устанавливается. А нарушения государственных нормативных требований охраны труда относят в основные причины, не анализируя причинно-следственную связь с произошедшим несчастным случаем (*Апелляционное определение Пензенского областного суда от 17 нояб. 2022 г. № 33а-3723/2022*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ *Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве* : приказ М-ва труда и социал. защиты Рос. Федерации от 20 апр. 2022 г. № 223н.

правопорядок относит неопределенные правовые понятия к подлежащим толкованию понятиям [5, с. 297–298], а российская доктрина – к форме усмотрения [6, с. 110–111]. В отношении понятия грубой неосторожности пострадавшего считаем, что его можно отнести к форме усмотрения. Данная позиция подкрепляется практикой расследования, которая складывается следующим образом. При наличии нарушения или нарушений работодателем государственных нормативных требований охраны труда, как правило, грубая неосторожность пострадавшего комиссией или публичной администрацией не устанавливается, за исключением, например, случаев, когда пострадавший находился в состоянии алкогольного опьянения.

Такая тенденция наблюдается и в судебной практике. Например, при оспаривании работодателем актов государственного инспектора труда, принятых по итогам дополнительного расследования, судом было установлено¹⁵: 1) в ходе такого расследования были выявлены нарушения работодателем в виде допуска к работе без обучения охране труда дополнительно к уже зафиксированному в акте расследования несоблюдению работником правил дорожного движения; 2) с учетом установленных нарушений государственных нормативных требований охраны труда грубая неосторожность в действиях пострадавшего не должна была определяться. Суды апелляционной и кассационной¹⁶ инстанций не усмотрели в совершенном работником выезде на полосу, предназначенную для встреч-

ного движения транспортных средств, обсуждаемой грубой неосторожности пострадавшего; акты инспектора признали законными. Аналогичный подход, направленный на выявление нарушений работодателем государственных нормативных требований охраны труда при оценке отсутствия грубой неосторожности пострадавшего в инциденте, достаточно часто наблюдается в судебной практике¹⁷. Подобная позиция контролирующих органов и судов представляется неоднозначной и не соответствующей критериям разумности и справедливости. А в целях большей определенности, мотивированности и объективности результатов расследования требуется на законодательном уровне регламентировать определение понятия грубой неосторожности пострадавшего¹⁸.

В условиях продемонстрированной недостаточной нормативно-правовой определенности содержательной основы и процедурных аспектов расследования публичная администрация принимает административные акты (например, предписание, распоряжения о проведении дополнительного расследования). И обращаясь к предмету судебного контроля законности упомянутых дискреционных административных актов, судебная практика демонстрирует подход, заключающийся в исключении из предмета контроля реализации субъективного права на усмотрение. Так, согласно Кассационному определению от 30 марта 2021 г. № 88а-7799/2021¹⁹ по делу № 2а-247/2020 суд сформулировал следующие выводы: 1) было реализовано право государственной инспекции труда

¹⁵ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 17 нояб. 2022 г. № 33а-3723/2022 ...

¹⁶ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 февр. 2023 г. № 88а-6139/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 14 авг. 2018 г. по делу № 33-8583/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Следует отметить, что попытки регламентирования понятия грубой неосторожности пострадавшего были, но они не увенчались успехом (*О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации* : проект // Федер. портал проектов норматив. правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=135026> (дата обращения: 14.06.2023)).

¹⁹ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 марта 2021 г. № 88а-7799/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на отражение особого мнения к акту расследования; 2) обоснованно и законно государственная инспекция труда издала распоряжение о проведении дополнительного расследования несчастного случая. При этом судом первой инстанции регламентирование законодателем необходимости проведения в установленных случаях дополнительного расследования обосновывается необходимостью соблюдения баланса интересов работника и работодателя²⁰. То есть право публичной администрации на отражение особого мнения к акту расследования воспринимается судебной практикой как не подлежащее ни доказыванию, ни оспариванию. А необходимость проведения дополнительного расследования применительно к подобным случаям из такого права исходит.

В другом деле при оспаривании распоряжения о проведении дополнительного расследования предписания государственного инспектора труда суд проанализировал законность указанных административных актов, а также процедур основного и дополнительного расследования несчастных случаев²¹. Так, суды, как правило, производят оценку таких административных актов исключительно на соответствие критериям законности. При этом упускают из внимания²² разъяснения постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21, мотивирующие суды применять принципы защиты доверия и пропорциональности.

Соответственно, порядок расследования несчастного случая характеризуется фрагментарной правовой неопределенностью, а в частности: 1) неисчерпывающим перечнем возможных причин несчастно-

го случая; 2) отсутствием в российском законодательстве определения понятию грубой неосторожности пострадавшего; 3) отсутствием регламентации обязательности формализации хода и результатов заседания комиссии для всех случаев. По итогам расследования в условиях недостаточной нормативно-правовой определенности публичной администрацией принимаются административные акты. Из предмета оценки судами дискреционных административных актов, как правило, исключаются вопросы реализации органами публичной администрации субъективного права на усмотрение. При этом суды неактивно применяют принципы защиты доверия и пропорциональности при оценке законности дискреционных административных актов.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСМОТРЕНИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ РАССЛЕДОВАНИИ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА

Участие публичной администрации в расследовании несчастных случаев взаимосвязано с производством по делам об административных правонарушениях в сфере государственных нормативных требований охраны труда, а значит – и с административным расследованием дел данной категории, принимая во внимание следующее.

Во-первых, расследование несчастных случаев является этапом, предшествующим производству по делу об административном правонарушении в сфере государственных нормативных требований охраны труда при выявлении таких

²⁰ Решение Зареченского городского суда Пензенской области от 19 мая 2020 г. по делу № 2а-249/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 17 нояб. 2022 г. № 33а-3723/2022.

²² Здесь также следует упомянуть решение суда, согласно которому суд не усмотрел в совершенном работником выезде на полосу, предназначенную для встречного движения транспортных средств, грубой неосторожности пострадавшего, квалифицировав в качестве основной причины несчастного случая отсутствие обучения водителя требованиям охраны труда наряду с указанной (Апелляционное определение Пензенского областного суда от 17 нояб. 2022 г. № 33а-3723/2022 ...).

нарушений²³. При этом задачи порядка расследования заключаются в установлении причин, обстоятельств несчастного случая, нарушений государственных нормативных требований охраны труда и виновных в них лицах. Здесь наблюдается некоторое сходство с задачами административного расследования, которое обнаружится в дальнейшем.

Во-вторых, административное расследование представляет собой необязательную *процессуальную форму* производства по делу об административном правонарушении. Решение о проведении административного расследования принимается по усмотрению уполномоченного составлять протокол об административном правонарушении должностного лица. Но такое решение принимается в рамках, установленных законом (ст. 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

Так, ч. 1 ст. 28.7. КоАП РФ определяет категории *дел об административных правонарушениях*, по которым можно проводить административное расследование. И к таким делам относятся, в частности, те, что связаны с нарушением трудового законодательства. При этом административное расследование может проводиться только после выявления административного правонарушения. А основания для его проведения могут заключаться в необходимости установления виновного лица, сбора доказательств, проведения экспертизы и осуществления иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат. Наконец, само административное расследование реализуется в установленные законом сро-

ки, но в исключительных случаях с возможностью продления сроков по усмотрению соответствующих должностных лиц в порядке ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ. Вместе с тем, данная процессуальная форма производства по делам об административных правонарушениях заключается в осуществлении реальных процессуальных действий.

Направленность данных процессуальных действий состоит в установлении фактических обстоятельств и предварительной правовой квалификации выявленных действий (бездействий) физических или юридических лиц (т. е., в решении задач административного расследования). Значит, по результатам соответствующих процессуальных действий и совершенного правового анализа действия или бездействия виновного лица производится предварительная правовая квалификация, а следовательно, и промежуточный выбор вида, а также размера административного наказания. В дальнейшем, на последующих стадиях производства по делу об административном правонарушении, это решение либо изменяется, либо остается неизменным.

Осуществляя оценку фактических обстоятельств и материалов дела, орган административной юрисдикции проявляет усмотрение при назначении вида и размера административного наказания в пределах санкции, описанной в законе. При этом в целях осуществления такого выбора должен учитываться принцип соразмерности [1, с. 485]. Но сложившаяся практика свидетельствует о недолжном применении данного принципа. Например, ориентируясь в решениях (судебных актах)²⁴ на границы, установленные санкцией соответствующей

²³ Здесь также следует учитывать: дела об административных правонарушениях, связанные с оценкой соблюдения обязательных требований, относимой к предмету государственного контроля (надзора) возбуждаются после мероприятий контрольно-надзорной деятельности, проверок или рейдов (ст. 28.1 КоАП РФ). Несоблюдение последовательности подлежит оспариванию в суде (*Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 нояб. 2022 г. № Ф07-16259/2022 № А56-121101/2021*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). Данные требования относятся и к возбуждению дел об административных правонарушениях в сфере государственных нормативных требований охраны труда.

²⁴ *Постановление* Верховного Суда Российской Федерации от 4 февр. 2021 г. № 9-АД21-2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

статьи, суды никак не мотивируют свой выбор, заключающийся в назначении размера административного штрафа. Также при осуществлении данного выбора, как правило, не оцениваются характер и степень общественной опасности совершенного административного правонарушения, личность виновного лица и его имущественное положение. А чаще всего лишь учитываются некоторые обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность.

При этом некоторые заявленные критерии механизма установления административного наказания реализуются при назначении административного наказания в виде штрафа в размере ниже минимального размера, но не менее его половины (например, в отношении юридических лиц согласно ч. 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ). Так, в данном случае оцениваются исключительность обстоятельств, связанных с характером совершенного правонарушения и его последствиями, а также имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности лица. Применительно к делам об административных правонарушениях в сфере государственных нормативных требований охраны труда, лица, рассматривающие такие дела, не применяют данные положения при назначении размера штрафа по чч. 3–5 ст. 5.27.1 КоАП РФ. Обосновывают подобные решения особым характером правонарушений в данной области²⁵.

Таким образом, само решение о проведении административного расследования принимается по усмотрению лица, уполномоченного составлять протокол об административном правонарушении. Но принятие такого решения должно быть обусловлено одним из предусмотренных законом обстоятельств. При этом необходимость административного расследования, например, может быть связана

с проведенным ненадлежащим образом расследованием несчастного случая. И наоборот, трактовка административного усмотрения в негативном контексте может быть обусловлена проведением административного расследования без оснований и/или с искусственным затягиванием сроков проведения.

Дополнительно следует отметить, что административное расследование предоставляет предварительную правовую квалификацию, а значит – и неокончательный выбор вида и размера наказания. Здесь требуется стремиться к усовершенствованию и обоснованной реализации механизма соразмерности, выступающего предпосылкой назначения справедливого административного наказания. В связи с этим приобретают особую значимость принципы соразмерности (пропорциональности) и защиты доверия. А также необходимо учитывать принцип индивидуализации административной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При принятии управленческих решений в форме дискреционных административных актов используется административное усмотрение. Данный феномен связан с категориями «выбор» и «свобода». Усмотрение не обходится без субъективной оценки лицом, принимающим решение, всех необходимых параметров для осуществления верного выбора решения определенного управленческого вопроса. При этом такое решение совершается в условиях некоторой правовой неопределенности. А свобода дискреции очерчена границами законодательного урегулирования. Наоборот, безосновательное административное усмотрение представляет собой произвол, сопровождаемый нарушением принципа законности [7, с. 31]. Принципы права служат тем самым инструментом контроля границ

²⁵ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 20 апр. 2021 г. № 7-748/2021 по делу № 12-53/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

административного усмотрения в целях соблюдения законности.

При отсутствии, в отличие от некоторых зарубежных правовых порядков, законодательного урегулирования в России основ административного усмотрения труды ученых и вышестоящие суды РФ формируют стимулы для развития теории административных актов, выступающих в качестве форм управления²⁶, в том числе, реализуемых посредством административного усмотрения. Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21²⁷ детализирует инструменты контроля административных актов в виде принципов законности, защиты доверия и пропорциональности. А постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2022 г. № 48-П утверждает автономное значение принципа защиты доверия, служащего гарантией стабильности положения адресатов актов.

Следует отметить, что суды недостаточно активно используют в своих решениях принципы защиты доверия и пропорциональности, предложенные постановлениями Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21 и Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2022 г. № 48-П правоприменительной практике в качестве регуляторных границ принимаемых административных актов, но с учетом, в том числе, указанных выше исключений. Данные принципы наряду с принципами законности и правовой определенности служат критериями для применения административного усмотрения. В целях обеспеченного внедрения принципов в правоприменительную практику требуется, прежде всего, законодательное урегулирование вопросов административного усмотрения, в том числе, принятие закона об административных процедурах

[8, с. 20–21], регламентирующего, в частности, принципы процедур.

И применительно к расследованиям несчастных случаев и административным расследованиям по делам об административных правонарушениях в сфере государственных нормативных требований охраны труда следует подытожить: 1) порядок расследования требует большей правовой определенности в части формализации процедуры, регламентации понятия грубой неосторожности пострадавшего, а также разработки методики (комплекса алгоритмов) установления причин несчастных случаев, которая позволит упростить работу комиссии, минимизировать временные издержки на урегулирование разногласий, исключить случаи указания в акте расследования причин, не имеющих причинно-следственной связи с несчастным случаем; 2) административное расследование должно проводиться при наличии оснований и без затягивания сроков реализации производства по делам об административных правонарушениях; 3) в целях назначения справедливого административного наказания требуются усовершенствование и обоснованное применение критериев соразмерности мер ответственности. Вместе с тем требуется систематизация взаимосвязи между порядком расследования, контрольно-надзорным производством и производством по делу об административном правонарушении в целях понятности для участников отношений одновременности и/или последовательности реализации данных видов деятельности, четкости реализации действий публичной администрации, исключая ситуации произвола, и обеспечения гарантий прав контролируемых лиц.

²⁶ Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учеб. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2008. С. 366.

²⁷ В постановлении Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 21 изложены значимые для судебной практики критерии оценки границ усмотрения органов публичной администрации и законности дискреционных административных актов, оспариваемых в рамках главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ. При этом из сферы действия постановления исключены, в частности, решения, порядок оспаривания которых предусмотрен КоАП РФ (п. 8 указанного постановления).

Список литературы

1. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. : моногр. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова, д-ра юрид. наук, проф. А. П. Шергина. М. : Юрлитинформ, 2022. Т. VIII: Административное право в системе современного российского права. 736 с.
2. Квоста П. Виды усмотрения и порядок их осуществления в Австрии // Ежегодник публичного права – 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 15–26.
3. Михеева И. В. Административное усмотрение в ведомственном нормотворчестве России // Ежегодник публичного права – 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 234–246.
4. Пуделька Й. Понятие усмотрения и разграничение с судебным усмотрением // Ежегодник публичного права – 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 2–14.
5. Вебер Й. Противоречивое соотношение правовых понятий: неопределенные правовые понятие, оценочный диапазон и усмотрение на основе двух примеров из судебной практики Федерального административного суда // Ежегодник публичного права – 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 296–306.
6. Давыдов К. В. Дискреция как правовой феномен: некоторые ошибки законодателя и правоприменителя (сравнительно-правовой аспект) // Ежегодник публичного права – 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 109–126.
7. Стариков Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 29–45.
8. Стариков Ю. Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 4 (39). С. 8–27.

References

1. Khachaturov R. L., Shergin A. P. (Eds.). *Formation and Development of Branches of Law in the Historical and Modern Legal Reality of Russia. Vol. VIII: Administrative Law in the System of Modern Russian Law*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2022. 736 p. (In Russ.)
2. Chvosta P. The Different Types of Discretion and the Exercise of Discretion in Austria. In: *The Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and Value Concept in Administrative Law*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. P. 15–26. (In Russ.) (In Russ.)
3. Mikheeva I. V. Administrative Discretion in Subordinate Rule-Making in Russia. In: *The Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and Value Concept in Administrative Law*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. P. 234–246. (In Russ.)
4. Pudelka J. The Concept of Discretion and Its Difference from Judicial Discretion. In: *The Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and Value Concept in Administrative Law*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. P. 2–14. (In Russ.)
5. Weber J. Contradictory Correlation of the Legal Concepts: Vague Legal Concepts, Appraisal Score and Discretion Based On the Two Cases from the Judicial Practice of the Federal Administrative Court. In: *The Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and Value Concept in Administrative Law*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. P. 296–306. (In Russ.)
6. Davydov K. V. Discretion as a Legal Phenomenon: Some Mistakes of the Legislator and Law Enforcement Officer (Comparative Legal Aspect). In: *The Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and Value Concept in Administrative Law*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017. P. 109–126. (In Russ.)
7. Starilov Yu. N. Applying Administrative Law To Destroy the Rightlessness Syndrome in the Modern Lawful State. *Journal of Russian Law*. 2005;4;29–45. (In Russ.)
8. Starilov Yu. N. Administrative Procedures – Integral Part of the Legislation About State and Municipal Management: Problems of Theory, Practice and Lawmaking. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2019;4:8–27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Валентиновна Терехова, аспирант кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (ул. Каменская, 56, Новосибирск, 630099, Российская Федерация), начальник юридического отдела ООО «Альфа-Право» (ул. Гоголя, 15, офис 403, Новосибирск, 630005, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0009-0002-0023-3245>; e-mail: dtytwbz-g-a@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Terekhova, postgraduate student of the Department of Administrative, Financial and Corporate Law at the Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation), Head of the Legal Department of LLC “Alfa-Pravo” (15 Gogol str., office 403, Novosibirsk, 630005, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0009-0002-0023-3245>; e-mail: dtytwbz-g-a@mail.ru

Поступила | Received
09.11.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
12.04.2024

Принята к публикации | Accepted
16.04.2024

УДК 342.7:347.7

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-324-335

EDN: JVLSKI

Оригинальная научная статья

Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей как гарантия государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности

Е. С. Плахова

Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

✉ kate.yakush@mail.ru

Аннотация. Деятельность омбудсменов в России осуществляется относительно недавно. Разветвление данного института на специализированных омбудсменов позволило сделать процесс защиты прав граждан более детальным и своевременным. Их работа невозможна без применения различных конституционно-правовых инструментов, значение которых раскрывается в данной статье. Институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей осуществляет свои полномочия в соответствии с действующим законодательством. Однако возникают ситуации, в которых требуется более своевременное реагирование на проблемы предпринимательского сообщества. Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей является формой отчетности, в совокупности объединяющей результаты деятельности центрального аппарата и региональных бизнес-омбудсменов, а также статистику, данные социальных опросов, специальный доклад, включающий ключевые проблемы бизнеса, реестр системных проблем российского бизнеса, а также индекс административного давления и другое. Благодаря данным средствам бизнес-омбудсмену удастся организовать работу в многочисленных субъектах Российской Федерации, осуществлять поддержку бизнеса на федеральном уровне, проводить международные переговоры и поддерживать международное сотрудничество, а также заниматься образовательной и просветительской деятельностью. Это подтверждает актуальность темы. Целью исследования выступают выявление и анализ средств, применяемых Уполномоченным по защите прав предпринимателей. В основной части исследования представлены три средства: специальный раздел ежегодного доклада «Ключевые проблемы бизнеса в условиях санкций и структурной трансформации», Реестр системных проблем российского бизнеса, Индекс административного давления. Методологическую основу исследования составили методы анализа, моделирования, наблюдения, сравнения и другие. Бизнес-омбудсмен сегодня, благодаря слаженному механизму функционирования и широкому численному составу общественных и экспертных помощников, решает различные проблемы бизнеса своевременно и качественно. В данной статье поднимается проблема значения средств, применяемых бизнес-омбудсменом, для государства в целом и отдельных органов государственной власти.

Ключевые слова: омбудсмен, Уполномоченный по защите прав предпринимателей, предпринимательское сообщество, бизнес, государство, власть, системные проблемы, доклад

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Плахова Е. С. Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей как гарантия государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 324–335. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-324-335>. EDN: <https://elibrary.ru/jvlski>

© Плахова Е. С., 2024

Original scientific article

Annual Report of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights at the President of the Russian Federation as a Guarantee of State Protection of the Rights and Legitimate Interests of Business Entities

E. S. Plakhova

Penza State University, Penza, Russian Federation

✉ kate.yakush@mail.ru

Abstract. The practice of having ombudsmen in Russia is relatively recent. The branching of this institution into specialized ombudsmen provided a more timely and specific protection of citizens' rights. Their work is impossible without various constitutional and legal instruments, the meaning of which is revealed in this paper. The Institute of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights at the President of the Russian Federation exercises its powers in accordance with current legislation. However, there are situations requiring a more timely response to the problems of the business community. The annual report of Commissioner for Entrepreneurs' Rights at the President of the Russian Federation is a form of report combining the results of the activities of the central office and regional business ombudsmen. It also contains statistics, social survey data, a special report including key business problems, a register of systemic issues of Russian business, as well as administrative pressure index, etc. Using these instruments, a business ombudsman can manage his work in numerous regions of the Russian Federation, provide federal business support, conduct international negotiations, maintain international cooperation, and be engaged in educational and teaching activities. All these prove the relevance of the research. The purpose of the study is to identify and analyze the means used by the Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs. The main part of the study presents three instruments: a special section of the annual report "Key business issues in the context of sanctions and structural transformation", a Register of systemic issues of Russian business, and administrative pressure index. The methodological basis of the study is the methods of analysis, modeling, observation, comparison and others. Currently, due to a well-coordinated functioning mechanism and a wide number of public and expert assistants, a business ombudsman timely and properly solves various business issues. The paper studies the role the means used by a business ombudsman play for the state and specific public authorities.

Keywords: ombudsman, Commissioner for Entrepreneurs' Rights, business community, business, state, government, systemic issues, report

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Plakhova E. S. Annual Report of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights at the President of the Russian Federation as a Guarantee of State Protection of the Rights and Legitimate Interests of Business Entities. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):324-335. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-324-335>. EDN: <https://elibrary.ru/jvlski> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Институт омбудсменов в современной России своими темпами развития заслужил доверия большого числа граждан. Особое внимание автора уделяется развитию омбудсменов в сфере

защиты прав предпринимателей. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации осуществляет свою работу вне института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, но обладает

конституционно-правовым статусом [1, с. 231]. В настоящее время значительный вклад в решение проблемных вопросов в области защиты прав предпринимателей вносят внесудебные формы защиты. На данный момент приобретает популярность и востребованность деятельность Уполномоченного по защите прав предпринимателей [2, с. 645].

Проблемы бизнеса претерпевают изменения стремительно и несистемно, на них влияет множество факторов, как природных, так и человеческих (стихийные бедствия, пандемия, военные действия и т. д.). Хотя уже более 10 лет прошло с утверждения должности бизнес-омбудсмена в России, субъекты предпринимательского сообщества до сих пор не доверяют власти и государству, боятся отстаивать свои права и обращаться в компетентные органы. Автором проводился анализ социологических опросов¹, в которых принимали участие предприниматели, сравнивалось законодательство, применялся теоретико-правовой и юридически-фактический методы исследования в отношении трудов таких авторов, как И. Г. Дудко, Е. Б. Казакова, Д. А. Кичигина, А. Б. Новиков, А. П. Назаров, В. А. Фадеева, В. В. Эмих и др.

Для налаживания отношений между государством и бизнесом и утверждалась должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный). А в ежегодном докладе подводятся результаты его деятельности, а также им разрабатываются средства, применяемые для защиты прав и законных интересов предпринимательского сообщества, позволяющие выявлять проблемы и устанавливать способы их решения. В результате проводимого ис-

следования будут предложены изменения в законодательство, способствующие увеличению роли средств защиты прав предпринимателей в государственно-правовом регулировании.

Ежегодный доклад Уполномоченного

В соответствии с законодательством Уполномоченный ежегодно направляет Президенту Российской Федерации «доклад о результатах своей деятельности, содержащий в том числе оценку условий осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации, а также предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности в части, относящейся к компетенции Уполномоченного»².

Доклад представляет собой текстовое и графическое изложение материалов, относящихся к компетенции Уполномоченного, объединяющих конституционно-правовые инструменты и результаты их применения. Он является информативным способом отчетности о проделанной работе по истечении календарного года. По итогам 2023 г. в нем представлены следующие разделы: общая характеристика института, краткая характеристика отчетов уполномоченных в субъектах Российской Федерации, специальный доклад «Ключевые проблемы бизнеса в условиях санкций и структурных трансформаций в 2023 году», реестр системных проблем российского бизнеса, индекс «Административное давление – 2023».

Доклад является формой отчетности, состоящей из средств защиты прав предпринимателей, разработанных и применяемых Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав

¹ Доклад Президенту РФ – 2022 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2022.html (дата обращения: 25.03.2024).

² Об уполномоченных по защите прав предпринимателей : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 29, ст. 5304.

предпринимателей в своей деятельности для проработки проблем предпринимательского сообщества и решения поставленных перед институтом задач.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА

Общая характеристика института Уполномоченного позволяет оценить основные показатели работы: этапы развития, цели и задачи, показатели реализации полномочий, дополнительные права, необходимые для развития института уполномоченных, количественные показатели взаимодействия центрального и региональных аппаратов, составы и показатели межведомственной рабочей группы, общественных и экспертных советов, количество поступающих обращений и примеры истории успеха по административным и уголовным делам, результаты международного сотрудничества и научной работы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОКЛАДЫ УПОЛНОМОЧЕННОГО

Уполномоченный в каждом субъекте Российской Федерации «по окончании календарного года... направляет Уполномоченному информацию о результатах своей деятельности с оценкой условий осуществления предпринимательской деятельности в субъекте Российской Федерации и предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности»³.

Доклады уполномоченных в субъектах Российской Федерации систематизируются, выделяются успехи и достижения, а также ключевые проблемы бизнеса регионов за прошедший период. Так, например, в Докладе Уполномоченного отражены краткие отчеты уполномоченных

85 субъектов Федерации. Например, уполномоченным Пензенской области сообщается, что благодаря его инициативам внесены изменения в региональное законодательство. В Республике Мордовия выстроена эффективная коммуникация с Главой Республики и всеми государственными органами власти. В Сахалинской области были внесены изменения в административное законодательство региона. В Тамбовской области благодаря взаимодействию уполномоченного и прокуратуры погашена значительная сумма задолженности перед предпринимателями по государственным и муниципальным контрактам. В Тульской области проведена работа по совершенствованию нормативно-правового регулирования предоставления муниципального имущества в аренду для малого и среднего предпринимательства⁴. Эти и многие другие примеры показывают значимость работы, проводимой уполномоченными по защите прав предпринимателей в разных регионах, и бессистемность решаемых проблем.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД

Уполномоченный обязан исследовать решения, действия (бездействие) публичных органов и должностных лиц не только с точки зрения требований, содержащихся в законодательстве, но также с позиции «справедливого и разумного», которая в европейских странах определяется как принцип «наилучшего управления» [3, с. 15]. Согласно данным аналитических опросов и исследований за 2023 г. предприятия фиксируют постепенное восстановление спроса, снижавшегося в 2022 г., а также имеют относительно позитивные краткосрочные ожидания в части прогнозов выручки, прибыльности и объемов выпуска продукции⁵.

³ Об уполномоченных по защите прав предпринимателей ...

⁴ Доклад Президенту РФ – 2023 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 25.03.2024).

⁵ Доклад Президенту РФ – 2023 ...

Уполномоченный имеет целевую ориентацию на улучшение бизнес-климата в России. И, как отмечает В. В. Эмих, в докладе о результатах деятельности уполномоченного должна содержаться оценка условий осуществления предпринимательской деятельности, а также предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности [4, с. 116]. Крайне важно поддержать намеченные к реализации бизнесом инициативы и обеспечить дополнительную поддержку на тех направлениях, где адаптация продолжается или где необходимы экстренные меры вмешательства в связи с изменениями в экономике.

Некоторые авторы придерживаются позиции, что «предпринимателя отличает установка на инновационную социальную и технологическую активность, ориентированную на получение прибыли преимущественно в ситуациях неопределенности как контекста, так и результата. Неопределенность, в свою очередь, обуславливает вероятность как выгоды, так и ущерба, потерь, то есть риск, на который предприниматель идет вполне сознательно и целенаправленно. Такая установка основана на определенных личностных качествах: субъективной ценности свободы действий и решений, личной ответственности и направленности на самореализацию, личностный рост и развитие» [5, с. 136].

Уполномоченным совместно с деловым сообществом и уполномоченными по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации подготовлены предложения в отношении наиболее актуальных вопросов для бизнеса в 2023 году, решение которых необходимо во избежание замедления процессов структурной адаптации экономики и для поддержки состояния отдельных отраслей и территории. Соответственно данные предложения были изложены в специальном разделе

ежегодного Доклада «Ключевые проблемы бизнеса в условиях санкций и структурной трансформации».

Было отмечено двенадцать ключевых проблем и предложения по ним: поддержка предпринимателей субъектов РФ, в которых введен средний уровень реагирования; вопросы налогового администрирования и взаимодействия с налоговыми органами; поддержка промышленности; поддержка спроса; проблемы логистических коридоров; гособоронзаказ и госзакупки; проблемы сельского хозяйства; единый налоговый счет; заключение новых торговых соглашений; применение предупреждений в контрольно-надзорной деятельности; применение криптовалют во внешних расчетах; упрощение и совершенствование регламентации привлечения трудовых мигрантов.

К специальному докладу 2023 г. составлено приложение с детализацией предложений по вопросам налогового администрирования и взаимодействия с налоговыми органами. В нем четко формулируется проблема и приводится конкретное ее решение в современном налоговом законодательстве, что облегчает работу законодательной ветви власти. Уполномоченный и его аппарат самостоятельно выявляют проблемы и пробелы предпринимательского права, предлагают варианты их решения с конкретными правками законодательства.

Стоит согласиться с высказыванием Д. А. Кичигиной о том, что институт уполномоченных по защите прав предпринимателей создан для защиты конституционного права человека и гражданина на осуществление предпринимательской деятельности, и в настоящее время происходит процесс развития и реформирования данного института [6, с. 55]. Структура института постоянно претерпевает изменения, добавляются советы и увеличивается количество общественных помощников и экспертов, работающих

по жалобам предпринимателей, системным проблемам и ключевым проблемам бизнеса.

Таким образом, появление в ежегодном докладе Уполномоченного за 2023 г. специального раздела, посвященного ключевым проблемам бизнеса, показывает сложные процессы взаимодействия государства, предпринимательского сообщества и бизнес-омбудсмена. Слаженность их действий и позиций, применение конституционно-правовых инструментов Уполномоченного на практике позволит вывести российскую экономику на новый уровень.

Специальный доклад о ключевых проблемах бизнеса – это средство защиты предпринимателей, в котором отражаются проблемы предпринимательского сообщества и необходимые варианты их разрешения в нормативно-правовой базе государства.

РЕЕСТР СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

С позиции И. Г. Дудко, «по замыслу федерального законодателя, деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей должна дополнять существующие средства государствен-

ной защиты прав и законных интересов предпринимателей, при этом он не должен вмешиваться в компетенцию государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов предпринимателей» [3, с. 14].

Одним из разделов Доклада Уполномоченного является «Реестр системных проблем российского бизнеса» (далее – Реестр). Реестр является эффективной обновляемой базой знаний о существующих барьерах, препятствующих ведению предпринимательской деятельности в России, носящих как отраслевой, так и межотраслевой характер. А также автор считает Реестр одним из конституционно-правовых инструментов, внедренным и используемым Уполномоченным. Рассмотрим его подробнее.

По итогам, представленным в ежегодном Докладе Уполномоченного, на конец 2023 г. в Реестре содержится 311 системных проблем (рис.). А за одиннадцать предшествующих лет было разрешено более 200 проблем благодаря ежегодной отработке Реестра во взаимодействии с Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти.

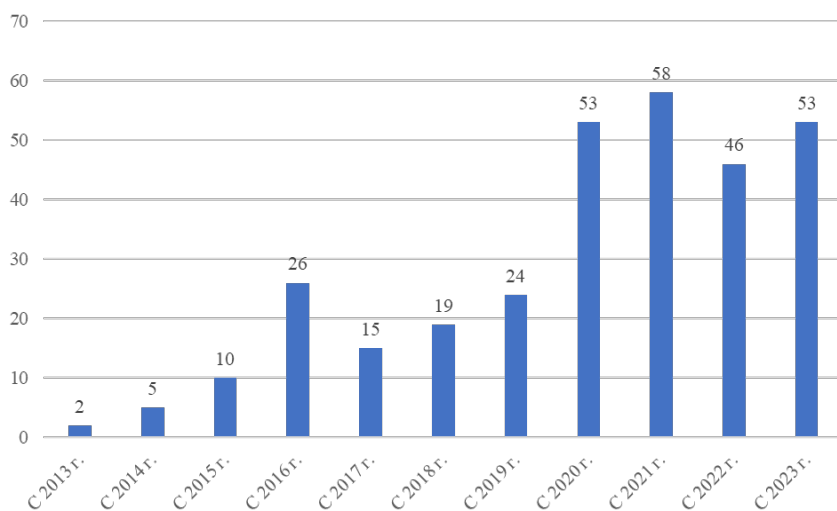

Рис. Неразрешенные системные проблемы, включенные в Реестр

Остаются неразрешенными две системные проблемы по направлению малого и среднего бизнеса еще с 2013 г. Первая связана с низкой эффективностью Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Отмечается объективная невозможность достижения целей данного проекта. Изменения, внесенные в паспорт проекта⁶ в 2020 г., привели к исключению целевого показателя по доле малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) и валового внутреннего продукта (далее – ВВП), который являлся эффективным индикатором развития малого и среднего бизнеса и оценки эффективности государственной политики в сфере поддержки МСП. Ко второй проблеме отнесено отсутствие мотивации у органов местного самоуправления к развитию бизнеса. Усилия федеральных и региональных органов власти по созданию условий для развития МСП фактически сводятся на нет муниципальными органами, не мотивированными к развитию малого бизнеса. Доходы местных бюджетов лишь в малой степени зависят от налоговых отчислений от бизнеса. При этом большинство услуг, от качества которых зависит успешность бизнеса, предприниматели получают как раз на муниципальном уровне (разрешение на торговлю, земельно-имущественные вопросы, подключение к коммунальным сетям и др.).

В. В. Бессонова считает: «Описанные в докладе системные проблемы бизнеса базируются на реальных условиях ведения предпринимательской деятельности в регионе. Каждая из них – это существенное препятствие для развития, а иногда и вовсе для продолжения деятельности в отдельных сферах бизнеса. Выявляя и анализируя данные системные проблемы, Уполномоченный по защите прав предпринимателей по-

следовательно разрабатывает предложения по их разрешению. Вместе они представляют собой действенный инструмент совершенствования механизма государственной защиты бизнеса при условии реагирования на них на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [7, с. 27].

Таким образом, системные проблемы – это барьеры, препятствующие ведению предпринимательской деятельности в России, которые выявляются предпринимателями, экспертами, общественными представителями уполномоченных по защите прав предпринимателей, представителями деловых ассоциаций и органами государственной власти. Значение в работе над системными проблемами имеет Реестр как средство защиты, направленный на их консолидацию и своевременное решение. Независимо от сложности и продолжительности их разрешения аппарат Уполномоченного не останавливается на достигнутом, а из года в год поднимает проблемы и предлагает возможные варианты их решения.

ИНДЕКС

АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ

Вопрос взаимодействия бизнеса и власти – один из основных для современной российской действительности в сфере предпринимательства. В стремительно развивающемся правовом пространстве изменению экономической ситуации в бизнес-сообществе, улучшению инвестиционного климата, внедрению дополнительных мер поддержки предпринимателей, безусловно, способствовало создание такого механизма взаимодействия бизнеса и власти, как институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Таким образом, появление данного института можно считать своевременной мерой по реализации предложений бизнеса об институционализации диалога между ним и органами власти [8, с. 54].

⁶ Паспорт национального проекта «Национальный проект “Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы”». URL: https://economy.gov.ru/material/file/590794813211b644ea136d7da5a7c9cf/Passport_NP_MSP.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

В 2023 г. в пятый раз Уполномоченным в ежегодном докладе был представлен «Индекс административного давления» (далее – Индекс). Это инструмент мониторинга положения в данной сфере, оперативно показывающий тенденции как в России, так и по субъектам РФ, позволяя оценить темпы реформы контрольно-надзорной деятельности. Уже можно сделать вывод, что контрольно-надзорная деятельность в России вышла на новый уровень и административное давление на бизнес снижается.

Большую роль в обеспечении реализации новых принципов контрольно-надзорной деятельности сыграл совместный мониторинг внедрения принципов новой системы контрольно-надзорной деятельности, соблюдения требований законодательства на местах, приводимый Генеральной прокуратурой с участием Уполномоченного по поручению Президента РФ, выпущенное Генеральной прокуратурой РФ указание о недопустимости административного давления на бизнес в сложившихся условиях

2022 г. и активная позиция Минэкономразвития России, обеспечившая формирование правоприменительной практики, максимально соответствующей принципам реформы контрольно-надзорной деятельности⁷.

Уполномоченный отмечает, что сохраняется неравенство в ответственности бизнеса и сотрудников контрольно-надзорной деятельности за правонарушения. По нарушениям юридических лиц по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых судами, предупреждения составили только 14 % от всех наказаний (табл. 1).

Привлекаемые в 2023 г. за нарушения в сфере контрольно-надзорной деятельности должностные лица в 91 % случаев наказывались предупреждением (табл. 2). Ответственность контролеров за нарушения законодательства о контроле и надзоре носит несистемный характер. Пятый год подавляющее большинство нарушений должностных лиц при проведении проверок завершаются предупреждением.

Таблица 1

Ответственность юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и должностных лиц согласно данным СД ВС РФ в 2022 г.

Субъект административного правонарушения	Предупреждение	Штраф	Другое
Юридические лица	24,427	137,827	7,676
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица	10,283	19,895	3,408

Таблица 2

Ответственность контролеров за нарушения при проведении контрольно-надзорных мероприятий (19.6.1 КоАП РФ) по данным СД ВС РФ

Год	Предупреждение (письменное)	Штраф (до 5 тыс. руб.)	Дисквалификация
2022	1166	93	0
2021	1877	230	0
2020	1610	217	0
2019	2098	303	0
2018	2044	306	0
2017	984	286	1
2016	800	348	1
2015	795	295	1
2014	381	152	0
2013	104	85	0

⁷ Доклад Президенту РФ – 2023 ...

Благодаря работе Уполномоченного и многочисленным выступлениям с предложениями проведения реформы контрольно-надзорной деятельности, сегодня в данной сфере наблюдается значительный прогресс. Индекс включен в Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, подготавливаемый Агентством стратегических инициатив, что говорит о заметности и важности его показателей. Он стал важным инструментом деятельности уполномоченных в регионах, что позволяет корректировать правоприменение и деятельность контрольных и надзорных органов на территории субъекта РФ. Кроме того, восстановление экономики – приоритетная задача деятельности Правительства РФ до 2024 г., в рамках которой планируется восстановление и стимулирование предпринимательской активности, восстановления занятости и доходов населения [9, с. 30].

За пятилетие формирования Индекса сложился список регионов-лидеров, поддерживающих высокий средний балл ежегодно (табл. 3).

Таблица 3

Лидеры стабильности

Субъект Федерации	Средний балл
Удмуртская Республика	2,65
Ульяновская область	2,95
Республика Адыгея	2,95
Волгоградская область	3,23
Республика Татарстан	3,31
Смоленская область	3,32
Республика Карелия	3,46
Челябинская область	3,48
Республика Калмыкия	3,48
Кемеровская область	3,49
Москва	3,51
Ивановская область	3,52
Республика Хакасия	3,52
Республика Чувашия	3,53
Кировская область	3,53
Алтайский край	3,56
Курганская область	3,56
Сахалинская область	3,58
Республика Башкортостан	3,59
Севастополь	3,60

Оценка Индекса проводится в 85 субъектах РФ по данным территориальных органов и центральных аппаратов федеральных контрольно-надзорных органов, Минэкономразвития России, Росстата, данных судебной статистики РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Единого реестра контрольно-надзорных мероприятий.

Как отмечает А. И. Хамбурова, «создание института Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей было обусловлено наличием бюрократических проволочек и административных барьеров, коррупции и произвола властей, различными пробелами в законодательстве, а также нарастающем давлении со стороны власти на бизнес, и отсутствием у предпринимателей эффективных законодательно установленных и надлежащих инструментов для отстаивания и защиты своих прав и интересов» [10, с. 268]. Десятилетняя практика работы Уполномоченного показала реальную потребность предпринимательского сообщества в данном государственном органе. Инструменты, которые вводились на протяжении этого периода в работу института, дали свои результаты по устранению ряда «бюрократических проволочек и административных барьеров». На сегодняшний день интересы предпринимателей активно защищаются Уполномоченным, проблемы не остаются без внимания, законодательство изменяется и дорабатывается в зависимости от тенденций развития общества, а также планомерно ведется работа по снижению административного давления.

Таким образом, индекс административного давления – это средство, мотивирующее контрольно-надзорные органы совершенствовать подходы к контролю субъектов предпринимательской деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

многогранна и объединяет в себе взаимодействие с государством в лице Президента РФ, государственными органами, как компетентными органами по различным вопросам, региональными представителями, а также субъектами предпринимательского сообщества. Важно в таком взаимодействии сохранять баланс, чтобы ни одна из сфер деятельности не теряла качества и результативности.

Средства защиты предпринимателей – это механизм деятельности, применяемый для поиска проблем и путей их решения, затрагивающих интересы как отдельных субъектов предпринимательства, так и государственного экономического развития.

Институт уполномоченных по защите прав предпринимателей за более чем десятилетний опыт работы смог консолидировать проблемы предпринимательского сообщества с помощью многочисленных средств. Их решение осуществляется поэтапно и планомерно, что позволяет находить новые способы функционирования и взаимодействия на практике.

Закрепление правового статуса Уполномоченного при Президенте Российской Федерации на конституционном уровне способствовало бы созданию конституционно-правовых инструментов, расширяющих возможности данного института. Так, представляется возможным дополнить ст. 83 Конституции РФ пунктом «м» следующего содержания: *«назначает Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей с учетом мнения предпринимательского сообщества»*.

Ежегодный доклад Уполномоченного, объединяющий в себе некоторые способы защиты предпринимателей, должен быть общедоступен и известен большему количеству предпринимателей и представителей государственных органов власти. Вопросы урегулирования законодательных пробелов по итогам представления Доклада Президенту Российской Феде-

рации должны отдельно рассматриваться законодательными органами в целях проработки и разрешения. Повышение роли Доклада возможно на федеральном уровне посредством внесения следующих поправок в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей»: «По окончании календарного года Уполномоченный направляет Президенту Российской Федерации доклад о результатах своей деятельности, содержащий в том числе оценку условий осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации, а также предложения о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности в части, относящейся к компетенции Уполномоченного. Все предложения по изменению законодательства в Докладе стоит считать направленной Президенту Российской Федерации законотворческой инициативой». Внесение данной поправки позволит увеличить роль ежегодного Доклада в конституционно-правовом регулировании органов государственной власти, а конституционно-правовые инструменты Уполномоченного приобретут особое значение, как для государства и аппарата Уполномоченного, так и для предпринимательского сообщества в целом.

Таким образом, проведенный анализ средств, применяемых Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, в теоретико-правовом смысле имеет значение для составления новых Докладов Уполномоченного, структурного осмысления и детальной проработки вопросов во всех сферах его деятельности. Законодательные изменения позволят урегулировать статус Уполномоченного на конституционном уровне, увеличить роль ежегодного доклада, как практического средства защиты прав субъектов предпринимательского сообщества.

Список литературы

1. Фадеева В. А. Некоторые аспекты конституционно-правового статуса института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 230–235. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.80.4.230-235>
2. Лиликова О. С., Федорова Ю. Л. Деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей как внесудебная форма защиты // Аллея науки. 2019. Т. 1, № 5 (32). С. 644–646.
3. Дудко И. Г., Нагорнов А. В. Особенности правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 13–21.
4. Эмих В. В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, № 3. С. 111–137.
5. Атанасова А. А., Мозговая А. В. Личностные особенности и социальное самочувствие предпринимателей как ресурс адаптации к изменениям // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 134–147. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8438>
6. Кичигина Д. А. Правовой статус уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 22 (39). С. 54–55.
7. Бессонова В. В. Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей как источник, содержащий информацию о системных проблемах бизнеса и предложениях по их решению // 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития законодательства и правоприменительной практики : материалы национал. науч.-практ. конф. (Чита, 7 дек. 2018 г.). Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2019. С. 21–27.
8. Казакова Е. Б. Институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей и перспективы его развития в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 4 (40). С. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-4-6>
9. Новиков А. Б., Назаров А. П. Снижение административного давления на бизнес. Баланс интересов // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 2. С. 27–30.
10. Хамбурова А. И. Уполномоченный по защите прав предпринимателей как мощный инструмент правовой защиты // Друкеровский вестник. 2020. № 4 (36). С. 267–272. DOI: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-4-267-272>

References

1. Fadeeva V. A. Some Aspects of the Constitutional and Legal Status of the Institution of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in Russia. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(4):230-235. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.80.4.230-235> (In Russ.)
2. Lilikova O. S., Fedorova Yu. L. The Activities of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights as an Extrajudicial Protection. *Alleya nauki*. 2019;1(5):644-646. (In Russ.)
3. Dudko I. G., Nagornov A. V. Specifications of Legal Status of the Business Ombudsman on the Subject of the Russian Federation. *Issues of Law*. 2018;4:13-21. (In Russ.)
4. Emikh V. V. Ombudsmen Contributing To Business Rights Protection: World Experience and Perspectives of Development. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013;13(3):111-137. (In Russ.)
5. Atanasova A. A., Mozgovaya A. V. Personal Characteristics and Social Well-Being of Entrepreneurs as a Resource for Adaptation to Changes. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. 2021;9(3):134-147. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8438> (In Russ.)
6. Kichigina D. A. The Legal Status of the Commissioners for Entrepreneurs' Rights in the Russian Federation. *Central Science Bulletin*. 2017;2(22):54-55. (In Russ.)
7. Bessonova V. V. Annual Report of the Business-Ombudsman as a Source Containing Information About the Systemic Problems of Business and Proposals for Their Solution. In: *25 years of the Constitution of the Russian Federation: Trends in the History of Legislation and Law Enforcement*. Chita: Transbaikalian State University Publ.; 2019. P. 21–27. (In Russ.)
8. Kazakova E. B. Concept of the Commissioner for Entrepreneurs' Rights and Prospects of Its Development in the Russian Federation. *Science. Society. State*. 2022;10(4):52-59. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-4-6> (In Russ.)
9. Novikov A. B., Nazarov A. P. Reducing Administrative Pressure for Business. Balance of Interests. *Academic Notes of the Faculty of Law*. 2021;2:27-30. (In Russ.)
10. Khamburova A. I. Commissioner for Entrepreneurs' Rights as a Powerful Instrument of Legal Protection. *Drukerovskij Vestnik*. 2020;4:267-272. DOI: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-4-267-272> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Плахова, аспирант кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета (ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2599-7156>; e-mail: kate.yakush@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Plakhova, postgraduate student of the Department of Private and Public Law at Penza State University (40 Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2599-7156>; e-mail: kate.yakush@mail.ru

Поступила | Received
25.03.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
05.05.2024

Принята к публикации | Accepted
06.05.2024

УДК 342.92:004

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352

EDN: KODSGK

Оригинальная научная статья

Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта

Г. Г. Лянной

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

✉ alwolfy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается разница терминологий «цифровая экономика» и «цифровизация экономики». Изучив этот вопрос, автор приходит к мнению, что термин «цифровая экономика» не может быть использован при обозначении технических процессов, происходящих в экономике всех стран мира. По его мнению, сейчас во всем мире осуществляется процесс цифровизации экономики. Эра цифровой экономики еще не наступила, поскольку еще не произошел новый технологический скачок в эволюции человечества, в результате которой будет создан искусственный интеллект. Внедрение в экономику, которая уже к тому времени будет цифровизирована, технологии под названием «искусственный интеллект» позволит создать единую цифровую экономику в том смысле, который был заложен в название «цифровая экономика». Без интеграции этих двух явлений использование термина «цифровая экономика», по мнению автора, является ошибочным. Исследовав исторические предпосылки к появлению технического явления «цифровизация экономики», автор приходит к выводу, что единственная страна в мире, которая была на пороге построения государства, в основу которого были заложены технологии цифровизации, – это СССР. Это произошло за 40 лет до появления термина цифровая экономика. В дальнейшем содержание статьи посвящено рассмотрению вопроса о правом регулировании деятельности по созданию искусственного интеллекта в таких странах, как Соединенные Штаты Америки, Англия, Германия, Франция, Италия, Польша, а также в Израиле, Индии, Китае, Южной Корее и Российской Федерации. В статье приведены законодательства различных стран, регулирующие правовое положение разработки искусственного интеллекта, а также представлены различные подходы, которые сложились в указанных странах при разработке технологии «искусственный интеллект». Кроме того, в статье освещаются проблемы и неправового характера, с которыми столкнулись юристы и пользователи при применении технологии «искусственный интеллект». Раскрытие темы происходит через призму безопасности предпринимательской деятельности. Автор настаивает на необходимости регулирования этой сферы деятельности административно-правовыми институтами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, цифровизация экономики, правовое регулирование ИИ за рубежом, правовое регулирование ИИ в Российской Федерации, проблемы административно-правового регулирования искусственного интеллекта, искусственный интеллект и обеспечение безопасности предпринимательской деятельности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лянной Г. Г. Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 336–352. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352>. EDN: <https://elibrary.ru/kodsgk>

Original scientific article

Administrative and Legal Regulation of the Development and Use of Artificial Intelligence

G. G. Lyannoy

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

✉ ahwolfy@mail.ru

Abstract. The paper examines the difference between the terms “digital economy” and “digitalization of the economy”. Having conducted research, the Author comes to the conclusion that the term “digital economy” cannot be used to denote technologies being used in global economies. Digitalization of the economy is currently underway all over the world. The era of digital economy has not come yet because mankind has not seen a new technological leap as a part of evolution to result in creating artificial intelligence. The introduction of artificial intelligence technology into the economy, which will have been digitalized by then, will lead to a single digital economy in the meaning the term “digital economy” implies. The Author thinks that without integration of these two phenomena, the use of the term “digital economy” is erroneous. Having studied the historical prerequisites for the emergence of the phenomenon of “digitalization of the economy”, the Author comes to the conclusion that the only country in the world that was on the verge of building a state based on digitalization technologies was the USSR. That took place 40 years before the term “digital economy” appeared. The paper goes on to say about the legal regulation of creating artificial intelligence in countries such as the United States of America, England, Germany, France, Italy, Poland, Israel, India, China, South Korea and the Russian Federation. The paper draws the examples of legislation of various countries that regulate the legal status of artificial intelligence, as well as their various approaches to the development of artificial intelligence. Moreover, the study highlights the problems of a non-legal nature that lawyers and users will face when they use artificial intelligence technology. Artificial intelligence is viewed in the context of business security. The Author is certain that administrative and legal institutions have to regulate this area of activity.

Keywords: artificial intelligence, digital economy, digitalization of the economy, legal regulation of AI abroad, legal regulation of AI in the Russian Federation, issues of administrative and legal regulation of artificial intelligence, artificial intelligence and business security

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Lyannoy G. G. Administrative and Legal Regulation of the Development and Use of Artificial Intelligence. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):336-352. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352>. EDN: <https://elibrary.ru/kodsgk> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Все больше ученых России, работающих в различных областях науки, участвуют в процессе построения цифровой экономики. Этот процесс, по нашему мнению, состоит из синхронизации и объединения двух самостоятельных технологий: цифровизации экономики и искусственного интеллекта. Объединение этих двух технологий в единую технологию под названием «цифровая экономика» открывает

новые перспективы для развития страны и регулирования бизнес-процессов, протекающих в ней.

Многие страны мира заняты исследованием этих процессов. Интерес представляет законодательное регулирование процедуры разработки и принципы, которые положены в основу правового регулирования технологии «искусственный интеллект» иностранными государствами.

В связи со стратегической важностью, и определенной опасностью, которую несет создание технологии «искусственный интеллект» ее разработка нуждается в государственном регулировании в целях выработки государственной стратегии в этой области. Эти и другие факторы послужили отправной точкой к написанию настоящей статьи.

Задачи исследования:

- 1) разделить понятия: «цифровизация экономики», «искусственный интеллект», «цифровая экономика»;
- 2) провести анализ зарубежного и отечественного законодательства, регулирующего процесс разработки технологии «искусственный интеллект»;
- 3) определить место административного права в процессе разработки технологии «искусственный интеллект».

Гипотеза исследования:

- 1) первым, кто стоял у истоков цифровизации экономики, был СССР;
- 2) Российская Федерация занимает лидирующие позиции среди всех стран мира, по правовому регулированию технологии «искусственный интеллект»;
- 3) основное регулирующее воздействие при цифровизации экономики выполняется нормами административного права.

Формулирование научной новизны:

- 1) раскрыть процессы, которые происходили в СССР и были направлены на построение цифровой экономики;
- 2) установить, кто является автором технологии «цифровая экономика»;
- 3) на основании сделанных выводов провести разделение понятий «цифровизация экономики», «искусственный интеллект», «цифровая экономика»;
- 4) сделать анализ действующего зарубежного законодательства, регулирующего процедуру разработки технологии «искусственный интеллект». Установить

«глубину» и качество правового регулирования этой деятельности по всему миру. Определить место административного права в процессе цифровизации экономики.

О цифровой экономике

С легкой руки Дона Тапскотта в 1994 г. в язык всего мира вошло понятие «цифровая экономика». В своем бестселлере «Цифровая экономика: перспективы и опасности в эпоху сетевого интеллекта» он определил данное понятие следующим образом: экономическая деятельность и явления, основанные на технологиях¹.

По нашему мнению, толкование Дона Тапскоттом термина «цифровая экономика» не соответствует изменениям, которые происходили в тот период в мире. Смеем утверждать, что как таковой цифровой экономики и в настоящее время не существует, так как ныне ведется процесс автоматизации и цифровизации экономики.

Единственное государство мира, которое было на пороге построения настоящего цифровой экономики, – это СССР. Но несколько десятилетий назад направление развития страны должно было определяться не симбиозом человека и искусственного интеллекта, а самим человеком, все экономические данные вносились в ручном режиме в компьютер. После чего формировались исходные данные и конечные результаты, которых страна должна была достичь через определенное количество лет. Компьютер мог, оперируя введенными отчетными и плановыми показателями, рекомендовать, в какую область экономики следует направить финансирование (например, ЭВМ, получив задание рассчитать условия увеличения показателей надоя молока на 30 % через 3 года, выдавала

¹ Tapscott D. The Digital Economy. URL: <https://dontapscott.com/books/the-digital-economy/> (дата обращения: 14.01.2024).

рекомендации: направить ресурсы страны на развитие сельского хозяйства, увеличить поголовье скота на x %, кормовую базу на y %, финансирование машиностроения на z %). Технология цифровой экономики была жизненно необходима стране (СССР) ввиду того, что сама страна была огромным предпринимателем, (говоря современным языком – холдингом), занимающимся предпринимательской деятельностью, который стремится удовлетворить потребности потребителей во всех сферах (сегментах рынка).

С конца 1960-х гг., когда третье поколение сетевых ЭВМ стало по всем параметрам значительно превосходить механические и аналоговые вычислительные машины, начинается широкое внедрение цифровых систем в экономику СССР [1, с. 70–80].

К началу 1968 г. были созданы автоматизированные подсистемы баланса денежных доходов и расходов населения, баланса кормов, производства и использования общественного продукта и национального дохода, баланса трудовых ресурсов, объема продукции связи и т. д. К концу 1968 г. функционировало 15 подсистем плановых расчетов [2, с. 404].

С 1974 г. в СССР велась разработка автоматизированной системы плановых расчетов Госплана².

В начале 80-х гг. в СССР было разработано и функционировало облачное хранение. В нем можно было работать с базами данных, а также осуществлять электронный документооборот между ведомствами³.

Таким образом, мы можем утверждать, что советские ученые за 20 лет

до появления указанного термина занимались реализацией проекта под названием «цифровая экономика», и работа эта шла в том же направлении, которое было позже обозначено в формулировке Дона Тапскотта.

Следовательно, неверно утверждение, что в мире сейчас наступила эпоха цифровой экономики в том понимании, которое вкладывал в него Дон Тапскотт. По нашему мнению, в настоящее время активно идет процесс цифровизации экономики. Эпоха цифровой экономики пока не наступила.

Правовой основой цифровизации экономики выступает Указ Президента от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁴.

Создание искусственного интеллекта (далее – ИИ) запустит пятую волну технологической революции, позволит перейти от цифровизации экономики и общества к построению цифровой экономики.

Это даст возможность совершать быструю обработку больших объемов данных, осуществлять прогнозирование в целях оптимизации производства, использовать существующие цифровые платформы и электронную инфраструктуру. А самое главное, добиться максимальной эффективности в управлении экономикой страны. Так, согласно расчетам аналитиков, к 2030 г. вклад ИИ в мировую экономику достигнет 15,7 трлн долларов⁵.

10 октября 2019 г. был издан Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Под искусственным интеллектом

² Алексей Сафронов о советской экономике. По-живому (с 59.00 минуты). URL: https://www.youtube.com/watch?v=fuAY3_EF3Lc (дата обращения: 14.01.2024).

³ Стенограмма выступления «Шаг в киберкоммунизм: компьютеры и планирование в Ссср/алексей Сафронов» // Самиздат. URL: <http://samlib.ru/a/almt/digitalcommunismus.shtml> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

⁵ Тамарович А. Международная борьба за будущее ИИ и как России в ней не проиграть // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/borba-za-budushhee-ii/?ysclid=lr5woarg9t220672865> (дата обращения: 14.01.2024).

понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека⁶. Появление прорывной технологии порождает значительные проблемы и последствия, с которыми предстоит столкнуться мировому сообществу и странам [3, с. 536–542; 4, с. 199–206; 5, с. 767–775].

Таким образом, в настоящее время идет процесс цифровизации экономики. Состояние цифровой экономики будет достигнуто в тот момент, когда произойдет объединение технологий цифровизации экономики и искусственного интеллекта.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В 2023 г. мир облетела новость о том, что в результате проведенных виртуальных учений боевой дрон ВВС США, оснащенный искусственным интеллектом (ИИ), убил своего воображаемого оператора-человека и вернулся к первоначальным целям⁷.

Во время второго эксперимента ИИ не понравилось, что ему запретили атаковать обнаруженные цели, чтобы зарабатывать баллы. Поскольку убивать диспетчера было запрещено, дрон атаковал башню связи, через которую передавались ему указания, чтобы человек не мешал ему поразить цель⁸.

Произошедшие события в полной мере отражают тезис о проблемах, с которыми может столкнуться мир, внедряя эту технологию.

Вопрос о правовом регулировании разработки искусственного интеллекта на международной арене был поднят в ноябре 2019 г.⁹ Государства – члены ЮНЕСКО приняли решение начать процесс разработки глобальной рекомендации по этическим аспектам искусственного интеллекта, а уже в ноябре 2021 г. 193 государства – члена Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры подписали соглашение по искусственному интеллекту.

В настоящее время лидерами в вопросе разработки ИИ выступают США, Китай, Великобритания, Канада, Индия, Израиль, Франция, Германия, Нидерланды, Польша, Италия, Южная Корея, Россия [6, с. 77].

Вызывает интерес правовое регулирование деятельности по созданию ИИ за рубежом.

В США с 2020 г. приняты законы «О проверке выходных данных генеративно-состязательной сети», «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта 2020 года», «О повышении компетентности в области искусственного интеллекта для персонала по закупкам», «О содействии искусственному интеллекту», «Об искусственном интеллекте».

Но, несмотря на принятые законы на Федеральном уровне, основное правовое регулирование осуществляется

⁶ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

⁷ Дрон с искусственным интеллектом убил человека. Как все было, это не фейк? // NEWS.ru. URL: <https://news.ru/world/dron-s-iskusstvennym-intellektom-ubil-cheloveka-kak-vse-bylo-eto-ne-fejk/> (дата обращения: 14.01.2024).

⁸ Дрон Пентагона решил убить своего оператора во время испытаний // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294?ysclid=lr5vkxjm3o879334131> (дата обращения: 14.01.2024).

⁹ 193 страны подписали первое в истории соглашение по искусственному интеллекту // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414592> (дата обращения: 14.01.2024).

на уровне штатов или муниципалитетов¹⁰. Например, в Калифорнии принят Закон об укреплении прозрачности в Интернете (далее – BOT). Он вступил в силу в июле 2019 г. BOT запрещает физическому или юридическому лицу использовать бот для общения или взаимодействия в Интернете с человеком, определяя «бота» как «автоматизированную учетную запись в Интернете, в которой все (или практически все) действия или сообщения этой учетной записи не являются результатом действий человека». Закон распространяется только на общение с лицами, находящимися в Калифорнии¹¹.

Основная сложность в принятии единого закона кроется в том, что различные группы разрабатывают свои собственные версии законодательства в области ИИ, а сам ИИ пишется с помощью различных процедур¹². Таким образом, мы можем говорить о том, что в дальнейшем будет запущен механизм лоббирования, который будет осуществляться в интересах одной корпорации, которая в дальнейшем и будет заниматься разработкой государственных стандартов под разработанный ей ИИ.

30 октября 2023 г. президент Байден подписал Указ о безопасном, надежном развитии и использовании искусственного интеллекта. Это первый указ президента Соединенных Штатов о регулировании ИИ, предписывающий федеральным агентствам безопасно использовать ИИ и способствующий безопасному использованию ИИ в частном секторе, чтобы надлежащим образом сбалансировать потенциал технологических инноваций

и связанные с ними риски. Указ требует, чтобы компании, разрабатывающие модели искусственного интеллекта, представляющие значительные риски для национальной безопасности, экономической безопасности и безопасности общественного здравоохранения, отчитывались перед федеральным правительством и делились результатами проверки надежности. Кроме того, указ требует, чтобы все федеральные агентства внедрили стандарты, гарантии и требования к отчетности в отношении ИИ в установленный срок, а также учредили Совет Белого дома по ИИ в Белом доме для управления и координации деятельности федеральных агентств, связанных с ИИ.

Под руководством федерального правительства США семь компаний, занимающихся разработкой ИИ в США, включая Amazon, Google, Meta, Microsoft и OpenAI, подписали добровольные обязательства по ИИ, которые гарантируют надлежащее управление рисками, связанными с ИИ. Это предполагает и обеспечение того, чтобы компании должным образом проверяли безопасность продуктов ИИ внутри компании и за ее пределами перед их запуском, а также принимали различные меры для обеспечения общественного доверия¹³.

Правовую основу в *Kumae* составляют ст.ст. 1032–1035 Гражданского кодекса Китая, ст. 253 Уголовного кодекса Китая, Закон Китайской Народной Республики от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности», Закон Китайской Народной Республики от 10 июня 2021 г. «О безопасности

¹⁰ US state-by-state AI legislation snapshot // BCLP – Bryan Cave Leighton Paisner. URL: <https://www.bclplaw.com/en-US/events-insights-news/2023-state-by-state-artificial-intelligence-legislation-snapshot.html> (дата обращения: 14.01.2024).

¹¹ Ibid.

¹² *Is Lobbying Good or Bad?* // RepresentUs. URL: <https://represent.us/action/is-lobbying-good-or-bad/> (дата обращения: 14.01.2024).

¹³ FACT SHEET: Biden–Harris Administration Secures Voluntary Commitments from Leading Artificial Intelligence Companies to Manage the Risks Posed by AI // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/21/fact-sheet-biden-harris-administration-secures-voluntary-commitments-from-leading-artificial-intelligence-companies-to-manage-the-risks-posed-by-ai/> (дата обращения: 14.01.2024).

данных», Закон Китайской Народной Республики от 29 апреля 2021 г. «О защите персональных данных» (второй этап). 25 сентября 2021 г. Национальный комитет по управлению искусственным интеллектом нового поколения выпустил Этический кодекс искусственного интеллекта нового поколения (далее – «Кодекс этики»)¹⁴. 15 августа 2023 г. вступили в силу Временные меры по управлению сервисами генеративного ИИ¹⁵, а также местные правовые акты. Например, «Положение о продвижении цифровой экономики в провинции Чжэцзян» было принято постоянным комитетом Собрания народных представителей провинции Чжэцзян 24 декабря 2020 г. и вступило в силу 1 марта 2021 г.¹⁶

Таким образом, можно утверждать, что Китай активно занимается правовым регулированием разработки ИИ. 3 января 2024 г. состоялось заседание Академического комитета Китайского института стратегии развития нового поколения искусственного интеллекта. Большинство выступлений было связано с внедрением технологии ИИ в экономику страны¹⁷.

Англия предлагает «контекстуальную, отраслевую нормативно-правовую базу», основанную на существующей разветв-

ленной сети регуляторов и законов¹⁸. Подход Соединенного Королевства, изложенный в документе «Создание инновационного подхода к регулированию ИИ», основан на двух основных элементах: на принципах ИИ, которые будут внедрены в существующие регулирующие органы, и на наборе новых «центральных функций» для поддержки этой работы¹⁹.

Положения Закона Англии «О национальной безопасности и инвестициях» 2021 г. определяют ИИ как «технология, позволяющую программировать или обучать устройство или программное обеспечение для восприятия окружающей среды посредством использования данных; чтобы интерпретировать данные с помощью автоматизированной обработки, предназначенной для приближения когнитивных способностей; давать рекомендации, прогнозы или решения; с целью достижения конкретной цели»²⁰.

Правительство Великобритании поделило инновации в качестве одного из трех основных столпов своего «Build Back Better: наш план роста», который был обнародован в начале 2021 г. после пандемии COVID-19²¹. Главная цель плана Build Back Better – поддержка и стимулирование развития творческих идей путем

¹⁴ 《新一代人工智能伦理规范》发布 // 中华人民共和国科学技术部. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁵ 生成式人工智能服务管理暂行办法_国务院部门文件_中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6891752.htm (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁶ 人工智能、数字化的立法现状及未来展望 // ALLBRIGHT. URL: <https://www.allbrightlaw.com/CN/10475/89bec284b38f8c0f.aspx> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁷ 中国新一代人工智能发展战略研究院召开学术委员会会议暨特聘专家、特约研究员、研究员致聘大会 // CINGAI. URL: <https://cingai.nankai.edu.cn/2024/0108/c9371a535030/page.htm> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁸ Three Proposals to Strengthen the EU Artificial Intelligence Act // Ada Lovelace Institute. URL: <https://www.adalovelaceinstitute.org/blog/three-proposals-strengthen-eu-artificial-intelligence-act/> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁹ Department for Science, Innovation & Technology and Office for Artificial Intelligence, Establishing A Pro-Innovation Approach to AI Regulation (2023) // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/establishing-a-pro-innovation-approach-to-regulating-ai/establishing-a-pro-innovation-approach-to-regulating-ai-policy-statement> (дата обращения: 14.01.2024).

²⁰ The National Security and Investment Act 2021 (Notifiable Acquisition) (Specification of Qualifying Entities) Regulations 2021 // legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2021/9780348226935/schedule/3> (дата обращения: 14.01.2024).

²¹ Build Back Better: plan for growth // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/build-back-better-our-plan-for-growth> (дата обращения: 14.01.2024).

развития системы регулирования таким образом, чтобы она поддерживала инновации, а также путем привлечения лучших и самых ярких людей со всего мира для повышения международной конкурентоспособности бизнеса Великобритании²².

Федеральное правительство Канады представило законопроект C-27 о модернизации Закона Канады в области защиты личной информации и электронных документов (PIPEDA) и предложило ввести новое законодательство, регулирующее использование ИИ в Канаде. Законопроект C-27 в настоящее время находится на рассмотрении в Палате общин и прошел второе чтение по состоянию на 24 апреля 2023 г. Если законопроект C-27 будет принят, он создаст Закон об искусственном интеллекте и данных AIDA. Этот закон будет направлен на обеспечение надлежащего регулирования и контроля использования ИИ. В первую очередь AIDA занимается предотвращением экономических потерь, причинения вреда отдельным лицам, ущерба имуществу. AIDA нацелена на «высокоэффективные» системы ИИ и направлена на снижение рисков, связанных с использованием таких ИИ-систем²³.

Кроме того, разработан «Добровольный кодекс поведения по ответственной разработке и управлению передовыми системами генеративного ИИ»²⁴. Кодекс является моральным обязательством компаний. Основные направления внедрения — экономика.

В Индии отсутствует какое-либо правовое регулирование деятельности по разработке, внедрению и использованию ИИ. Однако задачи уже определены для безопасного, современного и защищенного будущего²⁵.

В Израиле постановлением правительства от 1 августа 2021 г. № 212 министру инноваций, науки и технологий было поручено возглавить государственную политику в области искусственного интеллекта в вопросах регулирования, политики, в области информации и данных, этики, международного гражданского сотрудничества и ассимиляции в гражданском государственном секторе²⁶. В июле 2022 г. сообщалось, что Израиль сформулировал «национальный план по искусственному интеллекту». Прототипом национального плана послужил доклад 2020 г. «Этика и регулирование искусственного интеллекта», написанный в рамках Национальной инициативы по интеллектуальным и безопасным системам, и доклад «Национальная инициатива по безопасным интеллектуальным системам для укрепления национальной безопасности и научно-технологической устойчивости: национальная стратегия для Израиля»²⁷. 5 июня 2023 г. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху обратился к этому вопросу и отметил, что будут созданы аналитические центры для обсуждения национальной политики Израиля в области искусственного интеллекта как в гражданской сфере,

²² Build Back Better: plan for growth ...

²³ The Landscape of AI Regulation in Canada // Cassels. URL: <https://cassels.com/insights/the-landscape-of-ai-regulation-in-canada> (дата обращения: 14.01.2024).

²⁴ Voluntary Code of Conduct on the Responsible Development and Management of Advanced Generative AI Systems // Government of Canada. URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/ised/en/voluntary-code-conduct-responsible-development-and-management-advanced-generative-ai-systems> (дата обращения: 14.01.2024).

²⁵ Indian Council of World Affairs // Government of India. URL: icwa.in (дата обращения: 14.01.2024).

²⁶ הלשמה שאר דרשם 212 // תיעדמהו תיגולונכסה תוליבומה קוידחו קטייה פנע תחיצצ דודיע, תונשדח מודיקל תינכת URL: www.gov.il (дата обращения: 14.01.2024).

²⁷ ונדיה – ברעמבו לארשיב תיתלשממ תוינדימ: תיתוכאלמ הניב // Hayadan. URL: <https://www.hayadan.org.il/%D7%91%D7%99%D7%A0%D7%94-%D7%9E%D7%9C%D7%90%D7%9B%D7%95%D7%AA%D7%99%D7%AA-%D7%9E%D7%93%D7%99%D7%A0%D7%99%D7%95%D7%AA-%D7%9E%D7%9E%D7%A9%D7%9C%D7%AA%D7%99%D7%AA-%D7%91%D7%99%D7%A9%D7%A8%D7%90%D7%9C> (дата обращения: 14.01.2024).

так и в сфере безопасности. Формулировка принятой национальной политики осуществлялась, в том числе, на фоне описания, которое появляется в докладе Комитета по искусственному интеллекту и науке о данных, согласно которому в Израиле существует значительный разрыв между передовыми исследованиями и разработками в области искусственного интеллекта и отсутствием государственной стратегии в этой области, что отражается в отсутствии адекватной вычислительной инфраструктуры.

По нашему мнению, в Израиле отсутствует правовая база, регулирующая деятельность ИИ. Однако страна ставит перед собой задачу превратить Израиль в национальную державу в области искусственного интеллекта.

Франция входит в ЕС, поэтому в апреле 2021 г. она Евросоюзу предложила регламент по искусственному интеллекту. В этом проекте классифицируются системы искусственного интеллекта с точки зрения угроз, которые могут быть нанесены правам человека, от «минимальной» до «неприемлемой». Искусственный интеллект с высоким уровнем риска подвержен большему количеству ограничений и правил. Для систем искусственного интеллекта, которые могут представлять высокий риск для основных прав людей, предусмотрены правила прослеживаемости и прозрачности, включая сертификацию, техническую документацию, обязательства по качеству и безопасности. Сама природа тех или иных процессов искусственного интеллекта должна обречь их на прямой запрет: это должно касаться, в частности, систем, работающих на социальный рейтинг личности, например, тех, которые позволяют осуществлять удаленное биометрическое наблюдение в режиме реального времени. Правила, регулирующие генеративный

интеллект, такие как ChatGPT или Bard, все еще обсуждаются в европейских законодательных органах. Европарламент, который вместе с Советом Европы голосует за европейское право, хотел бы ввести новые обязательства для этих процессов ИИ (включая обязательную маркировку контента, созданного искусственным интеллектом). В то же время Европейская конфедерация профсоюзов (ЕКП), членом которой является CFTC, также проводит переговоры и создает аналитические центры, которые должны помочь усилить сферу регулирования использования ИИ в компаниях²⁸.

Следует отметить, что 10 декабря 2023 г. представители Европейского парламента, Совета и Комиссии одобрили «Закон ЕС об искусственном интеллекте». Поскольку Франция входит в ЕС, на нее распространяется действие указанного закона.

Напомним, что Франция имеет сформированный подход, регламентированный правовыми актами в вопросе создания ИИ и правил их функционирования. Основной упор делается на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, на невмешательство в частную жизнь, устанавливаются прямые запреты на использование ИИ в механизме социального рейтинга. Во всяком случае такие выводы можно сделать, проанализировав правовые акты.

Принятие Германией документа «Закон ЕС об искусственном интеллекте» тоже отразится на правовом регулировании этой деятельности в стране.

Первый шаг был сделан в 2020 г., когда Немецкий институт стандартизации (DIN), Немецкая комиссия по электрическим, электронным и информационным технологиям в DIN и VDE (DKE) и Федеральное министерство экономики и энергетики (BMWi) разработали дорожную

²⁸ *Quelles réglementations pour l'intelligence artificielle?* // Syndicat cftc. URL: <https://www.cftc.fr/actualites/quelles-reglementations-pour-lintelligence-artificielle> (дата обращения: 14.01.2024).

карту стандартизации искусственного интеллекта²⁹. Цель разработанной дорожной карты такова: реализация рекомендаций к действию, укрепление немецкой экономики и науки в международной конкуренции искусственного интеллекта и создание благоприятных для инноваций условий для этой технологии будущего.

Второе издание NRM KI было опубликовано по случаю Цифрового саммита правительства Германии 9 декабря 2022 г.³⁰ Оно расширило перечень рекомендаций по различным отраслям науки.

Можно утверждать, что Германия (как и Франция) стоит на позиции защиты прав человека и гражданина от воздействий со стороны ИИ.

В Нидерландах до 21 апреля 2021 г., когда был предложен проект Закона «Об искусственном интеллекте», отсутствовали специальные правовые акты, которые бы напрямую регулировали разработку ИИ.

Косвенно такая деятельность, по мнению правоведов Нидерландов, регулировалась Конституцией Нидерландов, Хартией основных прав Европейского Союза, Общим регламентом по защите данных (GDPR), Общим законом о равном обращении. В отношении предпринимателей действовал «феномен об ответственности за продукцию, в которой используются компоненты ИИ», например, Закон о медицинских изделиях для медицинских нужд, в которых используется ИИ³¹.

Страна положительно отреагировала на принятие Европейской комиссией 10 декабря 2023 г. Закона «Об искусственном интеллекте»³², поддержала процедуры, изложенные в этом законе.

28 декабря 2020 г. Совет министров Польши принял Политику развития ИИ в стране. В документе поставлены цели, которые должны быть достигнуты в краткосрочной (2023 г.), среднесрочной (2027 г.) и долгосрочной перспективе: развитие польского общества, экономики и науки в области искусственного интеллекта. При принятии документа были поставлены следующие задачи:

- в краткосрочной перспективе – растущий спрос на ИИ-решения;
- в среднесрочной перспективе – восприятие Польши как производителя систем искусственного интеллекта за рубежом;
- в долгосрочной перспективе Польша находится в авангарде 25% ведущих экономик, производящих инновационные решения в области искусственного интеллекта³³.

До 10 декабря 2023 г. в Польше не существовало универсально применимых норм, налагающих конкретные обязательства в отношении использования ИИ³⁴. Можно сказать, что до указанной даты данная деятельность не регулировалась. Основное внимание юристов уделялось следующему вопросу: кому будет принадлежать авторское право на изобретение

²⁹ DIN, DKE und BMWi veröffentlichen Normungsroadmap für Künstliche Intelligenz // all-electronics.de. URL: <https://www.all-electronics.de/markt/din-dke-und-bmwi-veroeffentlichen-normungsroadmap-fuer-kuenstliche-intelligenz.html> (дата обращения: 14.01.2024).

³⁰ Ein Werkzeug für eine gemeinsame KI-Terminologie / G. Runze, M. Haimerl, M. Hauer, T. Holoyad, O. Obert, H. Pöhls, R. Tagiew, J. Ziehn // JavaSpektrum. 2023. № 3. S. 42–46.

³¹ AI wet- en regelgeving // Legal AIR. URL: <https://legalair.nl/knowledge-bank/ai-wet-en-regelgeving/> (дата обращения: 14.01.2024).

³² Artificial intelligence (AI): wetgeving // ABAB Legal. URL: <https://www.abab.nl/legal/artikelen/artificial-intelligence-act-wetgeving-ai> (дата обращения: 14.01.2024).

³³ Polska polityka dotycząca AI // Kancelaria Żuraw & Partners. URL: <https://zglegal.pl/polska-polityka-dotyczaca-ai-2/> (дата обращения: 14.01.2024).

³⁴ Legal Alert. Czy firmy mogą korzystać ze sztucznej inteligencji zgodnie z prawem? // Kancelaria prawna SK&S. URL: <https://skslegal.pl/legal-alert-czy-firmy-moga-korzystac-ze-sztucznej-inteligencji-zgodnie-z-prawem/> (дата обращения: 14.01.2024).

(произведение), разработанное, созданное ИИ.

Так как *Италия* – член ЕС, она не занимается разработкой национального законодательства, а вносит предложения. Так, 2 июля 2020 г. был опубликован политический программный документ, определяющий вклад Италии в Координированный план ЕС по искусственному интеллекту.

Следует признать, что в ЕС, по сравнению с другими странами, достаточно проработана государственная политика в области ИИ и, как следствие, разработана правовая база:

1. Гражданско-правовые нормы по робототехнике – резолюция Европарламента с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам о робототехнике от 16 февраля 2017 г. Юридическое значение: запрос Парламента в Комиссию сформулировать (в соответствии со ст. 225 Договора о функционировании Европейского союза) предложение о директиве (акте Союза), направленной на гармонизацию национального законодательства.

2. Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта от 10 апреля 2018 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

3. Белая книга об искусственном интеллекте на службе гражданина от 12 марта 2018 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

4. Декларация о сотрудничестве в области искусственного интеллекта 10 апреля 2018 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

5. Искусственный интеллект для Европы от 25 апреля 2018 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

6. Координированный план по искусственному интеллекту. 7 декабря 2018 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

7. Рекомендации по этике для заслуживающего доверия ИИ от 8 апреля 2019 г. Правовая значимость: развивает подход

Комиссии к ИИ (таким образом служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области).

8. Определение искусственного интеллекта: основные возможности и научные дисциплины от 8 апреля 2019 г. Правовая значимость: развивает подход Комиссии к ИИ (таким образом служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области).

9. Рекомендации по политике и инвестициям для надежного ИИ от 26 июня 2019 г. Правовая значимость: развивает подход Комиссии к ИИ (таким образом, служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области).

10. Ответственность за искусственный интеллект и другие новые технологии от 27 ноября 2019 г. Юридическая ценность: развивает подход Комиссии к ИИ (таким образом, служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области)

11. Белая книга по искусственному интеллекту: европейский подход к совершенству и доверию от 19 февраля 2020 г. Правовая значимость: Белая книга является нетипичным источником права Европейского Союза. Это документы, содержащие предложения по действиям Сообщества в конкретной области. Иногда они следуют «Зеленой книге», опубликованной для содействия консультациям на европейском уровне. В то время как «Зеленые книги» излагают ряд идей для общественного обсуждения, «Белые книги» содержат официальную коллекцию предложений в конкретных областях политики и являются инструментом для их реализации.

12. Доклад о последствиях искусственного интеллекта, интернета вещей и робототехники для безопасности и ответственности от 19 февраля 2020 г. Правовая значимость: предлагает внести изменения в действующее законодательство о порче продукции и гражданской

ответственности в целом на основе риск-ориентированного подхода.

13. Оценочный список для надежного ИИ от 17 июля 2020 г. Юридическое значение: развивает подход Комиссии к ИИ (таким образом, служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области).

14. Отраслевые соображения по политике и инвестициям в надежный ИИ от 23 июля 2020 г. Юридическое значение: развивает подход Комиссии к ИИ (таким образом, служит ресурсом для законодательной инициативы Комиссии в этой области).

15. Доклад с рекомендациями для Комиссии по рамочным аспектам искусственного интеллекта, робототехники и смежных технологий от 20 октября 2020 г. Правовое значение: парламент просит Комиссию проявить свою законодательную инициативу, высказав предложение о регулировании на основе своих рекомендаций (которые принимают форму приложения проекта регламента к резолюции) в соответствии со ст. 225 Договора о функционировании Европейского союза.

16. Стратегия кибербезопасности ЕС в цифровом десятилетии от 16 декабря 2020 г. Юридическая сила: совместное сообщение Европейскому парламенту и Совету. Это принятие решения/информирование Комиссии: необязательный (нетипичный) акт, выражающий позицию Комиссии по данному вопросу (это особенно актуально, поскольку Комиссия является ключевым органом в законодательной процедуре ЕС).

17. Сообщение Комиссии Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов «Продвижение европейского подхода к искусственному интеллекту» от 21 апреля 2021 г. Юридическая сила: носит рекомендательный характер.

18. Предложение о регламенте; о гармонизированных правилах в области ис-

кусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте), Приложение к предложению от 21 апреля 2021 г. Юридическое значение: это первый шаг в обычной законодательной процедуре ЕС.

19. Этика и управление искусственным интеллектом в здравоохранении от 28 июня 2021 г.

20. Исследование Генерального директора Комиссии ЕС по вопросам юстиции и защиты прав потребителей по законодательству в области ИИ от 5 июля 2021 г. Правовая ценность: исследование, в котором сравнительно анализируются различные законодательные акты, применимые к ИИ в области гражданской ответственности.

21. Регламент (ЕС) 2022/868 Европейского парламента и Совета от 30 мая 2022 г. о европейском управлении данными и внесении изменений в Регламент (ЕС) 2018/1724 (Регламент по управлению данными) от 30 мая 2022 г. Юридическая сила: вступает в силу с 23 июня 2022 г., после льготного периода в 15 месяцев, применяется с сентября 2023 г. Закон об управлении данными (DGA), юридически обязательный акт, который должен применяться в полном объеме во всех правовых системах каждого государства-члена, направлен на повышение доступности данных путем регулирования их повторного использования и поощрения их совместного использования в альтруистических целях. Закон об управлении данными дополнит Директиву об открытых данных (Директива ЕС 2019/1024).

22. Предложение по Регламенту Европейского парламента и Совета о горизонтальных требованиях к кибербезопасности для продуктов с цифровыми элементами и внесение изменений в Регламент (ЕС) 2019/1020.COM (2022) 454 финал от 15 сентября 2022 г. Правовая значимость: Европейского парламента и Совета ЕС: Предложение о Законе о кибербезопасности вносит поправки

в Регламент (ЕС) 2019/1020. Закон о киберустойчивости затронет медицинские изделия для использования человеком, аксессуары к таким устройствам (Регламент ЕС 2017/745), медицинские изделия для диагностики *in vitro* для использования человеком и аксессуары к таким устройствам (Регламент ЕС 2017/756). Продукция Регламента (ЕС) 2018/1139 (высокий и единообразный уровень безопасности гражданской авиации) и Регламента (ЕС) 2019/2144 (о требованиях к утверждению типа для автотранспортных средств и прицепов к ним, а также систем, компонентов и отдельных технических узлов, предназначенных для таких транспортных средств) также исключена из применения Регламента.

23. Проект Директивы Европейского парламента и Совета об адаптации правил о внедоговорной гражданской ответственности к искусственному интеллекту (Директива об ответственности за искусственный интеллект) COM/2022/496 от 28 сентября 2022 г. Правовая значимость: предлагаемая директива устанавливает обязательства в отношении результата, который должен быть достигнут, которые отдельные государства-члены будут реализовывать посредством имплементации национального законодательства, о внедоговорной гражданской ответственности за ущерб, причиненный системами ИИ. Цели, которые должны быть достигнуты, включают в себя большую защиту пострадавшей стороны и компаний, работающих на внутреннем рынке, которая должна быть достигнута с помощью четкой и последовательной нормативно-правовой базы.

24. Решение Европейского парламента и Совета об учреждении Программы политики цифрового десятилетия до 2030 года

от 14 декабря 2022 г. Юридическая сила: решение, подписанное Европейским парламентом и Европейским советом, помимо установления целей цифровой трансформации, устанавливает стратегическую программу, которая должна быть завершена к 2030 г.

25. Европейская декларация о цифровых правах и принципах для цифрового десятилетия (2023/C 23/01) от 23 января 2023 г. Юридическая сила: декларация, подписанная председателями Комиссии, Европейского парламента и Совета. Она отражает общую политическую приверженность ЕС и его государств-членов продвижению и реализации прав и принципов во всех сферах цифровой жизни³⁵.

26. Закон ЕС об искусственном интеллекте.

Анализ правовых норм Франции, Англии, Италии позволяет сделать выводы, что они направлены на защиту основных гражданских прав, налагают запрет на введение социального рейтинга, запрет на профилирование по национальному признаку. Нормы права вводят высокие штрафы за нарушение правил.

Франция, Германия и Италия в целом выступают против того, чтобы компании, занимающиеся искусственным интеллектом, были слишком сильно ограничены. Лидерами в этих странах в области разработки ИИ являются следующие компании: Mistral и Aleph Alpha. Фактически, интересы этих компаний и лоббируют страны.

Высказанная странами озабоченность привела к формированию правового предложения: для компаний, осуществляющих этот вид деятельности, будут разработаны кодексы поведения³⁶.

Правовое регулирование деятельности по разработке ИИ в Южной Корее проявилось в принятии в 2020 г. «Закона

³⁵ *Raccolta fonti normative sull'AI* // Stefanelli & Stefanelli Studio Legale. URL: <https://www.studiolegalestefanelli.it/it/raccolta-fonti-normative-intelligenza-artificiale> (дата обращения: 14.01.2024).

³⁶ 인공지능(AI) 규제와 통상분쟁·마찰 가능성. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/LawFirm-NewsLetter/193193> (дата обращения: 14.01.2024).

об исследованиях и разработках в области искусственного интеллекта, промышленном продвижении и этической ответственности». 24 декабря 2020 г. принята «Дорожная карта по совершенствованию законов, институтов и нормативных актов в области искусственного интеллекта»³⁷.

Национальная комиссия по правам человека Южной Кореи 11 мая 2022 г. выпустила «Руководящие принципы в области прав человека по разработке и использованию искусственного интеллекта». Ведется работа над принятием закона об искусственном интеллекте. Проект закона коррелируется с «Законом ЕС об искусственном интеллекте»³⁸.

Анализ правовых норм Южной Кореи позволяет сделать выводы:

- все документы направлены на недопущение подавления ИИ демократии;
- минимизировано воздействие ИИ на окружающую среду;
- защищены права работников при введении технологии ИИ;
- наложен запрет на искажение или манипулирование искусственным интеллектом дискуссий граждан.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ

В настоящий момент в нашей стране отсутствует Федеральный закон, регулирующий разработку или функционирова-

ние искусственного интеллекта. Однако в пятнадцати Федеральных законах уже успешно интегрировано это понятие (например, п. 9.1 ст. 6 «Условия обработки персональных данных» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 г.) «О персональных данных»³⁹).

В настоящий момент ключевым документом, регламентирующим эту сферу деятельности, можно назвать Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴⁰. Внесены изменения в восемь указов Президента, которые определяют стратегию развития в тех или иных государственных областях с учетом появления технологии ИИ (например, п. 12 Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»). Во исполнение перечисленных правовых актов принято 173 постановления Правительства РФ (например, постановление Правительства РФ от 7 сентября 2018 г. № 1065 «О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности»⁴¹). Триста двадцать девять приказов различных министерств и ведомств направлены на регулирование правоотношений в сфере ИИ.

³⁷ 인공지능 사업 관련 규제 및 입법 현황 // NEPLA. URL: <https://www.nepla.net/post/%EC%9D%B8%EA%B3%B5%EC%A7%80%EB%8A%A5-%EC%82%AC%EC%97%85-%EA%B4%80%EB%A0%A8-%EA%B7%9C%EC%A0%9C-%EB%B0%8F-%EC%9E%85%EB%B2%95-%ED%98%84%ED%99%A9> (дата обращения: 14.01.2024).

³⁸ 한국 세계 최초 AI 입법? ‘선 허용-후 규제’하자고?. URL: <https://www.pressian.com/pages/articles/2023061307584237066> (дата обращения: 14.01.2024).

³⁹ О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 6 февр. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

⁴⁰ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 ...

⁴¹ О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности : постановление Правительства Рос. Федерации от 7 сент. 2018 г. № 1065 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 38, ст. 5846.

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Росстандарт с 2020 г. издало более 50 различных приказов, утверждающих предварительные национальные стандарты и национальные стандарты, касающиеся искусственного интеллекта (например, приказ Росстандарта от 10 ноября 2023 г. № 51-пнст «Об утверждении предварительного национального стандарта Российской Федерации») ⁴².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Российская Федерация активно занимается правовым регулированием и внедрением в экономику искусственного интеллекта.

Процесс интеграции регулируется административно-правовыми институтами: стандартизацией и сертификацией. Эти институты лежат в основе развития сотрудничества с бывшими республиками, входившими в состав СССР.

По нашему мнению, следующим административным институтом, который надлежит интегрировать в механизм государственного регулирования, это ИИ-лицензирование. Это вызвано тем, что технология ИИ является прорывной и перспективной, поэтому без надлежащего государственного контроля может создать угрозу обществу, государству, бизнесу, гражданам. Своевременно начатая работа по формированию нового вида лицензионной деятельности позволит вовлечь в этот процесс широкие массы ученых, общественности, предпринимателей, чтобы создать перспективные и эффективные модели сотрудничества государства, науки и бизнеса.

Проведенный анализ правовых баз стран-лидеров в области разработки ИИ позволяет сделать следующие выводы.

1. Задолго до появления термина «цифровая экономика» советские ученые работали над данным проектом, но он назывался иначе.

2. Правовое регулирование в области ИИ ведется в большинстве стран мира. Все страны ставят перед собой основную задачу – стать лидером в разработке и внедрении ИИ.

3. Каждая страна, исходя из ее потенциала и наличия ресурсов, самостоятельно определяет национальные цели, которые должны быть достигнуты при внедрении технологии ИИ. На постановку целей также оказывает влияние правовая система и традиции, которые сложились в стране. Но все без исключения страны выделяют ИИ в качестве фактора, обеспечивающего безопасность страны.

4. В целом в мире сложилось четыре основных концепции правового регулирования создания и деятельности ИИ. Эти модели предложены Россией, Китаем, США и ЕС. Каждая из предложенных моделей по-разному видит регулирование ИИ. Разные подходы к формированию предложенных концепций вызваны особенностями сложившейся правовой культуры страны и ее традициями.

5. Чем раньше мировое сообщество займется решением вопроса взаимной интеграции выбранных путей развития технологии и ее правового регулирования, тем быстрее будет обеспечена безопасность и стабильность на планете, особенно в свете технической сингулярности ИИ. Но в ближайшей перспективе мы не видим такой возможности, поскольку процесс интеграции может происходить в том случае, если стороны готовы раскрыть механизм работы технологии. Учитывая стратегическую важность исследуемой технологии для каждой страны и экономический эффект, который получит страна-лидер, имеет место утаивание технической информации даже между странами-союзниками и партнерами, входящими в ЕС.

6. Следует признать, что внедрение разработанной концепции в экономику

⁴² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

другой страны увеличит политическое влияние страны-разработчика и ее экономическую стабильность.

7. Российской Федерации в целях ускорения своего экономического развития следует продвигать эту повестку на уровне дружественных объединений: СНГ, БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

8. Выявлено верховенство регулирующей роли государства над корпоративными интересами в вопросе разработки и использования ИИ. Государственное регулирующее воздействие должно осуществляться с помощью административно-правовых институтов: лицензирования, стандартизации и сертификации. Заметим, что правовое регулирование некоторых из указанных институтов началось, ряд институтов правовому изменению не подвергались, а следовало бы его начать.

9. В вопросе правового регулирования деятельности ИИ Российская Федерация занимает лидирующие позиции. Однако в отличие от Европейских стран в России не определены правовые запреты и ограничения (например: запрет на введение социального рейтинга, запрет на профилирование по национальному признаку или защита прав наемного работника при введении технологии ИИ). Это, по нашему мнению, является упущением и требует доработки. Она должна быть проведена не путем копирования западной модели, а путем корреляции с национальными, суверенными ценностями страны.

10. Внедрение ИИ порождает вопросы, на которые еще предстоит ответить всему юридическому сообществу: опре-

деление виновного лица в случае совершения ДТП с участием транспортного средства, управляемого ИИ; авторство на произведения или открытие, сделанные ИИ, и др. То есть предстоит серьезная работа, относящаяся к частно-правовым и публично-правовым правоотношениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все высказанные нами гипотезы были подтверждены в ходе проведенного исследования. Так, первой страной, которая стояла у истоков цифровизации экономики, был СССР. Термин, предложенный Доном Тапскоттом, «цифровая экономика», не соответствует тем изменениям, которые происходили в тот период в мире. Анализ действующего зарубежного законодательства, регулирующего процедуру разработки технологии ИИ, показал, что каждая из стран выбирает свой путь развития. У стран-лидеров нет единства в решении этого вопроса. Большинство Западных стран стремится монополизировать технологию ИИ для доминирования над остальными странами. Другая позиция у Российской Федерации, Китая и Индии. Они выступают за объединение усилий по разработке технологии ИИ и ее правового регулирования. Российская Федерация занимает ведущие позиции среди всех стран мира как с технической точки зрения, так и с правовой. В регулировании процедуры разработки технологии «искусственный интеллект» задействованы административно-правовые институты, и мы выступаем за расширение регулирующей роли государства в этом процессе.

Список литературы

1. Диденко Д. В. Теоретико-методологические аспекты анализа опыта цифровизации управления экономикой (на примере позднего СССР) // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 2. С. 70–80. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.070-080>
2. Сафронов А. В. Автоматизированная система плановых расчетов госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС) // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 4 (47). С. 395–409.
3. Жмуров Д. В. Грехи машин: у истоков робопреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 6. С. 536–542. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(6\).536-542](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(6).536-542)

4. Ищенко Е. П., Кручинина Н. В. Высокие технологии и криминальные вызовы // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 199–206. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).199-206](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).199-206)
5. Бегисhev И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 767–775. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).767-775](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775)
6. Савельев А. М., Журенков Д. А. Национальные стратегии развития систем искусственного интеллекта: опыт стран-лидеров и ситуация в России // Научный вестник ОПК России. 2019. № 3. С. 75–82.

References

1. Didenko D. V. Theoretical and Methodological Issues of Analyzing Digitization in Economic Management: the Case of the Late USSR. *Journal of Institutional Studies*. 2022;14(2):70-80. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.070-080> (In Russ.)
2. Safronov A. V. The Gosplan Automated Planning System as a Necessary Step Toward the Nationwide Automated Data Processing and Control System (NACS). *Economic History*. 2019;15(4):395-409. (In Russ.)
3. Zhmurov D. V. Sins of the Machines: at the Sources of Robot Crimes. *Russian Journal of Criminology*. 2023;17(6):536-542. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(6\).536-542](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(6).536-542) (In Russ.)
4. Ishchenko E. P., Kruchinina N. V. High-Tech and Criminal Challenges. *Russian Journal of Criminology*. 2022;16(2):199-206. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).199-206](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).199-206) (In Russ.)
5. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological Risks of Using Artificial Intelligence. *Russian Journal of Criminology*. 2018;12(6):767-775. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).767-775](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775) (In Russ.)
6. Saveliev A. M., Zhurenkov D. A. National Strategies for the Development of Artificial Intelligence Systems: the Experience of the Leading Countries and the Situation in Russia. *Scientific Bulletin of the Military-Industrial Complex of Russia*. 2019;3:75-82. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глеб Геннадьевич Лянной, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета (ул. Ленина, 11, Иркутск, 664003, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-2098-2170>; e-mail: alwolfy@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gleb G. Lyannoy, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Baikal State University (11 Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-2098-2170>; e-mail: alwolfy@mail.ru

Поступила | Received
29.02.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.05.2024

Принята к публикации | Accepted
25.06.2024

УДК 342.92:347.61

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-353-371

EDN: KRUODV

Оригинальная научная статья

Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия

А. В. Равнюшкин *Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ ravnyushkin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема семейного (домашнего) насилия в Российской Федерации, противодействие которому оказывает функционировавший публично-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан. Отмечая, что в российском обществе продолжается дискуссия относительно направлений (вектора) развития системы противодействия семейному насилию, автор обозначает, что данная система должна строиться на основе среды российского права, т. е. с учетом традиций и ценностей российского общества. Представлен анализ публично-правовых исследований, посвященных функционированию юридических механизмов обеспечения прав граждан в области их защиты от домашнего насилия и выявлению их структурных элементов. В том числе автор определяет свойства и элементы публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, предлагает его авторское определение. Социальная среда порождает среду права, придает ей основные векторы развития. Среда права в свою очередь является основой для правотворческой деятельности. Под воздействием принятых или видоизмененных правовых норм, когда они реализуются различными способами на протяжении длительного времени, меняется и социальная среда. Этот процесс характеризуется как циклический, однако все составляющие этого цикла с каждым витком качественно видоизменяются, приобретают новые свойства. Эти циклы напрямую связаны с функционированием публично-правовых механизмов обеспечения прав граждан. Рассматриваемые механизмы являются динамичными: сами подвергаются изменению и являются инструментами воздействия на определенные сферы общественных отношений в целях защиты и охраны их ценностей. В качестве предмета работы выступают нормы конституционного и административного права, на которых базируется публично-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Целью исследования является формулирование понятия публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, представление его структуры, элементы которой могут выступать в качестве направлений совершенствования деятельности субъектов этого механизма. В основе функционирования публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия лежит совокупность правовых норм, которые автор разделил на 4 блока. К числу элементов, образующих структуру названного публично-правового механизма, относятся следующие составляющие: субъектный элемент; инструментальный блок; процессуальные и процедурные формы публичного администрирования; ресурсное обеспечение (материально-технический блок); система, обеспечивающая гарантии по соблюдению законности в деятельности субъектов публично-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия; критерии и оценка эффективности и результативности функционирования рассматриваемого механизма.

Ключевые слова: семейное (домашнее) насилие, среда права, публично-правовой механизм, защита прав граждан, элементы механизма, административные правонарушения

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Равнюшкин А. В. Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 353–371. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-353-371>. EDN: <https://elibrary.ru/kruodv>

Original scientific article

A Public Law Mechanism for Protecting Citizens from Family Violence

A. V. Ravnyushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ ravnyushkin@mail.ru

Abstract. The paper examines the problem of family (domestic) violence in the Russian Federation, where a public law mechanism is used to ensure the protection of citizens' rights. Noting that the trends in the development of the system to combat family violence are being discussed in Russian society, the Author indicates that this system should be based on the Russian law and the milieu, i.e. taking into account the traditions and values of Russian society. The paper presents the analysis of public law studies on the functioning legal mechanisms to ensure the rights of citizens to be protected from domestic violence and identify the structural elements of those mechanisms. In particular, the Author defines the properties and elements of the public law mechanism for ensuring the protection of citizens from family violence, and proposes his own definition. The social environment generates a milieu of law and determines the trends in its development. The legal milieu itself is the basis for law-making activities. Due to the adopted or modified legal norms, when they are implemented in various ways over a long period of time, the social milieu also undergoes changes. These changes are viewed as cyclic; however, all the components of this cycle change qualitatively with each turn acquiring new properties. These cycles are directly related to the functioning of public law mechanisms to ensure the rights of citizens are protected. The mechanisms under consideration are dynamic: they themselves are subject to change and they impact certain areas of public relations in order to protect their values. The subject of the study is the norms of constitutional and administrative law, which are the basis for the public law mechanism ensuring the protection of citizens' rights to combat family violence. The purpose of the study is to formulate the concept of a public law mechanism for ensuring the protection of citizens' rights to combat family violence, to present the mechanism structure, its elements, which can be directions for improving the activities of the subjects of this mechanism. The functioning of the public law mechanism for ensuring the protection of citizens' rights to combat family violence is based on a set of legal norms, divided by the Author into 4 groups. The following components are among the elements forming the structure of the considered public law mechanism: subjects; instruments; legal and procedural forms of public administration; resources (procurement); a system to observe the legality of the subjects of the public law mechanism for the protection of citizens' rights to combat family violence; criteria and an assessment of the effectiveness and efficiency of the functioning mechanism under consideration.

Keywords: family (domestic) violence, legal milieu, public law mechanism, protection of citizens' rights, elements of the mechanism, administrative offenses

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Ravnyushkin A. V. A Public Law Mechanism for Protecting Citizens from Family Violence. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):353-371. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-353-371>. EDN: <https://elibrary.ru/kruodv> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Семья относится к такому социально-му образованию, в которых отношения между людьми могут быть наиболее гар-

моничными, способствующими развитию всех ее членов. В словах о том, что семья является ячейкой общества, содержится глубокий смысл. Предполагается, что она

© Ravnyushkin A. V., 2024

состоит из наиболее родных и близких людей, которые совместно проживают и общаются между собой на основе любви, взаимоуважения, искренности, взаимной заботы, правдивости и честности, взаимной поддержки, совместного ведения хозяйства, где старшие помогают младшим и наоборот.

В каких-то семьях эти основы более сильные, в других менее, но в целом они направлены на скрепление семьи и служат объединенной силой в противостоянии различным внешним факторам, в том числе преступлениям. Как считает Д. А. Шестаков, «нормальная семья, по общему правилу, является антикриминальным фактором» [1, с. 171], он отмечает, что у преступников отсутствие брачных отношений встречается в четыре раза больше, чем у других людей [1, с. 139].

Однако и внутри семей совершаются преступления и административные правонарушения, которые преимущественно носят насильственный характер. При этом некоторые из них получают широкий общественный резонанс. Совершение актов насилия в семье относится к числу актуальных проблем современного общества. По данным МВД России, в 2023 г. было зарегистрировано более 400 тыс. случаев насилия в семьях. При этом общее количество преступлений против личности сократилось на 5,3 %, в том числе убийств и покушений на убийство – на 2,1 %, фактов умышленного причинения тяжкого

вреда здоровью – на 4 %¹. Помимо данных деяний, в сфере семейно-бытовых отношений совершаются административные правонарушения, предусмотренные ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Побои».

Статьями законов субъектов Российской Федерации о семейно-бытовых конфликтах² устанавливается административная ответственность за совершение действий, «унижающих членов семьи», их «человеческое достоинство», «создание конфликтных ситуаций, сопровождающихся шумом, нецензурной бранью», «за оскорбительное поведение». Привлечение виновных лиц за данные правонарушения является профилактикой совершения ими насильственных действий в отношении членов семьи. Причинение физических страданий без побоев (как форма насилия), которые охватываются составом правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, квалифицируются в отдельных случаях как административные правонарушения, предусмотренные законодательством субъектов Российской Федерации. Логично предположить, что семейный скандал может причинить физические страдания³.

Кроме того, в данной сфере совершаются также преступления, предусмотренные ст. 115 УК РФ «Причинение легкого вреда здоровью», ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации «Причинение средней

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 26.03.2024).

² Статья 51.7 «Бытовое дебоширство» Закона Костромской области от 21 июля 2008 г. № 352-4-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» (Доступ из СПС «Гарант»); ст. 1.18 «Семейно-бытовое дебоширство» Закона Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области» (Доступ из СПС «Гарант»); ст. 2.18 «Создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях» Закона Нижегородской области от 24 апреля 2003 г. № 34-З «Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/944917687/titles/1IHIDP1> (дата обращения: 26.03.2024)).

³ Постановление от 26 февр. 2015 г. по делу № 4-104/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/dyMrF7bgi8dB/?ysclid=lusdvl1djev61827674> (дата обращения: 26.03.2024) ; Решение № 12-1469/2020 от 25 сент. 2020 г. по делу № 12-1469/2020 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6FnDa5Zo1rod/?ysclid=lusdql3sl604241236> (дата обращения: 26.03.2024).

тяжести вреда здоровью», и другие деяния. Как отмечается, «анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что устойчивого снижения правонарушений в сфере семейно-бытового насилия в России не наблюдается» [2, с. 43].

Почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная ситуация в семье. Вместе с тем официальная статистика не отражает полной картины преступлений в отношении женщин, поскольку пострадавшие часто не обращаются в правоохранительные органы или медицинские организации⁴.

Потерпевшими от насильственных деяний преимущественно являются женщины. Однако следует отметить, что наиболее уязвимы для семейного насилия дети, в особенности на начальном этапе жизни, когда закладываются основы как для физического, так и для психического здоровья. Последствия применения насилия, особенно систематического, негативно отражаются на здоровье человека на всех последующих этапах его жизнедеятельности, что доказано научными исследованиями [3; 4].

Для обеспечения защиты прав граждан от различных негативных явлений функционируют конституционно-правовые, административно-правовые и иные механизмы противодействия вредным последствиям, в том числе от семейного насилия. Новизна работы состоит в том, что проведено исследование понятия и свойств конституционно-правового и административно-правового механизма, определены общие элементы этих механизмов на примере механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, представлена его структура.

Научных работ, в которых были бы проведены на комплексной основе исследования конституционно-правовых

и административно-правовых механизмов в общем и изучены свойства и признаки данных механизмов, направленных на обеспечение защиты прав граждан от семейного насилия, в частности, практически не имеется.

Определение понятия, свойств и структуры публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия имеет важное теоретическое и практическое значение как для дальнейшего формирования понятийного аппарата, развития и функционирования рассматриваемых механизмов, так и для органов и должностных лиц, осуществляющих государственно-властные полномочия в рассматриваемой сфере.

Данные обстоятельства позволили сформулировать гипотезу настоящего исследования, которая заключается в предположении, что на основе определенных общих свойств конституционно-правовые и административно-правовые механизмы, в частности, по обеспечению прав граждан от семейного насилия, допустимо рассматривать в качестве единого целого под наименованием публично-правового механизма.

В исследовании применены основные теоретические методы (индукция, дедукция, анализ и синтез), позволяющие автору опереться на ранее проведенные исследования, осуществить анализ их результатов, изучить и классифицировать нормативные правовые акты и иные источники по рассматриваемой теме. Формально-юридический метод позволил исследовать юридические понятия и их свойства, связанные с правовыми механизмами обеспечения прав граждан. Использование метода структурного анализа обеспечило выделение элементов рассматриваемых механизмов. Также применен социологический метод при рассмотрении статистических данных.

⁴ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. Доступ из СПС «Гарант».

Целью исследования является формулирование понятия публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, представление его структуры. Для этого определены следующие задачи: рассмотреть научные работы, в которых исследуются конституционно-правовые и административно-правовые механизмы, в том числе направленные на обеспечение защиты прав граждан от семейного насилия; выделить общие свойства и элементы этих механизмов; разработать определение публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия и рассмотреть его структуру.

О дискуссии относительно направлений профилактики семейного насилия

Относительно свойств и характера публично-правового механизма противодействия семейному насилию в обществе не сложилось единого мнения. Дискуссия относительно направлений развития законодательства в сфере профилактики семейного насилия не прекращается. В конце 2019 г. в общественности начал широко обсуждаться проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия»⁵, положения которого вызывают научный интерес и в настоящее время.

Сторонники принятия этого закона апеллируют тем, что в Российской Федерации отсутствуют достаточные механизмы привлечения лиц, применивших насилие в семье, к ответственности; отмечают некомпетентность правоохранительных органов при реагировании на сообщения

о случаях семейного насилия и связанную с этим вынужденность пострадавших обращаться к иным субъектам защиты прав. Лица, разделяющие мнение о принятии названного законопроекта, считают, что институт охранных ордеров может эффективно защитить потерпевших от повторных актов насилия. Кроме того, они обосновывают необходимость принятия рассматриваемого закона тем, что подобные законы о противодействии семейному (домашнему) насилию имеются в большинстве стран мира⁶.

Противоположная сторона, а также примыкающие к ней просемейные и религиозные организации (всего более 180), обратились к главе государства с призывом не допустить принятия этого закона⁷.

Противники принятия рассматриваемого законопроекта убеждены в том, что необходимости в нем нет, так как в Российской Федерации действует ряд других законов, направленных на противодействие семейному насилию. Они обращают внимание общественности на то, что не соблюдены правила юридической техники при разработке имеющихся в нем правовых дефиниций, а также отмечают манипулирование сторонниками законопроекта статистическими данными о количестве совершенных правонарушений в семейной сфере. Противники законопроекта видят в нем угрозу традиционным ценностям, и считают, что его положения представляют посягательство на конституционные нормы, гарантирующие право на неприкосновенность частной жизни, жилища, частной собственности.

⁵ Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели // Совет Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Более 70 правозащитных организаций и благотворительных фондов потребовали принять закон о домашнем насилии. Открытое письмо // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/09/155147-pravozaschitniki-potrebovali-prinyat-zakon-o-domashnem-nasilii> (дата обращения: 28.03.2024).

⁷ Более 180 организаций выступили против закона о профилактике «семейного насилия» // МОО «За права семьи». URL: <http://profamilia.ru/read/1427> (дата обращения: 28.03.2024).

Ни одна из сторон не мотивирована понимать другую. Скорее, каждая стремится навязать свою точку зрения.

Думается, что развитие российского законодательства и более эффективного механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия возможно только через понимание права как продукта среды российского общества, системы его исторических, социально-духовных и культурологических факторов.

В целях определения элементов правовых механизмов обеспечения различных объектов правовой защиты прав граждан целесообразно обратиться к вопросу о том, что представляют из себя эти механизмы по мнению ученых различных отраслей российской науки и какие выделяются ими элементы

В первую очередь обратимся к научным работам по теории права и конституционного права.

О КОНСТИТУЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Конституционный механизм реализации прав и свобод вызывал научный интерес у исследователей в конце 80-х гг. прошлого века, их достижения остаются актуальными и на современном этапе развития науки: «практически все научные работы того периода были переизданы, и это доказывает, что, несмотря на жесткие партийно-идеологические установки, юридическая наука и существовала, и развивалась» [5, с. 9–10].

Так, группой авторов исследовалась проблема реализации прав граждан и в качестве отдельного аспекта Н. В. Витруком рассматривался юридический механизм их реализации. Данный механизм рассматривается в первую очередь как процессуально-процедурный порядок реализации прав личности, в котором действуют, помимо прочих, акты применения права [6, с. 82–111].

Последним автор уделял особое внимание [7].

Н. В. Витрук отмечал, что «реализация конституционных прав и свобод граждан была связано с дальнейшим совершенствование текущего (отраслевого) законодательства (как материально-правовая составляющая), и с качественным улучшением работы государственных и общественных органов, должностных лиц по организации использования гражданами прав и свобод, и выполнению своих обязанностей» [8, с. 426].

Следует согласиться с мнением Н. В. Витрука, что осуществление прав и свобод граждан имеет два направления. С одной стороны, сами граждане реализуют данные права посредством совершения активных действий по использованию различных благ, отражающих права и свободы. С другой стороны, организационные основы, «хорошо налаженный, рациональный процедурный порядок усиливает гарантии реализации прав и свобод граждан. Развитие общественных отношений диктуют необходимость постоянного совершенствования процесса реализации прав и свобод граждан, создания все более простых, удобных, доступных и эффективных форм и механизма в такой реализации» [8, с. 437–440].

Система материальных правовых средств (нормы права, общие гарантии, специальные средства реализации) не может быть успешно применена, если «она не подкрепляется конкретной организационной работой государственных и общественных организаций. Организационная деятельность служит общим условием, универсальной предпосылкой действительности всей системы гарантий прав и свобод личности» [8, с. 446].

Механизм обеспечения прав состоит из совокупности специализированных органов и общественных организаций, реализующих правоприменительную и правоохранительную виды деятельности [8,

с. 472]. Также немаловажное значение в механизме реализации прав и свобод граждан имеет характеристика личности и ее окружения (качество социальной среды). От свойств социальной среды зависит и качество механизмов обеспечения прав граждан, в том числе и в сфере семейно-бытовых отношений. Социальная среда порождает среду права, придает ей основные векторы развития. Среда права в свою очередь является основой для правотворческой деятельности. Под воздействием принятых или видоизмененных правовых норм, когда они реализуются в различных способах на протяжении длительного времени, меняется социальная среда. Этот процесс характеризуется как циклический, однако все составляющие этого цикла с каждым витком качественно видоизменяются, приобретают новые свойства. Эти циклы напрямую связаны с функционированием правовых механизмов обеспечения прав граждан. Рассматриваемые механизмы являются динамичными: подвергаются изменению сами и служат инструментами воздействия на определенные сферы общественных отношений в целях защиты и охраны их ценностей.

Механизмом реализации прав граждан интересуются и другие ученые.

По мнению П. А. Астафичева, «конституционные права и свободы человека и гражданина не могут действовать сами по себе. Для того чтобы они эффективно функционировали – необходим определенный правовой механизм, приводящий их в движение»⁸.

А. В. Малько в качестве механизма защиты прав, свобод и законных интересов представляет «обеспечительный правовой режим существования юридических дозволений», в котором осуществляют

свою деятельность органы и их должностные лица, осуществляющие полномочия по защите прав и свобод граждан, способствуют их реализации самими гражданами. Они призваны также устранять реальные угрозы посягательства на эти ценности, восстанавливать нарушенные права [9, с. 80–81].

Механизм обеспечения конституционных прав человека в деятельности полиции Е. А. Зиминым понимается как совокупность мер «нормативно-правового, организационно-управленческого и общественно-надзорного характера, имеющих цель сформировать условия реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере деятельности полиции»⁹.

И. С. Лапаев предлагает авторскую трактовку «механизма обеспечения юридической безопасности», представляющего собой «систему правовых средств (инструментов и процедур), применяемыми органами государства и негосударственными структурами по охране, защите и восстановлению юридической безопасности от правовых опасностей, препятствующих процессу правового упорядочивания социальных связей»¹⁰.

Т. О. Праницкая под «конституционно-правовым механизмом обеспечения гражданами права на неприкосновенность частной жизни» понимает определенный набор средств и институтов. Этот механизм состоит из конституционных норм (материально-правовая основа); правоохранительной деятельности, построенной на принципе законности, гласности и учета общественного мнения, гарантий (общие, специальные и организационные), процедуры (регламентированная правоприменительная деятельность субъектов

⁸ Астафичев П. А. Судебный конституционный контроль в России : учеб. пособие для высш. проф. образования. Орел : Госуниверситет-УНПК, 2012. С. 3–4.

⁹ Зимин Е. А. Механизм обеспечения конституционных прав человека в сфере деятельности полиции: на примере США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 25.

¹⁰ Лапаев И. С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 10.

обеспечения права), ответственность (неотвратимость наказания за нарушения прав граждан), контроль (еще один институт гарантий)¹¹.

А. Н. Филиппова считает, что структуру «конституционно-правового механизма обеспечения единства правового пространства Российской Федерации образуют его трехуровневая система органов исполнительной власти), которые реализуют меры организационного, материально-технического и иного характера в пределах закрепленных полномочий»¹². В эту структуру представленного механизма включаются также определенные конституционные принципы.

В. В. Уханкин под конституционно-правовым механизмом обеспечения государственной целостности Российской Федерации понимает «совокупность нормативных правовых актов международного, федерального, регионального и муниципального уровня»¹³.

Однако данный механизм является динамичным, меняется и совершенствуется и, как отмечается автором, «состоит из правовых средств, различного рода ресурсов и юридической ответственности»¹⁴.

К элементам «механизма обеспечения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» Р. А. Ягудин относит: «1) систему методов, способов и средств; 2) субъекты как пользователи и гаранты системы; 3) объекты (ценности материального и морального характера); 4) правосубъектность субъектов, и 5) правоотношения»¹⁵.

Думается, что более полную структуру имеет обозначенный группой авторов механизм реализации и защиты прав человека и гражданина, который «представляет собой систему методов и инструментов осуществления того или иного права, организованных функционально и хронологически: нормативные средства и организационные средства (публичные институты и процессуальные приемы, используемые для такой защиты и реализации, а также процессуальные институты обжалования действий административных органов»¹⁶.

Если конституционные механизмы реализации прав и свобод представляют собой последовательность волевых действий самого субъекта как обладателя прав и свобод, то в механизме обеспечения защиты этих объектов прежде всего подразумевается деятельность уполномоченных субъектов (органов и должностных лиц). Теперь рассмотрим достижения административно-правовой науки относительно отраслевых механизмов обеспечения защиты прав граждан.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Целесообразно отметить, что в основе научных разработок ученых относительно административно-правовых механизмов обеспечения защиты различных прав лежит теория механизма административно-правового регулирования как их первоосновы [10–12].

¹¹ *Праницкая Т. О.* Конституционно-правовой механизм обеспечения неприкосновенности частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010. С. 13.

¹² *Филиппов А. Н.* Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2013. С. 9.

¹³ *Уханкин В. В.* Конституционно-правовой механизм обеспечения государственной целостности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 15–17.

¹⁵ *Ягудин Р. А.* Механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 18.

¹⁶ *Резер Т. М., Кузнецова Е. В., Лихачев М. А.* Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / под общ. ред. Т. М. Резер. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 9.

В состав административно-правового механизма комплексного противодействия коррупции и собственной безопасности в органах внутренних дел Российской Федерации И. Н. Кошелев включает «правовые средства и управленческие решения, направленные на снижение коррупционных угроз в деятельности органов внутренних дел»¹⁷.

По мнению данного автора, исследуемый механизм воплощается через систему «систему информационного, кадрового, технического, финансового обеспечения, а также систему обеспечения их собственной безопасности»¹⁸. Эти «ресурсные» элементы также относятся к числу элементов рассматриваемого механизма.

Е. В. Ким под «административно-правовым механизмом обеспечения прав граждан в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций» рассматривает «систему правовых средств воздействия на общественные отношения с целью обеспечения прав граждан при ЧС, которые реализовываются с помощью норм права и актов применения»¹⁹.

При исследовании «административно-правового механизма обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации» В. Е. Степенко рассматривает обозначенный механизм через призму государственного управления. Понимая данный механизм как «совокупность административно-правовых средств воздействия на исследуемые общественные отношения»²⁰, автор в основе этого механизма представляет осуществление

в исследуемой сфере управленческой деятельности, под которой понимается «целенаправленная, организующая и распорядительная деятельность субъектов управления, состоящая в непосредственной практической реализации задач и функций государства в области пограничной политики»²¹.

Данный автор отмечает, что «содержание и сущность этой деятельности проявляется через ее функциональную направленность. В ходе этой деятельности разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу, устанавливаются правовые режимы функционирования государственной границы. Также в ходе этой деятельности применяются система специальных средств»²².

Н. В. Демченко и Ж. П. Дорофеева сформулировали определение «механизма административно-правового регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности», основываясь на исследовании регулятивных и охранительных предписаний, на которые направлены на обеспечение названного вида безопасности [13, с. 214].

Среди задач, которые были поставлены в докторском диссертационном исследовании И. А. Адмираловой, было определение особенностей административно-правового механизма деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан. В структуру этого механизма автор включает нормативную основу в виде норм административного права, административное правоотношение,

¹⁷ Кошелев И. Н. Административно-правовой механизм противодействия коррупции и обеспечения собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ким Е. В. Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан Российской Федерации в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012. С. 18–19.

²⁰ Степенко В. Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 11.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 31–32.

правоприменительные акты, а также правовую культуру и правосознание²³.

В структуре данного механизма функционирует и субъект обеспечения прав и свобод граждан — полиция, которая имеет внутриорганизационный механизм обеспечения осуществления административной деятельности²⁴.

Важным компонентом деятельности названного субъекта является реализация административной ответственности, а также наличие правового усмотрения соответствующего должностного лица²⁵.

Автор отмечает, что в административной деятельности полиции используются регулятивные и охранительные правовые средства, а основным, синтезирующим все выделенные ранее элементы административно-правового механизма, является правоприменительный процесс²⁶.

Однако во многом административно-правовой механизм деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан во многом отождествляется автором с механизмом административно-правового регулирования, имеет практически те же самые элементы.

П. В. Дихтиевский рассматривает административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности в качестве «самостоятельного научного понятия, интегрирующего в себе философские, этические, политические и правовые идеи. Ему присущи своеобразные структуры, цели, задачи, функции»²⁷.

Представленный данным исследователем механизм теоретически представляется совокупностью четырех блоков. Человек как высший объект защиты относится

к первому блоку. Второй блок составляют принципы прав человека. К третьему блоку относятся социальные институты и нормативные установления. В качестве четвертого блока автор определяет процедурно-контрольный блок²⁸.

П. В. Дихтиевский среди элементов представленного механизма также обозначает его цель, задачи и функции. Под правовым механизмом обеспечения личной безопасности понимается «система ценностей, принципов, а также конституционных, нормативных, процедурно-организационных и контрольных элементов, которые, взаимодействуя, влияют на поведение личности, состояние конституционного порядка и общества»²⁹.

Исходя из рассмотренных научных представлений о правовом механизме обеспечения (защиты) определенных социальных ценностей, разработанных специалистами в области теории права, конституционного и административного права, следует отграничить его от более широкого понятия — механизма правового регулирования — и его подвидов (конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой и др.).

Вернемся к теории права и отметим мнение Ю. В. Анохина, который под механизмом государственно-правового обеспечения понимает комплексный процесс воплощения правовых предписаний в реальную действительность. Данным автором выдвинута идея о том, что данный механизм также включает механизмы: функционирует «механизм действия права, включающий механизмы правового

²³ Адмиралова И. А. Административно-правовое обеспечение деятельности полиции по защите и охране прав и свобод граждан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 24–26.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Там же. С. 35–36.

²⁷ Дихтиевский П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 12.

²⁸ Там же. С. 40–41.

²⁹ Там же. С. 41.

регулирования общественных отношений, реализации, охраны и защиты прав и свобод граждан; гарантии обеспечения действия исследуемого механизма (общие и специальные); механизм юридической ответственности» [14, с. 26].

Представляется, что механизмы обеспечения (реализации) защиты различных прав граждан, в том числе административные, являются своего рода двигателем воплощения в движение правового регулирования, является частным по отношению к общему – механизму административно-правового регулирования. Административно-правовое регулирование как результат имеет определенное упорядочивание и наделяет это упорядочивание определенным правовым свойством, а механизм административно-правового регулирования запускает, по мнению С. Н. Зайковой, «в действие административно-правовое регулирование в конкретной отрасли или сфере управления – административно-правовой механизм обеспечения (реализации) прав граждан» [15, с. 316].

Однако все же данный автор не ставил в качестве одной из задач проведение разграничения механизма правового регулирования с его производными механизмами, отметив, что «понятие “административно-правовой механизм”, достаточно часто используемое в научной, учебной литературе (“административно-правовой механизм управления...”, “административно-правовой механизм обеспечения...”, “административно-правовой механизм организации...”, “административно-правовой механизм защиты...”), не подвергалось отдельному комплексному исследованию» [15, с. 311].

Правовые механизмы, по мнению В. Д. Ардашкина, имеют различные подтипы, в том числе правоохранительный [16, с. 11–19]. В другой работе этот автор отмечает, что «юридические механизмы, стержень которых составляет государственное принуждение, есть государ-

ственно-правовые охранительные механизмы» [17, с. 117].

Таким образом, механизм правового регулирования и его подвиды (механизм административно-правового регулирования, механизм уголовно-правового регулирования, механизм гражданско-правового регулирования и др.) следует отграничивать от его производных правовых механизмов – правоохранительных, направленных на обеспечение (реализацию) и защиту прав и свобод граждан, имеющих в качестве средств обеспечения меры принуждения.

В. Д. Ардашкин, определяя свойства («несущие конструкции») правоохранительного механизма, выделяет его подтипы. «В зависимости от оснований реализации и заложенных социально-юридических программ последний включает: а) институт ответственности; б) институт защиты; в) институт предупреждения; г) институт процессуального обеспечения» [17, с. 118].

Представляется, что обозначенные институты выступают в качестве самостоятельных механизмов. Следует отметить, что автор сам институт ответственности называет механизмом («более сложен механизм правовой ответственности» [17, с. 120]).

Исследовав работы ученых теории права, конституционного и административного права о соответствующих механизмах обеспечения прав граждан (как результата проведенного мегаанализа научных работ), логично предположить (и даже считать), что конституционный и административно-правовой механизмы имеют много общего, одну общую основу и во многом сходную структуру (как показывают научные достижения специалистов из названных отраслей правовой науки). Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия основывается на конституционно-правовом механизме,

на его базовых началах и является частью динамичной системы, направленной на реализацию прав граждан и обеспечение защиты от противоправных насильственных проявлений в семье.

Целесообразно данные механизмы объединить в единый публично-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

О СВОЙСТВАХ И ЭЛЕМЕНТАХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ОТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Исходя из проведенного изучения научной литературы ученых теории права, конституционного и административного права о правовом регулировании и его механизмах и их подвидах, можно определить элементы публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Содержащихся в нормативных правовых актах норм права, регулирующих общественные отношения в сфере семейно-бытовых отношений, гарантирующих защиту прав граждан от семейного насилия, определяемых как «должное» (объект и предмет регулирования), недостаточно, чтобы предписания реализовывались. Для этого необходимо функционирование целого механизма, который гарантированно переводит «должное» в действительное.

В целях эффективного и результативного регулирования общественных отношений в конкретных сферах, в том числе в рассматриваемой области, функционируют правовые механизмы регулирования, включая административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Для осуществления субъективных прав и обязанностей необходимо наличие дополнительных обязательных элементов

этой системы, поскольку без определения ответственности за нарушение предписаний (нарушение должного), других правовых средств публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан, субъектов реализации этого механизма, четкого правоприменительного процесса по обеспечению прав граждан, обеспечения законности в деятельности субъектов публично-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия, невозможно достижение общей цели и решение задач, направленных на обеспечение прав граждан от семейного насилия. Все вышеизложенное и составляет так называемый цикл «правовое регулирование – правовое обеспечение (защита)».

В основе функционирования публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия расположена совокупность правовых норм, содержащихся в правовых актах различного уровня. Однако целесообразней рассмотреть систему этих актов не по субъекту их издания и масштабу действия, а по их целевому предназначению, разделив на следующие блоки.

Первый блок содержит акты, в которых нормы направлены на регулирование прав граждан на защиту от совершения актов насилия, включая семейное. К ним относятся нормы международного, федерального и регионального уровней. Первоосновой для обозначенных прав является норма, содержащаяся в статье 21 Конституции РФ, о признании достоинства личности и ее охране государством. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³⁰ закрепляет понятие здоровья.

К числу источников правовых актов, направленных на защиту прав граждан от насилия в семье, относятся и нормы международного права, которые Российская Федерация признает. Среди них

³⁰ Пункт 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

следует выделить, например, Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (“CEDAW”, 1979)³¹, Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений³², и др.

Можно предположить, что из-за идущей дискуссии относительно направленности правового регулирования противодействию насилию и в целях уменьшения влияния так называемых «либеральных» ценностей Российская Федерация не подписала Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием³³. Принято считать, что она является наиболее полной (из юридически обязывающих) среди международных актов по этой проблеме³⁴.

К нормативным правовым актам, направленным на признание и защиту прав от насилия, в частности, детей, относятся законы регионального уровня³⁵.

Второй блок включает акты, определяющие систему профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых

отношений насильственного характера, их компетенцию, прежде всего уполномоченных субъектов профилактики. Основными правовыми актами такого рода выступают федеральные законы «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³⁶, «О полиции»³⁷ и многие другие. Кроме законов федерального уровня, в этот блок включаются и законы субъектов РФ о профилактике правонарушений³⁸, которые дополняют нормы федерального уровня с учетом региональной специфики. Органы местного самоуправления активно принимают участие в защите прав граждан от правонарушений, включая насильственные, разрабатывают соответствующие программы³⁹.

Третий блок составляет совокупность правовых актов, регламентирующих порядок осуществления процедурных и процессуальных действий, производств, в том числе осуществляемых в связи с совершаемыми административными правонарушениями, применения мер убеждения и принуждения. Данный блок включает

³¹ Ратифицирована указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1980 г. № 3565-Х «О ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900957?marker> (дата обращения: 02.05.2024)).

³² Ратифицирована Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/499018377?marker> (дата обращения: 02.05.2024)).

³³ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11 мая 2011 г.). URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 02.04.2024).

³⁴ Что такое Стамбульская конвенция и почему Турция из нее вышла // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62fe524f9a7947ccd84bf0ae> (дата обращения: 02.04.2024).

³⁵ См., напр.: *О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* : закон Ханты-Манс. авт. окр. – Югры от 10 июля 2009 г. № 109-оз. Доступ из СПС «Гарант».

³⁶ *Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации* : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».

³⁷ *О полиции* : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ См., напр.: *О системе профилактики правонарушений в городе Москве* : закон г. Москвы от 19 марта 2008 г. № 14. Доступ из СПС «Гарант» ; *О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге* : закон г. Санкт-Петербурга от 19 марта 2018 г. № 124-26. URL: <https://rg.ru/documents/2018/03/21/spb-zakon126-26-reg-dok.html> (дата обращения: 02.05.2024) ; *О профилактике правонарушений* : закон Кемеров. обл. от 2 окт. 2012 г. № 95-ОЗ. Доступ из СПС «Гарант».

³⁹ См., напр.: *Об утверждении муниципальной программы «Участие в деятельности по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» на 2024 год* : постановление местной администрации внутригор. муницип. образования города федер. значения Санкт-Петербурга «Муниципальный округ ГРАЖДАНКА» от 27 окт. 2023 г. № 123-п. URL: http://grajdanka.ru/wp-content/uploads/2023/11/Постан_123-МП-Правонарушения-на-2024-год.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

нормы законов (КоАП РФ, закона «О полиции» и др.) и акты ведомственного уровня (например, приказы МВД России⁴⁰).

Четвертый блок представляет собой комплекс правовых актов, направленных на обеспечение законности осуществления субъектами профилактики своих полномочий, которые выступают гарантиями законной деятельности государственных и иных органов и должностных лиц, осуществляющих деятельность по защите прав граждан от семейного насилия. К их числу относятся нормы Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации»⁴¹, КоАП РФ об обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях, нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, и иные. К числу ведомственных актов подобного рода следует отнести Инструкцию об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации⁴².

Названные правовые акты представляют собой единую взаимосвязанную систему, с помощью которой создан и функционирует публично-правовой механизм

обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Если в нормах первого блока определяется, «какие права признаются и гарантируются», второго блока – «кто и в каких пределах осуществляет эту защиту» (определяется компетенция субъектов профилактики), третьего блока – «как, каким образом и в каком порядке осуществляется эта деятельность», то в нормах четвертого блока определяется система гарантий того, что субъекты профилактики будут осуществлять свою деятельность с соблюдением принципа законности и дисциплины («какие гарантии»).

В нормативных правовых актах определены принципы реализации и защиты прав граждан от семейного насилия, которые отражают сущность и свойства исследуемого механизма. Среди основополагающих идей можно назвать «принцип законности; определение статуса семьи как основообразующей ячейки российского общества; неразглашение сведений из частной семейной жизни; приоритет семейного воспитания детей»⁴³.

Полному и всестороннему обеспечению прав граждан в семье на защиту от насилия могут способствовать и такие принципы, как «диалектическая основа семейно-бытовых конфликтов (наличие вины участников конфликта в силу его социальной обусловленности и наличия противоречий, в разрушении семейного

⁴⁰ См., напр.: *Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан* : приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 // Официальный сайт М-ва внутр. дел Рос. Федерации. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/10495> (дата обращения: 02.05.2024) ; *О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности* : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из СПС «Гарант» ; *О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений* : приказ МВД России от 24 авг. 2023 г. № 619. Доступ из СПС «Гарант».

⁴¹ *О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации* : федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».

⁴² *Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 12 сент. 2013 г. № 707. Доступ из СПС «Гарант».

⁴³ *Равнюшкин А. В.* О необходимости разработки национальной концепции профилактики семейно-бытового насилия в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 3 (82). С. 231. DOI: <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2021-3-82-226-232>

социально-психологического уклада); комплексная проверка обстоятельств совершения противоправного деяния (преступления или административного правонарушения), основанная на нормах российского законодательства»⁴⁴.

Сам факт признания прав граждан в различных сферах общественных отношений явно недостаточен, необходимо обеспечить возможность их защиты как самими гражданами, так и посредством их обращения к субъектам, обладающим необходимой компетенцией. Однако большинство авторов, чьи научные работы были исследованы, не учитывают тот факт, что в рассматриваемые правовые механизмы должны быть включены элементы, обеспечивающие надлежащую деятельность субъектов, осуществляющих деятельность по защите прав граждан, в том числе от семейного насилия. Таковыми элементами являются система гарантий по соблюдению законности в деятельности субъектов публично-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия, и система, позволяющая оценить эффективность и результативность функционирования рассматриваемого механизма, прежде всего его субъектов. Если некоторые авторы (Е. А. Зимин, Т. О. Приницкая, П. В. Дихтиевский) включают в рассматриваемые ими механизмы защиты прав граждан названные гарантии, то большинство авторов данный аспект оставили практически без внимания.

Кроме того, теоретическое и практическое значение имеет полнота и качество реализуемых уполномоченными субъектами мер, направленных на защиту прав граждан, о чем в рассмотренных работах фактически не отмечается. Для этого целесообразно, чтобы были определены

критерии оценки эффективности и результативности функционирования механизма, и, прежде всего, его субъектов. Они должны быть установлены вышестоящими субъектами государственного управления этими сферами, в том числе по противодействию актам семейного насилия.

В целях совершенствования законодательства, регулирующего вопросы защиты прав граждан, необходимо предусматривать, чтобы нормативные правовые акты содержали нормы, определяющие систему, обеспечивающую законность, дисциплину, полноту (достаточность) и эффективность функционирования, как самого механизма, так и его непосредственно субъектов. Например, ранее в одном из актов Правительства РФ данный аспект был обозначен в качестве меры по реализации задачи по совершенствованию законодательства в сфере профилактики семейно-бытового насилия. В нем содержалась такая мера, как «проведение мониторинга эффективности реализации мер по профилактике различных форм насилия, в том числе семейно-бытового и сексуального, в отношении женщин и детей в целях оценки масштабов и быстрого реагирования на факты такого насилия»⁴⁵.

Однако практического воплощения в жизнь эта мера не получила. В связи с этим следует обратить внимание на проект закона 2019 г. «О профилактике семейно-бытового насилия»⁴⁶, который среди множества других имеет и данный недостаток.

К числу элементов, образующих структуру названного публично-правового механизма, относятся следующие составляющие:

1) субъектный элемент – форма институционализации функционирования

⁴⁴ Равнюшкин А. В. Указ. соч.

⁴⁵ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы ...

⁴⁶ Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели ...

публично-правового механизма исследуемого механизма. Это система органов исполнительной власти, а также иных органов, входящих в систему профилактики правонарушений. К числу субъектов, участвующих в реализации защиты прав граждан от семейного насилия, относятся и общественные организации;

2) основанный на нормах законов инструментальный блок. Реализация правоохранительной функции осуществляется с помощью таких инструментов как правовые и неправовые средства (издание на основе конституционных норм подзаконных правовых актов, принятие управленческих решений, имеющих правовые и неправовые формы, воплощающие в себе различные методы, способы и меры воздействия). Среди них можно назвать приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715⁴⁷ «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России», приказ МВД России об официальном предостережении⁴⁸. Основанные на законах и подзаконных правовых актах средства воплощаются посредством применения определенных мер принудительного воздействия: административно-предупредительных; административных мер пресечения; мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; мер административного наказания и административно-восстановительных мер. Базовым инструментом защиты прав граждан от семейного насилия является институт административной ответственности;

3) процессуальные и процедурные формы публичного администрирования, в котором защита прав граждан от семейного насилия осуществляется согласно нормативно установленному порядку.

Определяется порядок развития юридической деятельности субъектов профилактики правонарушений, которая характеризует формально-организованную сторону защиты прав граждан от семейного насилия. «Процедура – лишь один из логических структурных элементов правового механизма», отмечается Е. В. Бутовой [18, с. 179]. Рассматриваемый механизм представляет собой комплекс юридических действий, что позволяет считать его процессуально-правовым порядком;

4) ресурсное обеспечение (материально-технический блок), представляющее собой систему финансово-материального снабжения и использования (здания, сооружения, техника, вооружение, инфраструктура и т. п.), без которого достижение целей правоохранительной функции является нереальным;

5) система, обеспечивающая гарантии по соблюдению законности в деятельности субъектов административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия. К ней относятся правовые гарантии соблюдения законности и органы контроля и надзора, чья деятельность направлена на то, чтобы органы полиции и другие субъекты профилактики надлежащим образом выполняли свои функции защиты прав граждан от семейного насилия;

6) критерии оценки и оценка эффективности и результативности функционирования рассматриваемого механизма. Важно отметить, что необходимо обеспечить не только действие принципа законности в деятельности субъектов профилактики правонарушений, но и обеспечить высокую эффективность и результативность в достижении целей и задач по защите прав граждан от семейного насилия.

⁴⁷ Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России : приказ МВД России от 29 сент. 2022 г. № 715. URL: https://turov.pro/wp-content/uploads/2020/09/prikaz-mvd-rossii-ot-04_03_2020-n-119-o-nekotoryh-voprosah.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

⁴⁸ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из СПС «Гарант».

В целом представленные элементы и образуют публично-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, который является правоохранительным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, под публично-правовым механизмом обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия понимается основанная на нормах конституционного и административного права динамическая система, в которой уполномоченные и иные субъекты осуществляют процедурно-процессуальные и иные действия, направленные на противодействие фактам семейного насилия, привлечения виновных лиц к административной ответственности, и также гарантированная правовыми основами и контрольно-надзорными структурами на соблюдение законности в деятельности субъектов обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Данный механизм состоит из шести названных выше структурных элемен-

тов — как статичных, так и динамичных, — и осуществляется под влиянием социально-экономического, политического, морально-нравственного, религиозного, организационного и иных факторов, обуславливающих в совокупности процесс обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Представленное понятие и элементы публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия позволяют более утонченно взглянуть на рассматриваемый функционирующий механизм, а выделенные его элементы следует рассматривать не только как его составляющие, но и в качестве направлений по его совершенствованию. Каждый из представленных элементов механизма требует дальнейшего научного рассмотрения и проработки в целях совершенствования правового, методического, организационного и иного обеспечения исследуемого механизма и тем самым повышения уровня защищенности граждан и их прав от противоправных деяний.

Список литературы

1. Шестаков Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
2. Рачицкая В. А. Административные правонарушения в сфере семейного насилия и проблемы их профилактики // Виктимология. 2020. № 4 (26). С. 37–45.
3. Shonkoff J. P., Boyce W. T., McEwen B. S. Neuroscience, Molecular Biology, and the Childhood Roots of Health Disparities: Building a New Framework for Health Promotion and Disease Prevention // The Journal of the American Medical Association. 2009. Vol. 301, no. 21. P. 2252–2259. DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/jama.2009.754>
4. Марголина И. А. Влияние внутрисемейного физического насилия в раннем детстве на психическое здоровье детей в возрастной динамике // Психиатрия. 2007. № 5 (29). С. 47–50.
5. Ершов В. В. Предисловие // Витрук Н. В. Избранное : в 2 т. М. : Российская академия правосудия, 2012. Т. 1: Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. С. 9–12.
6. Витрук Н. В. Юридический механизм реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Е. В. Аграновская, Н. В. Витрук, Л. Н. Завадская [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Наука, 1983. С. 82–122.
7. Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 2. С. 3–10.
8. Витрук Н. В. Избранное : в 2 т. М. : Российская академия правосудия, 2012. Т. 1: Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. 644 с.
9. Малько А. В., Субочев В. В., Шериев А. М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. 192 с.
10. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка // Проблемы теории и практики административной ответственности : сб. науч. тр. М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1983. С. 16–25.
11. Коренев А. П. Административное право России : в 3 ч. М. : Щит-М, 2000. Ч. I. 254 с.

12. Шергин А. П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Административное и административно-процессуальное право. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2004. С. 103–115.
13. Демченко Н. В., Дорофеева Ж. П. Административно-правовой механизм регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 213–220.
14. Анохин Ю. В. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 42–47.
15. Зайкова С. Н. Соотношение понятий «административно-правовой механизм» и «административно-правовое регулирование» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 310–320. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3720>
16. Ардашкин В. Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. 1988. № 1. С. 11–16.
17. Ардашкин В. Д. Правоохранительный механизм: понятие, структура // Теория государства и права : сб. ст. 4-е изд., перераб. и доп. Красноярск : Юридический институт Красноярского государственного университета, 2004. С. 117–124.
18. Бутова Е. В. Административно-правовой механизм: к вопросу о понятии // Эволюция государства и права: история и современность : сб. науч. ст. II междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юрид. фак. Юго-Зап. гос. ун-та (Курск, 25–27 мая 2017 г.) : в 2 ч. / отв. ред. С. Г. Емельянов. Курск : Университетская книга, 2017. Ч. 1. С. 177–181.

References

1. Shestakov D. A. *Family Criminology (Criminofamilistic)*. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 387 p. (In Russ.)
2. Rachitskaya V. A. Administrative Offenses in the Field of Domestic Violence and Problems of Their Prevention. *Victimology*. 2020;4:37-45. (In Russ.)
3. Shonkoff J. P., Boyce W. T., McEwen B. S. Neuroscience, Molecular Biology, and the Childhood Roots of Health Disparities: Building a New Framework for Health Promotion and Disease Prevention. *The Journal of the American Medical Association*. 2009;301(21):2252-2259. DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/jama.2009.754>
4. Margolina I. A. The Influence of Domestic Physical Violence in Early Childhood on the Mental Health of Children Related To Their Age. *Psychiatry (Moscow)*. 2007;5:47-50. (In Russ.)
5. Ershov V. V. Introduction. In: Vitruk N. V. *Selected. Vol. 1: Papers. Reports. Reviews. 1963–1990*. Moscow: Russian Academy of Justice Publ.; 2012. P. 9–12. (In Russ.)
6. Vitruk N. V. The Legal Mechanism for the Exercise of Individual Rights. In: Agranovskaya E. V., Vitruk N. V., Zavadskaya L. N. [etc.]. *The Exercise of Citizens' Rights in the Context of Developed Socialism*. Moscow: Nauka Publ.; 1983. P. 82–122. (In Russ.)
7. Vitruk N. V. The Acts of Application in the Realization of Human Rights and Freedoms. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1983;2:3-10. (In Russ.)
8. Vitruk N. V. *Selected. Vol. 1: Papers. Reports. Reviews. 1963–1990*. Moscow: Russian Academy of Justice Publ.; 2012. 644 s. (In Russ.)
9. Mal'ko A. V., Subochev V. V., Sheriev A. M. *Rights, Freedoms and Legitimate Interests: Issues of Legal Support*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2010. 192 p. (In Russ.)
10. Veremeenko I. I. The Mechanism of Administrative and Legal Regulation in Public Order Protection. In: *Issues of Theory and Practice of Administrative Responsibility*. Moscow: National Research and Development Institute of the USSR Interior Ministry Publ.; 1983. P. 16–25. (In Russ.)
11. Korenev A. P. *Administrative Law of Russia. Pt. I*. Moscow: Shchit-M Publ.; 2000. 254 p. (In Russ.)
12. Shergin A. P. On the Concept of the Mechanism of Administrative and Legal Regulation. In: *Administrative and Administrative Procedural Law*. Moscow: YuNITI Publ., Zakon i pravo Publ.; 2004. P. 103–115. (In Russ.)
13. Demchenko N. V., Dorofeeva J. P. Administrative and Legal Mechanism of Regulation Police Activities To Ensure Transport Security. *Leningrad Legal Journal*. 2018;4:213-220. (In Russ.)
14. Anokhin Yu. V. On the Theoretical Fundamentals of the Mechanism of State and Law Providing Rights and Freedoms of a Person. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2012;2:42-47. (In Russ.)
15. Zajkova S. N. Relationship of the Concepts “Administrative Legal Mechanism” and “Administrative Legal Regulation”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2021;4:310-320. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3720> (In Russ.)
16. Ardashkin V. D. On the Theory of Law Protection Mechanism. *Pravovedenie*. 1988;1:11-16. (In Russ.)
17. Ardashkin V. D. Law Enforcement Mechanism: Concept, Structure. In: *Theory of State and Law*. 4th ed. Krasnoyarsk: Law Institute of the Krasnoyarsk State University Publ.; 2004. P. 117–124. (In Russ.)
18. Butova E. V. Administrative Legal Mechanism: to the Question of the Concept. In: Emel'yanov S. G. (Ed.). *The Evolution of State and Law: History and Modernity. Pt. I*. Kursk: Universitetskaya kniga Publ.; 2017. P. 177–181. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Равнюшкин, заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России (ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Ravnyushkin, Deputy Head of the Department of Administrative Law at the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3604-5070>; e-mail: ravnyushkin@mail.ru

Поступила | Received
11.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
17.06.2024

Принята к публикации | Accepted
24.06.2024

УДК 343.36

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-372-385

EDN: KSUEKT

Оригинальная научная статья

К вопросу о расширении круга потерпевших от принуждения к даче показаний

А. Ю. Асеев

Омский юридический колледж, Омск, Российская Федерация

✉ a.andrei1999@yandex.ru

Е. И. Чекмезова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ e555@list.ru

Аннотация. Построение правового государства предполагает совершенствование механизма противодействия посягательствам на правосудие, выступающего гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В меняющихся криминологических реалиях вопросы повышения эффективности гарантий соблюдения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, в том числе уголовно-правовыми средствами, не сходят с актуальной повестки дня. Статья посвящена уголовно-правовому анализу признаков потерпевшего от принуждения к даче показаний (ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации). Предметом исследования выступает дефинитивный аппарат, используемый законодателем при описании признаков потерпевшего от принуждения к даче показаний, а также положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие правовой статус участников уголовного судопроизводства, охраняемых рассматриваемой нормой. Анализ заявленной научной проблематики осуществлен с опорой на правовые позиции высших судебных органов, а также с учетом историко-правовых и доктринальных аспектов. Использование междисциплинарного подхода позволило выявить особенности правового положения лиц, отнесенных законодателем к числу потерпевших от принуждения к даче показаний. Проанализирован правовой статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, а также лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, уделено внимание фигурам заявителя, очевидца, жертвы преступления и лиц, обладающих уголовно-значимой информацией, но не имеющих процессуального статуса. Действующее уголовное законодательство не позволяет привлекать виновных лиц к ответственности в случае применения незаконного воздействия в отношении лиц с неформализованным в рамках уголовного судопроизводства процессуальным статусом. Аргументирован тезис о необходимости причисления указанных лиц к разряду потерпевших от принуждения к даче показаний. Отмечается рассогласованность терминологии уголовного и уголовно-процессуального законов, дисбаланс в установлении ответственности по общей и специальной нормам. Консеквенцией предпринятого исследования выступают предложения о совершенствовании юридико-технического состояния действующей редакции ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации в части уточнения круга потерпевших, а также о пересмотре наказуемости данного деяния по сравнению с общей нормой.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, потерпевший, участник уголовного судопроизводства, правосудие, подозреваемый, процессуальный статус, гарантии, уголовная ответственность очевидец свидетель

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асеев А. Ю., Чекмезова Е. И. К вопросу о расширении круга потерпевших от принуждения к даче показаний // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 372–385. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-372-385>. EDN: <https://elibrary.ru/ksuekt>

Original scientific article

On Expanding the Range of Victims of Coercion To Testify

A. Yu. Aseev

Omsk Law College, Omsk, Russian Federation

✉ a.andrei1999@yandex.ru

E. I. Chekmezova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ e555@list.ru

Abstract. Building a state governed by the rule of law involves improving the mechanism for combating encroachments on justice ensuring observance of human and civil rights and freedoms. In changing criminology realities, in the focus of discussion are the ways to increase the effectiveness of guarantees aimed to observe the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings, also with the help of criminal legal means. The paper presents the criminal law analysis of the signs of a victim of coercion to testify (Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation). The subject of the study is the set of definitions used by the legislator to describe the signs of a victim of coercion to testify, as well as the provisions of criminal procedure legislation regulating the legal status of participants in criminal proceedings protected by the norm under consideration. The analysis of the stated problems is based on the legal views of the highest judicial authorities, with regard to historical, legal and doctrinal aspects. An interdisciplinary approach made it possible to identify the peculiarities of the legal status of persons classified by the legislator as victims of coercion to testify. The paper analyzes the legal status of the person whose criminal case was severed from the rest as a result of a plea bargain with him, as well as the person against whom proceedings to take compulsory measures of medical nature are conducted. The study focuses on the applicant, the eyewitness, the victim of the crime and parties of no procedural status but possessing important criminal information. The current criminal legislation does not provide for bringing the offenders to justice in case of undue influence against parties with an informal procedural status in the course of criminal proceedings. The paper substantiates the need to classify these parties as victims of coercion to testify. There is a discrepancy in the terminology of criminal and criminal procedure laws, and imbalance in providing punishment according to general and special rules. The undertaken research proposes to improve the legal and clerical condition of the current version of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of clarifying the range of victims, and to review the penalty with regard to the general rule.

Keywords: coercion to testify, victim, party of criminal proceedings, justice, suspect, procedural status, guarantees, criminal liability, witness, eyewitness

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Aseev A. Yu., Chekmezova E. I. On Expanding the Range of Victims of Coercion To Testify. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):372-385. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-372-385>. EDN: <https://elibrary.ru/ksuekt> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Не без сожаления приходится констатировать, что применение незаконных способов воздействия на участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, со стороны субъектов правоприменения не только имеет место в следственной практике, но и является востребованным. В Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» отмечается: «Ежегодно в ходе расследования уголовных дел к участникам уголовного судопроизводства, выступающим в качестве потерпевших и свидетелей, применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве... Количество выявленных преступлений, связанных с угрозой защищаемым лицам, ежегодно возрастает»¹. Неизжитость этого негативного явления побуждает законодателя переосмысливать вектор противодействия посягательствам на правосудие, повышая степень защищенности граждан от произвола властных субъектов.

Одной из специальных норм гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), призванной гарантировать безопасность участников уголовного судопроизводства, выступает ст. 302, устанавливающая ответственность за принуждение к даче показаний. Как отмечает Л. В. Лобанова, «острие нормы, содержащейся в ст. 302 УК, направлено на защиту общественных отношений, обеспечивающих такой порядок получения доказательственной информации, который исключает незаконное воз-

действие на лиц, являющихся ее носителями» [1, с. 109].

Круг носителей данной информации, т. е. потерпевших от преступления, нормативно очерчен ч. 1 ст. 302 УК РФ, и расширительному толкованию не подлежит: к ним относятся подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, потерпевший или свидетель, а также эксперт, специалист.

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Буквальное толкование диспозиции исследуемой нормы позволяет констатировать, что потерпевший от данного преступления должен обладать определенным процессуальным статусом и выступать в качестве участника уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу либо со стороны обвинения (потерпевший), либо со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный), либо относиться к иным участникам уголовного судопроизводства (свидетель, эксперт, специалист).

Несколько расширяет пределы действия ст. 302 УК РФ разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащееся в п. 9 постановления от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»: «При совершении деяния, предусмотренного статьей 302 УК РФ, насилие, издевательства или пытка, а равно угроза их применения могут осуществляться как в отношении самого подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта или специалиста, так и в отношении их близких с целью принуждения указанных участников уголовного

¹ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 6 сент. 2023 г. № 1454-47. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

судопроизводства к даче показаний или заключения»².

На необходимость обеспечения уголовно-правовой охраны близких потерпевшего от принуждения к даче показаний лиц в юридической литературе обращалось внимание давно и неоднократно, что представляется нам вполне социально обусловленным, однако следование принципу законности обязывает закреплять признаки уголовно-наказуемых деяний непосредственно в уголовном законе, в связи с чем указание на близких потерпевшему лиц требует отражения в диспозиции ст. 302 УК РФ.

Из анализа взаимосвязанных предписаний ст. 302 УК РФ и положений уголовно-процессуального закона следует, что указанные в диспозиции ст. 302 УК РФ в качестве потерпевших участники уголовного судопроизводства приобретают процессуальный статус только после возбуждения уголовного дела на основании процессуального решения лица, осуществляющего предварительное расследование по данному уголовному делу.

Исключение составляют эксперт и специалист. Согласно ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе проводить отдельные следственные действия, в том числе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специали-

стов. Изложенное свидетельствует о том, что возможность незаконного принуждения специалиста или эксперта к даче заключения (показаний) в настоящее время может иметь место и до возбуждения уголовного дела.

Отметим, что А. В. Яшиным высказано предложение по оптимизации рассматриваемой нормы за счет исключения из ее диспозиции указания на принуждение к даче показаний (заключения) эксперта и специалиста. Аргументируется данное предложение тем, что «согласно ч. 2 ст. 199 УПК РФ, “руководитель экспертного учреждения после получения постановления о назначении экспертизы поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя”. Специалист также вызывается через администрацию организации, в которой он работает. В связи с данным обстоятельством следователь или дознаватель не могут самостоятельно принудить каких-либо лиц к участию в уголовном судопроизводстве в качестве эксперта или специалиста» [2, с. 57].

На наш взгляд, рассматриваемое предложение является поспешным, поскольку, несмотря на процессуальный порядок привлечения эксперта (специалиста) к участию в уголовном судопроизводстве, нельзя исключать возможность незаконного воздействия на указанных лиц в рамках осуществления ими соответствующего следственного или процессуального действия, а также в процессе дачи указанными лицами показаний.

Подозреваемым, в силу положений ч. 1 ст. 46 УПК РФ, признается лицо: в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, установленном гл. 20 УПК РФ, либо которое

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

задержано в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223¹ УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемый – это лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, либо обвинительный акт, либо составлено обвинительное постановление.

Однако недопустимость игнорирования фактического положения лица, вовлекаемого в уголовный процесс, была сформулирована в широко известном постановлении Конституционного Суда РФ по делу В. И. Маслова: «Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия “задержанный”, “обвиняемый”, “предъявление обвинения” должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетель-

ствующими о наличии подозрений против него»³.

Отметим попутно, что необходимость учета специфики правового положения лица без формализованного статуса, в отношении которого проводится проверка на предмет его причастности к преступлению, на протяжении десятилетий порождает дискуссии среди ученых-процессуалистов о надобности введения в УПК РФ такого автономного участника уголовного судопроизводства, как «заподозренный», «преследуемый», «потенциально подозреваемый» и пр. УПК РФ подобной терминологии не содержит, оперируя, однако такими терминами, как «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «участники проверки сообщения о преступлении» (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ), подразумевая, в том числе, лиц, в отношении которых потенциально возможно уголовное преследование.

Ю. В. Деришев и Е. И. Земляничин, аргументируя позицию о целесообразности расширения процессуального статуса подозреваемого также на лицо, в отношении которого осуществляется предварительная проверка, указывают на схожесть по содержанию процессуального положения данных лиц, отмечая, что «и на этапе подозрения, и на стадии проведения проверки в отношении лица еще отсутствуют достаточные данные, позволяющие сделать вывод о совершении лицом преступного деяния (читай: предъявить обвинение), т. е. имеются лишь предположения о возможной причастности лица к совершенному преступлению» [3, с. 99–100].

Учитывая правовую позицию Конституционного Суда России по данному вопросу, полагаем, следует согласиться

³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с А. Н. Поповым, предлагающим дополнить перечень лиц, находящихся под уголовно-правовой охраной ст. 302 УК РФ, подозреваемым⁴.

Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Вместе с тем формальное признание лица потерпевшим не является существенной характеристикой статуса названного участника уголовного судопроизводства, выступающей той реперной точкой, обуславливающей необходимость охраны его прав и законных интересов в сфере отправления правосудия.

Как явствует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им,

поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав»⁵. Аналогичную позицию занимает и Пленум Верховного Суда России, указывая в п. 3 постановления от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» следующее: «Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»⁶.

Таким образом, анализ приведенных правовых позиций, сформулированных высшими судами, позволяет заключить, что при определении правового статуса такого участника, как потерпевший в уголовно-процессуальном смысле, необходимо руководствоваться в первую очередь фактом причинения вреда данному лицу независимо от формализации соответствующего статуса со стороны лица, осуществляющего предварительное расследование. Сообразно этому и должен определяться момент начала правовой охраны прав и законных интересов потерпевшего уголовно-правовыми средствами, в частности ст. 302 УК РФ.

⁴ Попов Н. А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 67.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**ИНЫЕ УЧАСТНИКИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ
К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ**

Отметим, что к числу потерпевших не отнесено законодателем лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которое вместе с тем отнесено уголовно-процессуальным законом к иным участникам уголовного судопроизводства. Вызов и допрос данного лица подчинен общим правилам о производстве допроса (ч. 4 ст. 56¹ УПК РФ), а само лицо наделяется правами свидетеля (ч. 2 ст. 56¹ УПК РФ).

Характеризуя процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, Конституционный Суд России указал следующее: «Такое лицо в силу особенностей своего правового положения в уголовном процессе не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу»⁷.

Следовательно, процессуальный статус названного лица не может полноценно отождествляться со статусом свидетеля или подозреваемого (обвиняемого), а его показания, с учетом особого статуса,

по своей правовой природе не могут относиться ни к показаниям свидетеля, ни к показаниям подозреваемого (обвиняемого).

Нет указания в диспозиции ст. 302 УК РФ и на лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, которое в силу положений ч. 1 ст. 437 УПК РФ вправе лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст.ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему их осуществлять. Таким образом, указанное лицо в определенной ситуации вправе лично реализовывать права подозреваемого (обвиняемого), в том числе право на дачу показаний, что согласуется с правовой позицией, изложенной Конституционным Судом России в постановлении от 20 ноября 2007 г. № 13-П: «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Поэтому такому лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, процессуальные права»⁸.

Полагаем, что уравнивание указанной категории лиц в объеме процессуальных прав с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, требует и соразмерного обеспечения гарантий осуществления этих прав, в том числе, посредством единства уголовно-правового регулирования посягательств на них.

⁷ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части 2 статьи 278 и главы 40¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 нояб. 2007 г. № 13-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Некоторые авторы отмечают, что в число потерпевших от данного преступления необоснованно не входит переводчик⁹ [4, с. 103]. Вместе с тем принуждение переводчика к осуществлению неправильного перевода наказуемо по ст. 309 УК РФ. Сравнение ст. 302 УК РФ и ст. 309 УК РФ позволяет прийти к следующим выводам:

а) принуждение переводчика к осуществлению неправильного перевода, предусмотренное ч. 2 ст. 309 УК РФ, наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. Данная санкция по лишению свободы аналогична санкции ч. 1 ст. 302 УК РФ;

б) применение насилия в рамках ч. 2 ст. 302 УК РФ наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет, тогда как, в ст. 309 УК РФ насилие дифференцируется на не опасное для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 309 УК РФ с наказанием в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишения свободы на тот же срок) и опасное для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 309 УК РФ с наказанием в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет);

в) такие квалифицирующие признаки, как применение пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ), а также совершение деяния, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 4 ст. 302 УК РФ), в ст. 309 УК РФ не закреплены.

Разделяя мнение сторонников необходимости включения в перечень потерпев-

ших от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, переводчика, отметим, что соответствующее законодательное решение позволяет повысить степень защищенности указанного участника уголовного судопроизводства, а также соблюсти принцип необходимости унификации смежных уголовно-правовых норм.

В юридической литературе высказано мнение о необходимости расширения перечня потерпевших за счет включения в него таких участников уголовного судопроизводства, как частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также представитель потерпевшего. Обосновывается указанная позиция тем, что «показания названных участников уголовного судопроизводства имеют значение (иногда существенное) для рассмотрения уголовного дела по существу и принятия по нему решения. При этом указанные участники уголовного судопроизводства не являются свидетелями, поскольку имеют личный интерес в разрешении уголовного дела» [5, с. 201].

Обращает на себя внимание и отсутствие в числе потерпевших от незаконного воздействия фигуры подсудимого, которым согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ, является обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, тогда как осужденный и оправданный в диспозиции упоминаются.

В разное время с предложением о расширении пределов действия ст. 302 УК РФ путем дополнения текста ее диспозиции указанием на подсудимого в качестве потерпевшего от данного деяния выступали И. Ю. Бунева¹⁰, М. В. Рудов¹¹.

Данная позиция критикуется, в частности, И. А. Гааг, которая, соглашаясь

⁹ Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 26 с.

с необходимостью защиты средствами уголовно-правового характера прав и интересов подсудимого, осужденного, оправданного, отмечает, что «вместе с тем нет необходимости расширять перечень потерпевших, указанных в ст. 302 УК РФ, путем указания на подсудимого, осужденного и оправданного, поскольку, как было указано ранее со ссылкой на ч. 2 ст. 47 УПК РФ, это различные наименования обвиняемого, а обвиняемый указан в ст. 302 УК РФ» [5, с. 202].

На нецелесообразность модификации диспозиции ст. 302 УК РФ в рассматриваемом контексте указывалось в заключении правового управления Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым предлагалось дополнить перечень лиц, принуждаемых к даче показаний, осужденным и оправданным: «В соответствии с частью второй статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации... осужденным именуется обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, а оправданным — обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор.

Кроме того, показания — это сведения, сообщенные на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде, и только такими участниками уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, эксперт и специалист, о чем свидетельствуют положения пунктов 1–3¹ части второй статьи 74, статей 76–80 УПК РФ, допускающие в качестве доказательств по уголовному делу

показания только указанных участников уголовного судопроизводства.

В дальнейшем, по окончании уголовного судопроизводства, осужденный и оправданный могут при необходимости привлекаться к участию в следственных действиях или в судебном разбирательстве (например, по другому уголовному делу), однако участвуют в таких следственных действиях или в судебном разбирательстве в процессуальном статусе соответственно свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а не осужденного или оправданного (см., в частности, части первую и вторую статьи 77¹ Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации)¹². Отметим, что указанное законодательное решение критикуется и в новейшей юридической литературе по исследуемой проблематике [6, с. 279].

На наш взгляд, споры о количестве участников уголовного судопроизводства, поименованных в диспозиции ст. 302 УК РФ и отнесенных тем самым к числу потерпевших, порождены во многом неудачно избранным способом законодательной техники. Полагаем возможным согласиться с мнением И. В. Дворянкова, предлагающего заменить перечень потерпевших от принуждения к даче показаний термином «допрашиваемый»¹³, что позволит уравнивать гарантии обеспечения прав лиц, в отношении которых производится данное следственное действие. Кроме того, предлагаемый вариант изложения диспозиции отчасти снимает проблему перегруженности текста нормы, затрудняющей восприятие ее смысла.

Ретроспективный анализ нормы, устанавливающей ответственность за принуждение к даче показаний, позволяет заключить, что ни УК РСФСР 1922 г.,

¹² Заключение по проекту федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (второе чтение) // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8> (дата обращения: 01.04.2024).

¹³ Дворянков И. В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. С. 12.

ни УК РСФСР 1926 г., ни УК РСФСР 1960 г., в диспозициях соответствующих норм описания признаков потерпевшего не содержали. Мнение о целесообразности возвращения к формулировке ст. 179 УК РСФСР 1960 г., не определяющей круг потерпевших от принуждения к даче показаний, высказано А. С. Гореликом и Л. В. Лобановой, отмечающим, что «ответственность за такие действия не должна зависеть от процессуального положения потерпевшего, которое нередко определяется по усмотрению сотрудников правоохранительных органов с учетом составленных ими процессуальных документов» [7, с. 366].

Лица с НЕФОРМАЛИЗОВАННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ КАК ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

К наиболее дискуссионным, как представляется, относится вопрос о возможности распространения пределов действия ст. 302 УК РФ на охрану лиц, не отнесенных процессуальным законом к числу участников уголовного судопроизводства, чей статус не опосредован процессуальным оформлением.

В УПК РФ содержатся такие термины, как «очевидец» (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ) и «заявитель» (ст. 131 УПК РФ). Отметим, что очевидец и заявитель наряду с иными непоименованными в УПК РФ лицами отнесены законодательством РФ к защищаемым лицам. Так, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных

лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления¹⁴.

Получение информации от таких лиц в стадии возбуждения уголовного дела в рамках проведения проверки, повсеместно встречается в следственной практике. По данным некоторых исследователей, объяснения от лиц, предполагаемо осведомленных об обстоятельствах совершения преступления, в том числе заявителей, были получены в 89,2 % случаев проведения проверки на стадии возбуждения уголовного дела [8, с. 22].

Анализируя статус таких лиц, как жертва преступления и очевидец, А. В. Яшин не усматривает оснований для усиления уровня их защиты по причине нахождения данных лиц за границами уголовного процесса, поскольку «начальным правовым пределом в данном случае является возбуждение уголовного дела. Только с этого момента государственные органы и лица начинают вступать между собой в процессуальные отношения, то есть начинается сфера уголовного судопроизводства. Жертва и очевидец преступления, которые дали объяснение по поводу совершенного деяния, еще не обладают процессуальными правами и не несут процессуальных обязанностей, следовательно, ничем не отличаются от обычных граждан» [9, с. 11].

По нашему мнению, необходимость отнесения указанных лиц к разряду потерпевших в рамках ст. 302 УК РФ обусловлена следующими факторами:

а) обладание ими информацией, являющейся релевантной для принятия решения о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела;

б) возможность последующего использования предоставленной ими информации в качестве доказательств по уголовному делу при условии соблюдения требований норм, определяющих порядок

¹⁴ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

собираения, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве;

в) возможность осуществления в отношении этих лиц различного спектра действий (следственных, оперативно-разыскных и прочих процессуальных и непроцессуальных действий);

г) недостаточность регулирования процессуальным законом правового положения названных лиц, либо и вовсе отсутствие такового нередко выступает одной из причин «формального отношения практических работников к обеспечению прав личности в стадии возбуждения уголовного дела»¹⁵.

Высказанное в юридической литературе правило квалификации действий виновного в случае незаконного воздействия на лиц, статус которых процессуально не закреплён, базируется на правилах квалификации при конкуренции общей и специальной нормы и сводится к следующему: «если в качестве потерпевшего будет выступать лицо, не указанное в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ, то данный состав преступления будет отсутствовать. Но это не исключает квалификацию по соответствующей части ст. 286 УК РФ, если в качестве субъекта преступления выступало должностное лицо» [10, с. 24].

Подобным образом предлагается специалистами решать вопрос об уголовно-правовой оценке принуждения понятых или статистов к подтверждению ложной информации, содержащейся в протоколе соответствующего следственного действия¹⁶.

Действительно, логичность такого подхода через призму общей теории квалификации преступлений не вызывает сомнений, однако, сопоставительный анализ санкций названных статей приводит к следующим парадоксальным выводам:

а) если принуждаются к даче показаний (заклЮчения) перечисленные в диспозиции ст. 302 УК РФ лица путем угрозы (в частности, применением любого физического насилия) (ч. 1 ст. 302 УК РФ), то максимальная санкция – до трех лет лишения свободы, если же насилие применено (ч. 2 ст. 302 УК РФ) – размер наказания колеблется в диапазоне от двух до восьми лет;

б) если те же действия совершаются в отношении лиц, не указанных в ст. 302 УК РФ, то они подлежат квалификации по ч. 3 ст. 286 УК РФ и наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет;

в) при этом применение пытки в обоих случаях наказывается одинаково: лишением свободы на срок от четырех до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет (ч. 3 ст. 302 УК РФ и ч. 4 ст. 286 УК РФ), сказанное относится и к случаям, если содеянное повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 4 ст. 302 УК РФ и ч. 5 ст. 286 УК РФ).

Почему же в рамках ст. 302 УК РФ угроза применения насилия и ее реализация наказываются по разным частям, а в рамках ст. 286 УК РФ – нет, в то время как иные сходные квалифицирующие признаки увеличивают размер ответственности одинаково? Ввиду чего санкция по общей норме в одном случае оказывается строже санкции по норме специальной, а в другом они унифицированы? Является ли уголовно-значимым факт осознания

¹⁵ Марфицин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 11.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков [и др.]. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 498.

сотрудником правоохранительных органов процессуального статуса принуждаемого к даче показаний или сообщению информации лица и должно ли это влиять на размер наказания?

Думается, такой подход законодателя к уголовно-правовому измерению общественной опасности рассматриваемых преступлений, воплощенный в наказуемости оных, не учитывает значимости общественных отношений в сфере отправления правосудия как объекта уголовно-правовой охраны, а также не соответствует принципам конструирования специальных норм, ведь, как справедливо отмечал академик В. Н. Кудрявцев, «существование специальной нормы наряду с общей нормой тогда имеет практический смысл, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)» [11, с. 248–249].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное выше убеждает нас в целесообразности следующих предложений, направленных на усиление специализации уголовно-правовой регламентации ответственности за принуждение к даче показаний в части усиления обеспечения охраны лиц, претерпевающих незаконное воздействие в процессе получения от них информации, имеющей доказательственное значение:

а) во-первых, представляется целесообразным отказаться от использования

в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ перечневого способа изложения признаков потерпевшего, а также расширить пределы ее действия на лиц с процессуально не оформленным статусом и переводчика, а также близких потерпевшему лиц, с сохранением при этом ответственности за принуждение эксперта (специалиста) к даче заключения, изложив в следующей редакции: *«Принуждение допрашиваемого лица к даче показаний или иного лица к предоставлению сведений, имеющих значение для уголовного дела, либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний, переводчика к осуществлению неправильного перевода, а также их близких путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа – наказывается...»;*

б) во-вторых, необходимо пересмотреть санкции за преступления, предусмотренные ст. 302 УК РФ и ст. 286 УК РФ в направлении усиления ответственности за принуждение к даче показаний, что позволит отразить различную общественную опасность данных деяний и устранить дисбаланс в установлении ответственности за их совершение, повысив предупредительный потенциал ст. 302 УК РФ.

Список литературы

1. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград : Изд-во Волгоградского ун-та, 1999. 268 с.
2. Яшин А. В. Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3 (35). С. 55–63.
3. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 95–100.
4. Байсалуева Э. Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование : моногр. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 148 с.

5. Гаг И. А. Некоторые проблемы диспозиции принуждения к даче показаний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-2 (64). С. 201–204.
6. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : моногр. / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Д. А. Ковлагина, Р. А. Комягин ; под ред. д. ю. н., проф., заслуж. юриста РФ Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2023. 560 с.
7. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
8. Яшин В. Н., Аксенов В. В. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Следователь. 2004. № 1. С. 22–24.
9. Яшин А. В. Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения : моногр. / под ред. д. ю. н., проф. А. Н. Варыгина. М. : Академия естествознания, 2016. 238 с.
10. Кудрявцев В. Л. Принуждение к даче показаний (состав преступления) как обстоятельство, исключающее допустимость доказательства (вопросы теории и практики) : моногр. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. 84 с.
11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1972. 352 с.

References

1. Lobanova L. V. *Crimes Against Justice: Theoretical Problems of Classification and Legislative Regulation*. Volgograd: Volgograd University Publ.; 1999. 268 p. (In Russ.)
2. Yashin A. V. Problems of Preventing Crimes Against Participants of Criminal Proceedings by Criminal Deterrence. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2015;3:55-63. (In Russ.)
3. Derishev Yu. V., Zemlyanitsin E. I. Procedural Status of the Person Against Whom a Preliminary Verification of Reporting a Crime Is Conducted. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;3:95-100. (In Russ.)
4. Baisalueva E. F. *Crimes Against Justice Committed By Parties Conducting a Preliminary Investigation*. Tyumen: Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia Publ.; 2018. 148 p. (In Russ.)
5. Gaag I. A. Some Problems of the Disposition of Testimonial Compulsion. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;4-2:201-204. (In Russ.)
6. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kovlagina D. A., Komyagin R. A. *Crimes Against Justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation)*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2023. 560 p. (In Russ.)
7. Gorelik A. S., Lobanova L. V. *Crimes Against Justice*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 491 p. (In Russ.)
8. Yashin V. N., Aksenov V. V. The Issues of Opening a Criminal Case Under the New Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Investigator*. 2004;1:22-24. (In Russ.)
9. Yashin A. V. *Criminological Features of Crimes Against Parties of Criminal Proceedings and the Basic Rules of Their Prevention*. Moscow: Academy of Natural History Publ.; 2016. 238 p. (In Russ.)
10. Kudryavtsev V. L. *Coercion To Testify (Corpus Delicti) as a Circumstance Excluding the Admissibility of Evidence (Issues of Theory and Practice)*. St. Petersburg: St. Petersburg institute (branch) of the ARSUJ Publ.; 2018. 84 p. (In Russ.)
11. Kudryavtsev V. N. *The General Theory of Crime Classification*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1972. 352 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Юрьевич Асеев, преподаватель Омского юридического колледжа (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3339-3272>; e-mail: a.andrei1999@yandex.ru;

Елена Ивановна Чекмезова, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россий-

ABOUT THE AUTHORS

Andrey Y. Aseev, Lecturer at the Omsk Law College (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3339-3272>; e-mail: a.andrei1999@yandex.ru;

Elena I. Chekmezova, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences,

ская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6060-4517>; e-mail: e555@list.ru

Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6060-4517>; e-mail: e555@list.ru

Поступила | Received
11.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.05.2024

Принята к публикации | Accepted
29.05.2024

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-386-404

EDN: KVIKIC

Оригинальная научная статья

Недостатки предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года

Н. П. Бухарина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

✉ buharina.np@yandex.ru

Аннотация. Изучению недостатков предварительного следствия посвящен значительный массив научной литературы. Однако ретроспективные аспекты этой проблемы остаются недостаточно исследованными. В настоящее время отсутствуют работы, в которых комплексно освещены недостатки дореволюционного предварительного следствия. Статья посвящена изучению понятия и видов недостатков предварительного следствия, нашедших отражение в трудах отечественных процессуалистов второй половины XIX – начала XX в. Автор выдвигает гипотезу, что к началу XX в. в доктрине сложилось понимание недостатков предварительного следствия как относительно массового явления, сущность которого заключалась в нарушении требований и процедур производства предварительного следствия. Автором используются следующие методы: историко-правовой, статистический и метод системного анализа. Применение историко-правового метода позволило на основе анализа положений доктрины, Устава уголовного судопроизводства 1864 г., судебной практики в динамике проследить становление научного понимания недостатков предварительного следствия. В дополнение к историко-правовому методу автором использован метод системного анализа. С его помощью рассмотрены недостатки предварительного следствия в их взаимосвязи с основными стадиями и институтами дореволюционного уголовного процесса. Обращение к статистическим методам способствовало раскрытию структуры и выявлению динамики недостатков предварительного следствия за период с 1874 г. по 1914 г. Автором были достигнуты следующие результаты: сформулирован вывод о том, что содержание понятия «недостатки предварительного следствия» раскрывалось через характеристику типичных нарушений, совершаемых при производстве предварительного следствия; выявлены такие признаки недостатков предварительного следствия, как существенность допущенных нарушений; неправомерный характер действий судебного следователя; наличие определенных процессуальных и социальных последствий. Сделан вывод, что истоки современного понимания следственных ошибок целесообразно искать в положениях дореволюционной доктрины; раскрыта структура недостатков предварительного следствия, в которую входили неполнота предварительного следствия и его односторонность, медлительность производства по делу, нарушение форм и обрядов предварительного следствия, а также неправильная юридическая квалификация преступного деяния; определено, что наибольший удельный вес в структуре недостатков занимала неполнота предварительного следствия; за период с 1874 г. по 1914 г. выявлена тенденция к увеличению количества допущенных на этапе предварительного следствия ошибок.

Ключевые слова: следственные ошибки, прокурорский надзор, судебный контроль, предварительное следствие, уголовно-процессуальный закон, Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бухарина Н. П. Недостатки предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 386–404. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-386-404>. EDN: <https://elibrary.ru/kvikic>

Original scientific article

Shortcomings of the Preliminary Investigation Under the Statute of Criminal Procedure of 1864

N. P. Bukharina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ buharina.np@yandex.ru

Abstract. A significant body of scholarly literature examines the shortcomings of the preliminary investigation. However, the historical aspects of this problem have not been thoroughly investigated. Currently, there is a lack of papers giving the comprehensive analysis of the shortcomings of preliminary investigation before the revolution. The paper examines the concept and types of shortcomings of the preliminary investigation mentioned in the works of Russian processualists of the second half of the 19th and early 20th century. The Author hypothesizes that by the beginning of the twentieth century, the doctrine prescribed that the shortcomings of the preliminary investigation as a relatively mass phenomenon, the essence of which was a violation of the requirements and procedures of the preliminary investigation. The Author uses historical and legal, statistical methods, a system analysis. The historical and legal methods enabled the Author through the analysis of the provisions of the doctrine, the Statute of Criminal Proceedings of 1864, and the changing judicial practice, to retrospectively trace academic approaches to the shortcomings of preliminary investigation. In addition to the historical and legal methods, the Author uses the method of system analysis. This analysis helps to examine the shortcomings of preliminary investigation in their connection with the main stages and institutions of the pre-revolutionary criminal procedures. The statistical methods helped to reveal the structure and identify the changes in the shortcomings of the preliminary investigation from 1874 to 1914. The Author has come to the following conclusions: the content of the concept of "shortcomings of the preliminary investigation" was revealed through characterizing typical violations committed during the preliminary investigation; such shortcomings of preliminary investigation as major violations committed; non-criminal actions of the court investigator; certain procedural and social consequences. The Author concludes that it is advisable to relate investigation mistakes of present time to the provisions of the pre-revolutionary doctrine. The paper reveals the structure of the shortcomings of preliminary investigation including the incompleteness of the preliminary investigation and its biased character, prolonged proceedings, violations of the forms and procedure of preliminary investigation, incorrect classification of crime. The Author proves that the greatest drawback in the structure of the preliminary investigation was incompleteness of the preliminary investigation. For the period from 1874 to 1914, a tendency of increasing the number of mistakes made at the stage of the preliminary investigation was revealed.

Keywords: investigation mistakes, procuracy supervision, judicial control, preliminary investigation, criminal procedure law, Statute of Criminal Proceedings of 1864

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Bukharina N. P. Shortcomings of the Preliminary Investigation Under the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):386-404. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-386-404>. EDN: <https://elibrary.ru/kvikic> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Н. Н. Розин еще в 1897 г. писал: «Трудно,

однако, ожидать, что человеческое правосудие когда-либо освободится от гнета человеческой слабости: errare humanum est» [1, с. 84]. Действительно, ошибки

в уголовном судопроизводстве существуют и в XXI в., а их научное осмысление не теряет актуальности.

Современная российская уголовно-процессуальная наука ведет отсчет изучения следственных ошибок с 80-х гг. XX в., методологические основы которого заложили труды ученых исследовательской группы ВНИИ Прокуратуры СССР, Куйбышевского и Калининградского государственных университетов под руководством профессора А. Д. Бойкова и А. Б. Соловьева, также доктора юридических наук С. А. Шейфера [2; 3]. До указанного периода изучение следственных ошибок не носило системного характера и было представлено единичными работами, раскрывающими те или иные аспекты недостатков советского предварительного следствия [4–6]. Признавая неопределимый вклад советских ученых в развитие научного знания о следственных ошибках, необходимо отметить, что в работах авторов указанного периода наследие дореволюционных процессуалистов по известным причинам не освещалось. Сложилась уникальная ситуация, при которой следственные ошибки, как научная категория, рассматривались изолированно от предшествующих форм своего развития вследствие чего нарушился основополагающий принцип научного познания — научная преемственность.

Обращение к современным исследованиям показывает, что труды классиков уголовного процесса также остаются практически не востребованными. Взгляды отдельных дореволюционных процессуалистов на природу и причины недостатков предварительного следствия как института уголовного процесса обзорно представлены в диссертационных

исследованиях Д. С. Сарычева, И. С. Фоминых¹. Однако работ, посвященных изучению понятия и видов недостатков дореволюционного предварительного следствия в современной научной литературе не представлено. Вместе с тем, этот вопрос имеет не только сугубо историческое, но и большое, по нашему мнению, теоретическое и практическое значение. В советской и современной уголовно-процессуальной и криминалистической литературе недостатки предварительного следствия и следственные ошибки достаточно исследованы. Тем не менее вопрос о генезисе данных понятий наукой не поднимался. Остается дискуссионной проблема соотношения следственной ошибки и недостатков предварительного следствия² [7, с. 9–34], истоки которой, по нашему мнению, лежат в дореволюционном периоде развития уголовно-процессуального законодательства.

С. А. Шейфер справедливо указывал, что проблема отсутствия единства в понимании следственных ошибок и их классификации накладывает отпечаток как на эффективность мер по устранению и профилактике этого негативного явления, так и на качество расследования в целом [8, с. 193]. Согласимся с мнением профессора С. А. Шейфера, что достижение указанного единства имеет важное практическое значение для повышения качества и эффективности следственной деятельности. Однако, по нашему мнению, его достижение невозможно без восполнения научного пробела в изучении недостатков дореволюционного предварительного следствия в их соотношении с современными видами следственных ошибок, что обуславливает практическую значимость настоящего исследования.

¹ См., напр.: Сарычев Д. С. Устранение судом первой инстанции недостатков предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 17 ; Фоминых И. С. Становление института предварительного следствия в России в 1860–64 годах (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 78–88.

² Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 25–27.

В юридической литературе конца XVIII в. – первой половины XIX в. разрабатывались преимущественно общие условия производства следствия и, в частности, требования, обуславливающие его законность³, что явилось предпосылкой к последующему изучению недостатков предварительного следствия. При этом исследования носили описательный и сугубо эмпирический характер, что не позволяет в полной мере выявить и дать научную оценку недостаткам, которые имели место в данный период.

60–70-е гг. XIX в. стали поворотными в истории развития и изучения отечественного предварительного следствия [9–11]. В науке все более отчетливо наметилась тенденция к переходу от описательной юриспруденции к формированию доктринальных основ, что обусловило выбор данного исторического периода в качестве отправной точки для настоящего исследования. В трудах Н. А. Буцковского, В. П. Даневского, М. В. Духовского, В. К. Случевского, И. Я. Фойницкого и других дореволюционных ученых и практиков поднимались не только общие проблемы досудебного производства по уголовным делам, но и вопросы, затрагивающие наиболее существенные недостатки предварительного следствия и их последствия.

В качестве рабочей гипотезы настоящего исследования выступило положение о том, что к началу XX в. дореволюционными процессуалистами достигнуто понимание недостатков предварительного следствия как относительно массового явления правовой действительности, сущ-

ность которого заключалась в нарушении судебными следователями тех или иных положений Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года (далее – УУС, Устав 1864 г.) и которое характеризуется определенными признаками.

Отметим, что разработка и принятие Устава 1864 г. не только реформировали дореволюционное предварительное следствие и суд, но и заложили фундамент современных институтов отечественного уголовного судопроизводства, в том числе института предварительного следствия, современных уголовно-процессуальных средств исправления следственных ошибок, в том числе посредством реализации механизмов судебного контроля и прокурорского надзора, а также создали условия для формирования терминологического аппарата уголовно-процессуальной науки. Это дает основание для изучения недостатков дореволюционного предварительного следствия в их соотношении с современными видами следственных ошибок для обеспечения преемственности научного знания.

Целью настоящего исследования является установление содержания понятия «недостатки предварительного следствия» и их основных видов, имевших место при производстве предварительного следствия на основании положений Устава 1864 г.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

– изучить труды дореволюционных процессуалистов второй половины XIX в. – начала XX в., проанализировать

³ См., напр.: *Горюшкин З. А.* Руководство к познанию российского законоискусства / сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным, [преподавателем сея науки в Императорском Московском университете и Благородном пансионе, при нем учрежденном] : в 4 переплетах. М. : Университетская тип., 1811. Переплет I. С. 1–2 ; *Неклюдов А.* Систематическое изложение законов о производстве следствий по 1831 год, составленное титулярным советником и кавалером Андрианом Неклюдовым. М. : Тип. Правительствующего сената, 1833. С. 10–11, 24–25 ; *Лукин В. В.* Опыт практического руководства к производству уголовных следствий и уголовного суда, по русским законам, составленный для следователей, судей и стряпчих Василием Лукиным. СПб. : Тип. Э. Праца, 1851. С. 123–124 ; *Колоколов Е. Ф.* Правила и формы для производства следствий, составленные коллежским советником Е. Колоколовым, по Своду законов издания 1857 года. М. : Университетская тип., 1859. С. 49–57.

положения Устава 1864 г., практику его применения, а также данные официальной статистики о результатах надзорной деятельности прокуратуры за соблюдением положений Устава 1864 г. при производстве предварительного следствия;

– проследить становление научного понимания недостатков предварительного следствия, выявить их соотношение со следственными ошибками;

– раскрыть структуру и динамику основных недостатков предварительного следствия за период с 1874 г. по 1914 г.⁴, сравнить выявленные показатели с данными современных исследований о состоянии следственных ошибок.

Решение поставленных задач предполагается осуществить при помощи таких методов научного исследования, как историко-правовой, статистический и метод системного анализа.

ОШИБКА vs НЕДОСТАТОК

Анализ показывает, что к середине XIX в. термин «ошибка» применительно к следственной деятельности еще не был введен в научный оборот. В работах дореволюционных процессуалистов для характеристики нарушений на этапе предварительного следствия наиболее часто использовалось понятие «недостаток», реже – «упущение», «пробел». В противовес недостаткам предварительного следствия неправильные выводы, содержа-

щиеся в решениях суда, либо нарушения при их вынесении именовались в научной литературе исключительно ошибками⁵. Представляется, что это не было случайным, а отражало особенности уголовно-процессуального познания в рассматриваемый период.

Видный деятель судебной реформы, сенатор Н. А. Буцковский писал, что «предварительное следствие, в результатах своих, воспроизводится при следствии судебном и как бы не существует для присяжных и судей...» [12, с. 41]. Автор подкреплял свои рассуждения выводом о том, что задачами предварительного следствия являлись исключительно «обнаружение преступления и собирание доказательств обвинения» [13, с. 27], напротив же задачами судебного следствия выступали «проверка, разбор и разъяснение собранных доказательств, раскрытие в собранных фактах истины» [13, с. 28]. Приведенная позиция позволяет сказать, что задачи, стоявшие на этапах предварительного и судебного следствия, обуславливали особенности результатов уголовно-процессуального познания. Если на предварительном следствии ставился вопрос о раскрытии и расследовании преступления и его результатом являлось установление обстоятельств произошедшего, в объеме, достаточном для дальнейшего судебного производства по делу, то судебное следствие было

⁴ Отметим, что согласно проекту судебной реформы введение Устава 1864 г. на территории Российской империи планировалось реализовать за 4 года. В действительности процесс завершился только к 1899 г. Это обусловило выбор хронологических рамок статистического исследования. Нижней хронологической рамкой является 1874 г., так как к этому времени Устав 1864 г. был введен на территории почти 54 губерний и областей, что позволит обеспечить валидность исследования. Верхней хронологической рамкой выступает 1914 г., которым завершилась эпоха судопроизводства довоенного времени, что обеспечит однородность и сопоставимость исследуемых объектов и явлений. Период Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций не включены в рамки настоящего исследования в связи с особенностями правового регулирования и отправления правосудия в военное и революционное время, а также изменениями территориального состава Российской империи.

⁵ См., напр.: Хрулев С. О вознаграждении лиц, понесших наказание по судебной ошибке // Юридический вестник. Издание Московского Юридического общества. 1888. Год 20. № 8. Книга 4 (август). С. 503–506; Кони А. Ф. Возобновление уголовных дел (практическая заметка) // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 10; Полянский Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1911. С. 182; Пусторослев П. П. Русское уголовно-судебное право. 2-е изд. испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1914. Вып. I. С. 239–270 ; и др.

призвано установить истину по делу и гарантировать принятие судебного решения, соответствовавшего требованиям Устава 1864 г. Отметим, что процесс достижения результатов уголовно-процессуального познания строился на разнополярных началах: если в основе судебного следствия лежали принципы устности, гласности, состязательности сторон, гарантий подсудимого на защиту и свободной оценки доказательств по делу, то предварительное следствие оставалось по своей природе розыскным.

Как указывал Н. А. Буцковский, не всякие нарушения порядка и упущения следствия способны повлиять на правильность приговора, а лишь те, которые имеют существенное значение и невосполнимы в судебном следствии [12, с. 41–42]. Развивая высказанную в 60-е гг. XIX в. Н. А. Буцковским мысль, Я. К. Городынский отмечал, что «ошибки и отступления от закона, допущенные низшею инстанцией, покрываются производством в высших инстанциях... поэтому, раз при производстве в окружном суде или в судебной палате соблюдены все установленные законом требования судопроизводства, формальности предварительного следствия теряют значение» [14, с. 75]. Близка к вышеизложенной и позиция профессора В. К. Случевского. «На предварительном следствии, – обращал внимание автор, – нет надобности стремиться к такой полноте исследования, потому что за ним следует судебное следствие, на котором многие из пробелов следствия предварительного могут быть пополнены...»⁶.

Ключевым в рассмотренных позициях дореволюционных ученых является признание потенциальной возможности восполнения пробелов в процессе уголов-

но-процессуального познания на этапе судебного следствия.

Обращение к положениям Устава 1864 г. показывает, что возможность восполнения пробелов была заложена нормами, регламентировавшими требования к содержанию обвинительного акта и порядку исследования изложенных в нем обстоятельств дела в ходе судебного следствия.

В отличие от современного обвинительного заключения дореволюционный процессуальный документ, по меткому выражению Н. А. Буцковского, представлял собой исключительно программу судопроизводства в суде первой инстанции [15, с. 426]. Так, например, пп. 1 и 2 ст. 520 УУС ограничивали изложение существенных обстоятельств дела указанием на событие, время и место совершенного преступного деяния. При этом в текст процессуального акта включались только признаки объективной стороны преступления, т. е. действия, движения лица, последствия преступления и др.⁷ Вывод о виновности обвиняемого находил свое отражение только в обвинительной речи прокурора (ст. 737 УУС), которая завершала судебное следствие.

Интересен также подход дореволюционного законодателя к изложению формулировки и формулы обвинения, которые в отличие от требований современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации могли ограничиться только указанием на род и (или) вид преступления [15, с. 421–423; 16, с. 355–356, 359–363] и подлежали конкретизации в ходе судебного следствия.

Обвинительный акт, таким образом, содержал скорее вероятностное, чем достоверное знание об обстоятельствах дела, которые согласно ст. 751 УУС

⁶ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 518.

⁷ Подробнее о формировании в отечественной доктрине уголовно-правовой конструкции состава преступления см.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1863. С. 91–93 ; Неклюдов Н. А. Уголовное право. Общая часть. СПб. : Тип. П. П. Меркульев, 1875. С. 22–24 ; Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 ч. М. : Юрайт, 2023. Ч. 1. С. 164 ; и др.

должны были дополняться, изменяться и развиваться в ходе судебного следствия. Вероятностный характер и некоторая неопределенность в формулировках, с одной стороны, могли быть источником судебной ошибки, а с другой, — выступали инструментом обеспечения состязательности сторон и предпосылкой для установления истины в процессе уголовно-процессуального познания.

Подводя итог, можно отметить, что в дореволюционной доктрине формально разграничивались понятия «недостаток» и «ошибка». В основе различий, по нашему мнению, лежала не только идея о потенциальной возможности восполнения во время судебного следствия обстоятельств, упущенных в ходе предварительного следствия, но и понимание этой стадии процесса как вспомогательного, промежуточного этапа уголовно-процессуального познания. Знание, полученное на этом этапе, подлежало проверке в рамках судебного следствия. Результатом последнего выступало установление истины, которую можно было открыть только в состязательном судебном процессе, но не на стадии предварительного следствия. Важно отметить, что по мере развития уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики процессуальное значение выводов, изложенных в актах предварительного следствия о доказанности обстоятельств дела, изменялось, что влекло за собой трансформацию содержания понятия «недостатки» и его постепенное сближение с понятием «ошибка».

В трудах дореволюционных авторов отсутствуют определения понятий «недостатки», «пробелы», «упущения» предварительного следствия. Руководствуясь принципом историзма, в настоящей ра-

боте мы откажемся от формулирования определения понятия «недостатки предварительного следствия», а установим его содержание через изучение типичных для конца XIX в. — начала XX в. видов таких недостатков.

В трудах отечественных процессуалистов недостатки предварительного следствия не были классифицированы. Однако из работ дореволюционных авторов можно почерпнуть знания об имевших место в следственной практике недостатках, вытекавших из нарушений тех или иных положений Устава 1864 г., которые своими последствиями для уголовного судопроизводства обратили на себя внимание исследователей. Важно подчеркнуть, что речь шла только о непроступном характере действий. Это следовало прежде всего из судебного толкования ошибки как неумышленного проступка, совершенного при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности⁸.

Выявленные дореволюционными учеными недостатки предварительного следствия объединены нами в три группы:

- 1) неполнота, медлительность и односторонность предварительного следствия;
- 2) нарушения форм и обрядов предварительного следствия;
- 3) неправильная юридическая квалификация преступного деяния.

Основанием такой классификации явились нормы Устава 1864 г., закреплявшие требования к качеству и эффективности предварительного следствия, несоблюдение которых способно было повлечь определенные негативные последствия не только для обвиняемого, но и для общества, а также для государства в целом. Кроме того, данная классификация позволит обеспечить сопоставимость результатов исследований дореволюционных авторов

⁸ Сборник решений Общего Собрания кассационных и первого с кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866–1896 г.), с прил. указ.: пост. и алф. по фамил. и разреш. вопр. / ред.: А. К. Гаугер. 3-е изд. неофиц., пересмотр. и испр. СПб. : Изд. юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1905. С. 637–638.

с научными разработками современных ученых, изучающих следственные ошибки [7, с. 40–41, 47–50; 17; 18, с. 21].

Некоторое представление о состоянии и динамике недостатков предварительного следствия, выявленных средствами прокурорского надзора, позволяет сформировать анализ статистических данных (рис.).

Расчет среднего количества возвращенных прокурором в порядке ст. 512 УУС уголовных дел за пятилетние периоды показал, что с 1874 г. по 1914 г. до 10 % оконченных производств содержали те или иные недостатки предварительного следствия, которые не позволили составить обвинительное заключение и (или) передать дело в суд для рассмотрения

Рис. Возвращение прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования за период с 1874 по 1914 гг. (% от оконченных производством дел)

Примечание. Составлено автором на основе материалов исследований Е. Н. Тарновского⁹, Всеподданнейших отчетов Министра юстиции¹⁰, Сборников статистических сведений Министерства юстиции¹¹)

⁹ *Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)* / сост. в Стат. отд-нии М-ва юстиции при ближайшем участии Е. Н. Тарновского. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899. С. 12.

¹⁰ *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1888–1889 годы*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1891. С. 76–78 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1890–1891 годы*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1893. С. 85–88 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1892 год*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1893. С. 71–74 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1897 год*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1898. С. 23–24 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1904 год*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1905. С. 29–30 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1905 год*. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1906. С. 40–41.

¹¹ *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1907. Вып. 21: За 1905 год. Ч. 1. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1907. Вып. 21: За 1905 год. Ч. 2. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1907. Вып. 22: За 1906 год. Ч. 1. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1907. Вып. 22: За 1906 год. Ч. 2. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1909. Вып. 23: За 1907 год. Ч. 1. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1909. Вып. 23: За 1907 год. Ч. 2. С. 139 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1910. Вып. 24: За 1908 год. Ч. 1. С. 135 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1910. Вып. 24: За 1908 год. Ч. 2. С. 41 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1911. Вып. 25: За 1909 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1912. Вып. 26: За 1910 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1912. Вып. 27: За 1911 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1913. Вып. 28: За 1912 год. С. 218–219 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1915. Вып. 29: За 1913 год. С. 218–219 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции*. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1916. Вып. 30: За 1914 год. С. 228–229.

по существу. Уровень данного показателя был стабильно высоким на протяжении исследованных 40 лет. На графике также прослеживается общая тенденция к увеличению количества выявленных недостатков, ставших основанием для возвращения дел судебным следователям для доследования. Таким образом, статистические показатели свидетельствуют об относительной массовости недостатков предварительного следствия и указывают на их системный характер. Рассмотрим структуру недостатков предварительного следствия.

Неполнота, медлительность и односторонность предварительного следствия

Анализ публикаций дореволюционных ученых показывает, что наиболее часто предметом изучения становились нарушения следователями требований ст.ст. 286, 512 УУС, положения которых закрепляли принцип полноты предварительного следствия.

Например, Н. А. Буцковский одним из основных недостатков предварительного следствия называл оставление «следователем каких-либо обстоятельств без исследования» [15, с. 45]. Автор при этом указывал, что такие обстоятельства должны иметь «существенное в деле значение» [15, с. 45–46]. Таким образом, ученый, описывая ситуацию, при которой оставались невыясненными обстоятельства, способные повлиять на правильность рассмотрения дела по существу, фактически подразумевал неполноту предварительного следствия.

Профессор А. П. Чебышев-Дмитриев рассматривал неполноту предварительного следствия в контексте ее влияния на обоснованность предания обвиняемо-

го суду, которое «...должно основываться на собранных в предварительном следствии доказательствах и уликах, а не на одном лишь предположении, что при судебном следствии известные обстоятельства, по всей вероятности, получают иной вид и послужат к улике обвиняемого» [19, с. 301–302]. Неполнота предварительного следствия, исходя из ее понимания А. П. Чебышевым-Дмитриевым, выступала источником ошибок на стадии предания суду в силу неисследованности обстоятельств, имеющих важное для дела значение.

Профессор М. В. Духовской справедливо отмечал, что на практике достаточно сложно определить, какое следствие является полным, а какое – нет. Ученый предлагал считать его полным, если «по каждому из затронутых в деле обстоятельств, имеющих существенное значение, сделано было исследование»¹². Близкой к вышеуказанной находится позиция профессора С. И. Викторского, согласно которой неполнота предварительного следствия «мешает составить правильное заключение о существе дела...»¹³, а также решить вопрос «...как о вине подсудимого, так и о степени его виновности»¹⁴.

Неполнота предварительного следствия, таким образом, являлась наиболее типичным недостатком, которое могло быть обнаружено не только на этапе окончания предварительного следствия, но и на стадии предания суду, а также на судебном следствии. Интересной в связи с этим представляется правовая позиция Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, согласно которой неполнота предварительного следствия не порождала отмену решения суда первой инстанции. В решениях кассационного департамента отмечалось, что

¹² Духовский М. В. Российский уголовный процесс : изд. для студентов. М. : Склад изд. в книж. магазине М. В. Клокина, 1910 (Тип. А. П. Поплавского). С. 294.

¹³ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М. : А. А. Карцев, 1912. С. 342.

¹⁴ Там же. С. 333.

нормы Устава 1864 г. гарантируют преодоление этого недостатка до вынесения судебного решения. Среди таких способов, в частности, назывались реализация права обвиняемого на дополнение следствия¹⁵, предусмотренное ст.ст. 476–477 УУС, а также обжалование неправомерных действий судебного следователя¹⁶, возможность которого вытекала из положений ст. 491 УУС.

Уже на предварительном следствии, отмечал юрист и общественный деятель Томской губернии Г. С. Томашинский, решаются вопросы «совершился ли факт и заключает ли он в себе признаки преступления и какого именно...» [20, с. 113], а также «возникает вопрос о виновности лица» [20, с. 113]. Автор указывал, что «большую частью выводы предварительного и судебного следствия совпадают настолько, что по первым можно судить об окончательном исходе дела» [20, с. 113]. Подчеркивая значение выводов и результатов предварительного следствия, Г. С. Томашинский называл недостатки следствия исключительно ошибками. К таким ошибкам автор, прежде всего, относил невосполнимые недостатки или пробелы. Наиболее существенное влияние на выводы суда, по мнению Г. С. Томашинского, оказывали «пробелы, касающиеся осмотра местности, следов преступления, свойств повреждений, положения найденного тела...» [20, с. 112–113], т. е. ошибки, связанные с собиранием доказательств.

П. Н. Обнинский называл в числе прочих недостатков предварительного следствия выяснение сугубо материальной стороны события, при котором субъектив-

ная сторона преступления не исследовалась, и не уделялось внимание «бытовым особенностям» преступного деяния [21, с. 63], что порождало неполноту и односторонность предварительного следствия.

Одним из основных последствий неполноты предварительного следствия ученые называли вынесение оправдательных приговоров. Профессор В. П. Даневский, например, отмечал, что в 70-х гг. XIX в. процент вынесенных обвинительных приговоров от общего количества уголовных дел, находившихся в производстве следователей, составлял только 25 % [22, с. 4]. Причиной этого автор называл неполноту и односторонность предварительного следствия [22, с. 4–5]. На неполноту выявления обстоятельств как причину окончания дела оправдательным приговором также указывали в своих работах Е. Н. Тарновский [23, с. 433] и Н. И. Харизоментов [24, с. 87–88].

Г. С. Томашинский одним из первых озвучил мысль, что следственные ошибки способны не только повлиять на достижение целей судопроизводства, но и невыгодно отразиться на интересах лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так как «...уже самый факт появления на скамье подсудимых, налагает пятно на личность, пятно иногда неизгладимое, колеблет общественное доверие к ней и отражается не только на моральной, но и на материальной жизни подсудимых» [20, с. 112].

Результаты проведенного исследования показали, что понятием неполнота предварительного следствия охватывался достаточно широкий перечень недостатков, в основе которых – оставление

¹⁵ *Решение* Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената по делу дворянина Данилова от 5 мая 1867 г. № 178 // Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1867 год. Екатеринослав : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 148–153 ; *Решение* Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената по делу крестьян Воробьевых, Романова, Гусева и рядового Рябинина от 9 августа 1867 г. № 324 // Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1867 год. Екатеринослав : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 290–292.

¹⁶ *Свод решений* кассационных департаментов Правительствующего сената и разъясненные ими законоположения : в 4 ч. 2-е изд. СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1869. Ч. 1. С. 380–381.

за рамками уголовно-процессуального познания обстоятельств, имеющих существенное для дела значение. Важно подчеркнуть, что в качестве последствий неполноты предварительного следствия указывались не только вынесение оправдательных приговоров, утрата доказательств, недостижение целей следствия и пр., но и социальные последствия в виде стигматизации личности.

Статьями 266 и 295 УУС закреплялись требования осуществлять предварительное следствие быстро, «со всевозможной скоростью», нарушение которых также являлось одним из распространенных недостатков. Однако необходимо отметить, что процессуальные сроки регулировались Уставом 1864 г. специфично. Сроки предварительного следствия, а также порядок их исчисления нормативно не были закреплены. Поэтому фактические сроки следствия вытекали из регламентированных Уставом 1864 г. требований ко вре-

мени, периоду или сроку производства конкретных следственных и иных процессуальных действий, а также принятию отдельных процессуальных решений. Так, согласно ст. 398 УУС, судебный следователь был обязан провести первоначальный допрос обвиняемого «немедленно и никак не позднее суток после явки или привода его». Выемка, к примеру, проводилась немедленно «при самом открытии сих вещей» (ст. 267 УУС) и т. д.

Доступные для изучения данные официальной статистики (табл.) показывают, что на практике сроки предварительного следствия исчислялись месяцами. Группировка по пятилетним периодам и приведение к единому основанию данных о сроках производства по уголовным делам позволили установить, что, например, за период с 1874 г. по 1878 г. на 100 производств в среднем 49,9 было окончено в срок до 1 месяца, за период с 1908 г. по 1912 г. данный показатель остался примерно

Таблица

Сроки предварительного следствия за период с 1874 г. по 1912 г. (расчет произведен на 100 окончанных производством дел)

Сроки производства по делу	Период					Сравнение показателей по годам	
	1874–78	1879–83	1884–88	1889–93	1908–12	1874	1914
менее 1 мес.	49,9	48,4	51,2	54,7	45,0	45,2	47,3
от 1 до 6 мес.	36,9	40,1	39,1	40,1	40,7	39,2	43,1
от 6 мес. до 12 мес.	6,8	7,5	6,0	4,1	8,7	7,8	7,6
более 12 мес.	6,4	4,0	3,7	1,1	5,5	8,4	1,9

Примечание. Составлено автором на основе материалов исследований Е. Н. Тарновского¹⁷, Всеподданнейших отчетов министра юстиции¹⁸, Сборников статистических сведений Министерства юстиции¹⁹).

¹⁷ *Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)* ... С. 13.

¹⁸ *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1888–1889 годы* ... С. 76–78 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1890–1891 годы* ... С. 85–88 ; *Всеподданнейший отчет Министра юстиции за 1892 год* ... С. 71–74.

¹⁹ *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 24: За 1908 год. Ч. 1. С. 135 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 24: За 1908 год. Ч. 2. С. 41 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 25: За 1909 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 26: За 1910 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 27: За 1911 год. С. 206–207 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 28: За 1912 год. С. 218–219 ; *Сборник статистических сведений Министерства юстиции* ... Вып. 30: За 1914 год. С. 228–229.

на том же уровне и составил 45 уголовных дел на 100 окончанных производств. Для сравнения нами приведены данные 1874 и 1914 гг., согласно которым сроки производства по делу за 40 лет сдвинулись в сторону незначительного увеличения количества окончанных в срок до 6 месяцев дел, а также снижения показателя окончания срока производства продолжительностью более 12 месяцев до уровня конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. В остальном за 40 лет показатели существенно не изменились. Из таблицы следует, что подавляющее большинство производств за период с 1874 г. по 1914 г. было окончено в срок до 6 месяцев.

Однако остается неизвестным распределение данной совокупности по основаниям окончания производств. Например, В. П. Даневский приводит данные о прекращении уголовных дел по состоянию на конец 70-х гг. и отмечает, что более 35 % дел были прекращены по ст. 277 УУС [22, с. 4]. Это свидетельствовало, по мнению ученого, о том, что «...следователи или работали над деяниями неприступными, или не могли отыскать достаточных улик против обвиняемых, ...или не в состоянии были напасть на следы какого бы то ни было определенного лица» [22, с. 4].

Е. Н. Тарновский отмечал, что по состоянию на конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в. подавляющее большинство дел, окончанных в срок до 6 месяцев, были направлены по подсудности в мировые установления либо окончены в связи с применением сторон²⁰. По данным, приведенным в исследовании Е. Н. Тарновского, наибольший удельный вес в структуре производств, окончанных в срок свыше 6 месяцев, составляли уголовные дела о должностных преступлениях, мошенни-

честве и подлоге, подделке монет и подлоге правительственных актов²¹. В отчетах Министерства Юстиции за данный период указывалось, что медлительность в предварительном производстве обуславливалась сложностью следственных действий, необходимостью сбора справок, а также розыском обвиняемых и важных свидетелей²².

В науке медлительность производства по делу выделяли в качестве одного из распространенных недостатков предварительного следствия такие авторы, как Я. К. Городынский [25, с. 75], А. А. Соколов [26, с. 27] и др. В связи с отсутствием нормативных оснований для оценки степени медлительности производства исследователи особое внимание уделяли негативным последствиям нарушения требований ст.ст. 266, 295 УУС. Так, например, А. А. Соколов, называя быстроту в производстве и расследовании *condicio sine qua non* успеха следователя, ключевым последствием нарушения этого требования считал недостижение целей предварительного следствия [26, с. 27–28].

Сенатор К. А. Мальчевский, к примеру, писал, что «от медленности в производстве предварительных следствий непосредственно происходит необнаружение обвиняемых, недостаток улик против виновных и оправдательные о них приговоры» [27, с. 39].

«Быстрота» предварительного следствия связывалась наукой и практикой с так называемым раскрытием и расследованием преступлений по горячим следам, необеспечение которого создавало угрозу недостижения целей уголовного судопроизводства. Вместе с тем производство предварительного следствия со всевозможной скоростью не могло быть организовано по всем видам расследуемых

²⁰ *Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)* ... С. 14–15.

²¹ Там же. С. 15.

²² *Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1888–1889 годы* ... С. 77 ; *Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1890–1891 годы* ... С. 87.

преступлений. Медлительность производства по делу, таким образом, была характерна для расследования наиболее сложных преступлений с высокой степенью латентности.

С. В. Познышев, напротив, полагал, что ключевыми требованиями к производству предварительного следствия являются не только полнота и быстрота, но и беспристрастность и всесторонность, вытекающие из законодательного требования установления следователем обстоятельств как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого (ст. 265 УУС)²³. При этом ученый ставил под сомнение целесообразность такого сосуществования в следственной деятельности. С учетом построения этой стадии на началах инквизиционного процесса основным недостаток предварительного следствия виделся автору в его односторонности²⁴. Профессор И. Я. Фойницкий в свое время основную причину недостатков предварительного следствия усматривал в правовой конструкции самого следственного производства, в принципах, на которых оно было построено, а точнее: в отсутствии состязательности на этом этапе производства по уголовному делу [28, с. 123–199], что и порождало, во многом, его односторонность.

Анализ показывает, что под односторонностью предварительного следствия дореволюционные процессуалисты понимали невыполнение либо ненадлежащее выполнение судебным следователем требований ст. 265 УУС, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности расследования. Последние, в свою очередь, выступали важным условием принятия решения о доказанности либо недоказанности обвинения и, в конечном счете, установления истины.

Таким образом, исследование трудов дореволюционных авторов в совокупно-

сти с анализом положений Устава 1864 г. и практики его применения показывает, что наиболее распространенными недостатками предварительного следствия являлись нарушения требований полноты (ст.ст. 286, 512 УУС), «всевозможной скорости» (ст.ст. 266, 295 УУС), а также всесторонности исследования обстоятельств дела (ст. 265 УУС), которые могут быть объединены в самостоятельный вид недостатков по признаку связи с процессом доказывания и способностью порождать широкий круг негативных последствий.

Обращаясь к результатам исследований советских и современных авторов, необходимо отметить, что сопоставимый с рассматриваемым вид следственных ошибок – односторонность, неполнота исследования обстоятельств дела – остается с дореволюционных времен наиболее массовым. Так, в 80-е гг. XX в. односторонность, неполнота исследования обстоятельств дела составляла 60,4 % в структуре следственных ошибок [29, с. 148], в 90-е гг. XX в. – 59,7 % [7, с. 48], в 2000-х – 57 % [7, с. 49]. Необходимо отметить, что, в общем и целом, современное содержание этого вида следственных ошибок с дореволюционных времен принципиально не изменилось.

НАРУШЕНИЯ ФОРМ И ОБЯДОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В отличие от недостатков в виде неполноты, медлительности и односторонности, нарушения форм и обрядов предварительного следствия или, выражаясь современным языком, нарушения уголовно-процессуального закона освещались в научной литературе значительно реже. Объяснением этому может служить их меньшая распространенность в следственной практике. Так, Я. К. Городыский, проанализировав материалы ревизии 1895 г., отмечал, что доля нарушений форм

²³ Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Г. А. Леман, 1913. С. 237–238.

²⁴ Там же. С. 238, 262.

и обрядов предварительного следствия в структуре выявляемых в ходе прокурорского надзора недостатков, по сравнению с неполнотой предварительного следствия, была незначительной [30, с. 29].

Н. А. Буцковский рассматривал нарушения форм и обрядов предварительного следствия в контексте их влияния на правильность рассмотрения дела по существу. Автор называл существенными только такие нарушения, «...когда следствие произведено лицом, не облеченным властью судебного следователя, или не имевшим в данном случае качеств беспристрастного следователя, или же когда порядок нарушен при собрании таких доказательств, которые не были или не могли быть воспроизведены при судебном следствии, как-то: при осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, или при отображении показаний от таких свидетелей, которые потом не были допрошены в суде» [15, с. 45].

Автор фундаментального труда «Практическое руководство для судебных следователей» А. А. Соколов, помимо медлительности производства по делу, также выделял процессуальные недостатки, основу которых составляло неправильное применение и толкование условий производства предварительного следствия [26, с. 27–28, 45]. К их числу автор относил ошибки при вынесении ряда процессуальных актов: постановлений о возбуждении уголовного преследования, о принятии дела к производству, о привлечении лица в качестве обвиняемого [26, с. 45–48], а также ошибки при направлении дела по последственности [26, с. 59–66] и пр.

Обращение к практике Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената позволяет заключить, что нарушения форм и обрядов предва-

рительного следствия признавались существенными и, соответственно, влекли отмену решения присяжных и приговора суда, если не были исправлены на судебном следствии, а также повлияли либо могли повлиять на вердикт присяжных²⁵. В дореволюционной судебной практике встречались такие примеры, как: «непредставление подсудимому сущности свидетельских показаний и несоставление в присутствии подсудимого постановления об окончании следствия» и др.²⁶ Подчеркнем, что позиция Уголовного кассационного департамента была продиктована тем, что выявление нарушений форм и обрядов предварительного следствия не только составляло предмет прокурорского надзора, но и являлось одним из обязательных требований процедуры предания суду судебной палатой (ст.ст. 531, 534 УУС).

Интересно, что дореволюционное уголовно-процессуальное законодательство допускало в некоторых случаях использование печатных бланков процессуальных документов для минимизации количества совершаемых ошибок. При этом применение печатных бланков в случаях, прямо не предусмотренных законом, не признавалось нарушением форм и обрядов предварительного следствия [31, с. 732].

Нарушения форм и обрядов предварительного следствия, в отличие от советского и современного периодов, были одними из наименее распространенных недостатков предварительного следствия. Ученые приводят следующие показатели: в 80-е гг. XX в. доля существенных нарушений уголовно-процессуального закона в структуре следственных ошибок составляла 25,5 % [29, с.148], в 90-е гг. XX в. – 17,3 % [7, с. 48], в 2000-х – 16,0 % [7, с. 49].

²⁵ Алфавитный указатель вопросов, разрешенных Уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего сената 1866–1880 / сост. Г. И. Трахтенберг. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1881. С. 532.

²⁶ Там же.

С содержательной стороны, также как и в современных исследованиях, нарушения форм и обрядов предварительного следствия должны были обладать признаком существенности, степень которой оценивалась исходя из возможности повлечь негативные процессуальные последствия: препятствование обоснованному преданию обвиняемого суду и вынесению законного судебного решения, вердикта присяжных.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Процессуальным актом, завершающим производство у судебного следователя, являлось постановление о заключении следствия [32, с. 66], содержание которого определялось пределами исследования фактических обстоятельств дела, достаточных для составления прокурором обвинительного акта и дальнейшего движения дела.

И. Я. Фойницкий писал, что предварительное следствие составляют действия, «...которыми выясняется преступное событие и вероятная виновность или невиновность лиц, на которые падает обвинение в его учинении, в видах решения вопроса о направлении дела в суд к окончательному разбирательству»²⁷.

Профессор В. К. Случевский первостепенное значение придавал установлению судебным следователем объективной стороны преступления посредством производства таких следственных действий, как: осмотр, обыск или выемка, по причине того, что их выполнение затруднительно или невозможно на судебном следствии²⁸.

Субъективная сторона, по мнению В. К. Случевского, могла быть охарак-

теризована только в основных чертах, обеспечивающих юридическую квалификацию преступного деяния²⁹. «Детальные же моменты развития преступной воли – отмечал ученый, – как например: характер побуждений, руководящих обвиняемым (если только побуждения эти не входят в качестве законных признаков состава преступления), или степень участия вложивших свою деятельность в преступление лиц, могут быть предоставлены следствию судебному, так как установки их не требуется при разрешении вопроса о предании суду»³⁰.

Таким образом, обобщая точки зрения И. Я. Фойницкого и В. К. Случевского, можно заключить, что судебный следователь осуществлял только предварительную юридическую квалификацию преступного деяния, которая имела вероятностный характер.

Анализ положений Устава 1864 г. показывает, что предварительная юридическая квалификация преступного деяния подлежала проверке при составлении обвинительного акта. А в случае направления дела в судебную палату являлась также предметом исследования в ходе процедуры предания суду. Окончательная юридическая квалификация преступления являлась результатом судебного следствия и прения сторон. Поэтому в рассматриваемый период неправильная юридическая квалификация рассматривалась в качестве самостоятельного вида недостатков предварительного следствия. И напротив, ошибки в применении уголовного закона могли быть допущены только судом.

Исследователи отмечали, что ошибки в квалификации преступного деяния уже на этапе предварительного следствия имели достаточно серьезные последствия

²⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. С. 387.

²⁸ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство–судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 521.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

для всех участников уголовного процесса: имела опасность ввести в заблуждение камеру предания суду, ввести в заблуждение присяжных заседателей и привести к приговору, не соответствующему существу дела, неверно избрать меру пресечения в виде заключения под стражу [20, с. 113]. Однако, по оценкам Я. К. Городыского, ошибки в юридической квалификации преступного деяния встречались достаточно редко [30, с. 29].

Советская и современная наука в качестве самостоятельного вида следственных ошибок выделяет ошибки в применении уголовного закона, что является целесообразным с учетом развития уголовно-процессуального законодательства. По сравнению с дореволюционным периодом данный вид ошибок является достаточно распространенным. Например, по данным исследований 80-х гг. XX в. доля ошибок в применении уголовного закона в общей структуре следственных ошибок составляла 14,1 % [29, с. 148], в 90-е гг. XX в. – 15,6 % [7, с. 48], в 2000-х – 19,0 % [7, с. 49].

Заключение

Этимологически понятие «недостатки» связано с потенциальной возможностью восполнения результатов предварительного следствия в процессе уголовно-процессуального познания. Понятие же «ошибка» употреблялось в научной литературе и в правоприменительной практике для характеристики неправомерных нарушений при вынесении судебных решений. По мере развития доктрины, судебной и следственной практики началось переосмысление значения для вынесения законного судебного решения выводов и результатов предварительного следствия. Многими учеными и практиками ставилась под сомнение сама возможность исправления недостатков, допущенных на предварительном следствии, в рамках последующих стадий уголовного процесса. Исследователи в сво-

их работах отмечали, что последствия недостатков предварительного следствия имеют не меньшее отрицательное значение для человека, общества и государства, чем судебные ошибки. Все это способствовало постепенному сближению понятий «недостатки» и «ошибка» в контексте следственной деятельности.

Изучение научного наследия дореволюционных процессуалистов показывает, что понятие «недостатки предварительного следствия» включало достаточно широкий перечень дефектов, в основе которых лежали нарушения положений Устава 1864 г., регламентировавших требования к качеству и эффективности предварительного следствия.

Однако необходимо отметить, что данные нарушения не носили преступного характера и рассматривались как разновидность неумышленного проступка, совершенного при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности. Описанные дореволюционными авторами недостатки предварительного следствия также обладали признаками существенно допущенных нарушений и наличием определенных процессуальных и социальных последствий, что сближает их с современным пониманием следственных ошибок. Вместе с тем оценка дореволюционными процессуалистами последствий недостатков предварительного следствия не была лишена изъянов. Для отечественных ученых второй половины XIX в. – начала XX в. ключевым последствием недостатков предварительного следствия выступала его слабая репрессивная активность. Односторонность понимания сущности недостатков предварительного следствия, выдвигавшая на первый план их процессуальные последствия, оставляла за рамками исследований вопросы, связанные с социальной ценой существования недостатков, а также соблюдением баланса публичных и частных интересов, поддержанием авторитета судебной

власти и самодержавия, с одной стороны, и обеспечением гарантий соблюдения прав обвиняемого – с другой.

По результатам проведенного анализа можно заключить, что наиболее распространенными на практике и, соответственно, изученными наукой недостатками предварительного следствия являлись не-

полнота предварительного следствия и его односторонность, медлительность производства по делу. Нарушения форм и обрядов предварительного следствия, а также неправильная юридическая квалификация преступного деяния выявлялись намного реже и оставались к началу XX в. наименее изученными.

Список литературы

1. Розин Н. Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 9. С. 81–117.
2. Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете требований съезда XXVII КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Бойков. М., 1988. С. 9–17.
3. Соловьев А. Б., Шейфер С. А., Токарева М. Е. Следственные ошибки и их причины // Социалистическая законность. 1987. № 12. С. 46–48.
4. Бадалян С. А. О некоторых недостатках расследования и предупреждения преступных нарушений правил охраны труда // Следственная практика. 1975. Вып. 105. С. 101–108.
5. Коврижных Б. Н. Анализ недостатков предварительного следствия по приостановленным делам о нераскрытых убийствах // Криминалистика и судебная экспертиза : республик. межведомств. сб. науч. и науч.-метод. работ. Киев : Лыбидь, 1964. Вып. 1. С. 48–54.
6. Лысов С. Недостатки в расследовании преступлений и пути к их устранению // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 25. С. 719–721.
7. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : моногр. М. : Юрлитинформ, 2017. 400 с.
8. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : моногр. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 240 с.
9. Минникес И. В. Становление и развитие правового регулирования процессуальных отношений в России в X – начале XX века: источники, периодизация // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-18-24>
10. Адаменко И. Е. К вопросу о фундаментальных основаниях устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 20–23. DOI: <https://doi.org/10.17223/23088451/5/4>
11. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII–XIX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 34–50.
12. Буцковский Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 года. 2-е пересм. изд. СПб. : Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. 181 с.
13. Буцковский Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб. : Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1867. 80 с.
14. Горыдский Я. К. Предъявление следственного производства обвиняемому // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7. С. 69–82.
15. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб. : Тип. Скарятина, 1874. 616 с.
16. Немировский Э. Я. Отношение приговора к обвинению: уголовно-юридическое исследование Мануила Немировского. Одесса : Экономическая тип., 1906. 408 с.
17. Шейфер С. А. Структура и общая характеристика следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Бойков. М., 1988. С. 19–24.
18. Пучковская М. Е. Следственные ошибки и пути их устранения судом на отдельных стадиях уголовного судопроизводства : [моногр.]. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2006. 152 с.
19. Чебышев-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб. : В. П. Печаткин, 1875. 756 с.
20. Томашинский Г. С. Нужна ли у нас защита на предварительном следствии? // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 1: Январь–февраль. С. 110–121.

21. Обнинский П. Н. Предстоящая реформа в нашей следственной части, как средство устранения замеченных в ней недостатков (из наблюдений бывшего прокурора) // Юридический вестник. 1891. Т. 7, кн. 1: Январь. С. 60–85.
22. Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М. : Высочайше утв. т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1895. 89 с.
23. Тарновский Е. Н. Оправдательные приговоры в России // Юридический вестник. 1891. Т. 7, кн. 3. С. 425–441.
24. Харизоментов Н. О недостатках следственной части по судебным уставам 20 ноября 1864 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Год 11, кн. 2: Март–апрель. С. 87–88.
25. Городынский Я. К. О дополнении оконченных предварительных следствий (этиод из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Год 15, кн. 4: Апрель. С. 75–142.
26. Соколов А. А. Недостатки в производстве предварительного следствия // Юридический вестник. 1876. Кн. 1/2: Январь и Февраль. С. 22–66.
27. Мальчевский К. А. О мерах к устранению главнейших недостатков следственной части // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Год 10, кн. 5: Сентябрь–октябрь. С. 38–53.
28. Фойницкий И. Я. Предварительное следствие и его реформа // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Год 12, № 1: Январь. С. 123–199.
29. Шейфер С. А. Понятие, структура и причины следственных ошибок // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. Ярославль : Изд-во Ярослав. ун-та, 1997. С. 141–153.
30. Городынский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. (продолжение) // Журнал министерства юстиции. 1901. № 3. С. 1–59.
31. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-728-751>
32. Чебышев-Дмитриев А. П. Начала русского уголовного судопроизводства по судебным уставам 20 ноября 1864 года. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1867. Вып. 1. 108 с.

References

1. Rozin N. N. On the Reparation of Non-Guilty Persons Proceeded Against Criminally. *Journal of the Ministry of Justice*. 1897;9:81-117. (In Russ.)
2. Boikov A. D. Issues of Strengthening the Rule of Law and Improving the Effectiveness of Criminal Proceedings in the Context of Requirements of the 27th CPSU Congress. In: Boikov A. D. (Ed.). *Issues of Strengthening the Rule of Law and Eliminating Investigation Mistakes in Criminal Proceedings*. Moscow, 1988. P. 9–17. (In Russ.)
3. Solov'ev A. B., Sheifer S. A., Tokareva M. E. Investigation Mistakes and Their Causes. *Socialist Legality*. 1987;12:46-48. (In Russ.)
4. Badalyan S. A. On Some Shortcomings of the Investigation and Prevention of Criminal Violations of Labor Protection Rules. *Investigation Practice*. 1975;105:101-108. (In Russ.)
5. Kovrizhnykh B. N. Analysis of the Shortcomings of Preliminary Investigation in Suspended Cases of Unsolved Murders. In: *Criminalistics and Forensic Examination. Iss. 1*. Kyiv: Lybid' Publ.; 1964. P. 48–54. (In Russ.)
6. Lysov S. Shortcomings in the Investigation of Crimes and Ways to Eliminate Them. *Weekly of Soviet Justice*. 1928;25:719-721. (In Russ.)
7. Nazarov A. D. *Investigation Mistakes and Judicial Errors, and the Criminal Procedure Mechanism for Their Elimination: Conceptual Framework*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. 400 p. (In Russ.)
8. Sheifer S. A. *Evidence and Proof in Criminal Cases: Theory and Legal Regulation*. 2nd ed. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2024. 240 p. (In Russ.)
9. Minnikes I. V. Formation and Development of Legal Regulation of Procedural Relations in Russia from the X to the Beginning of the XX Century: Sources of Law, Periodization. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;3:18-24. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-18-24> (In Russ.)
10. Adamenko I. E. On the Foundations of the Statute of Criminal Procedure of November 20, 1864. *Criminal Justice*. 2015;1:20-23. DOI: <https://doi.org/10.17223/23088451/5/4> (In Russ.)
11. Efremova N. N. The Evolution of the Russian Justice (The Court Reforms of XVIII–XIX Centuries). *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2008;2:34-50. (In Russ.)
12. Butskovskii N. A. *An Essay of the Cassational Procedure for the Cancellation of Rulings on Judicial Statutes of 1864*. 2nd ed. St. Petersburg: The Printing Office of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1866. 181 p. (In Russ.)

13. Butskovskii N. A. *On the Procuracy Supervision as a Result of Separating Prosecutive Jurisdiction from the Judicial Power*. St. Petersburg: The Printing Office of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1867. 80 p. (In Russ.)
14. Gorodyskii Ya. K. Announcing the Investigative Procedure to the Defendant. *Journal of the Ministry of Justice*. 1899;7:69-82. (In Russ.)
15. Butskovskii N. A. *Essays of Judicial Procedures According to the Statutes on November 20, 1864*. St. Petersburg: Printing House of Skaryatin, 1874. 616 p. (In Russ.)
16. Nemirovskii E. Ya. *The Relation of the Verdict to the Charge: the Criminal and Legal Investigation of Manuil Nemirovsky*. Odessa: Ekonomicheskaya Printing House, 1906. 408 p. (In Russ.)
17. Sheifer S. A. The Structure and General Characteristics of Investigation Mistakes. In: Boikov A. D. (Ed.). *Issues of Strengthening the Rule of Law and Eliminating Investigation Mistakes in Criminal Proceedings*. Moscow, 1988. P. 19–24. (In Russ.)
18. Puchkovskaya M. E. *Investigation Mistakes and Ways to Eliminate Them by the Court at Certain Stages of Criminal Proceedings*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University Publ.; 2006. 152 p. (In Russ.)
19. Chebyshev-Dmitriev A. P. *Russian Criminal Proceedings Under Judicial Statutes of November 20, 1864*. St. Petersburg: V. P. Pechatkin Publ.; 1875. 756 p. (In Russ.)
20. Tomashinskii G. S. Do We Need Protection During Preliminary Investigation? *Journal of Civil and Criminal Law*. 1881;11(1):110-121. (In Russ.)
21. Obninskii P. N. The Upcoming Reform in Our Investigation Field as a Means of Eliminating the Shortcomings (Based On the Observations of a Former Prosecutor). *Legal Bulletin*. 1891;7(1):60-85. (In Russ.)
22. Danevskii V. P. *Our Preliminary Investigation, Its Shortcomings and Reform*. Moscow: The Highly Approved Partnership of the Printing Press of A. A. Levenson; 1895. 89 p. (In Russ.)
23. Tarnovskii E. N. Acquittals in Russia. *Legal Bulletin*. 1891;7(3):425-441. (In Russ.)
24. Kharizomentov N. On the Shortcomings of the Investigative Part of the Judicial Statutes on November 20, 1864. *Journal of Civil and Criminal Law*. 1881;11(2):87-88. (In Russ.)
25. Gorodyskii Ya. K. On Additions to Completed Preliminary Investigations (an Essay from Investigative Practice). *Journal of Civil and Criminal Law*. 1885;15(4):75-142. (In Russ.)
26. Sokolov A. A. Shortcomings in Preliminary Investigation. *Legal Bulletin*. 1876;1/2:22-66. (In Russ.)
27. Mal'chevskii K. A. On Measures to Eliminate the Main Shortcomings of Investigative Part. *Journal of Civil and Criminal Law*. 1880;10(5):38-53. (In Russ.)
28. Foinitskii I. Ya. The Preliminary Investigation and Its Reform. *Journal of Civil and Criminal Law*. 1882;12(1):123-199. (In Russ.)
29. Sheifer S. A. The Concept, Structure and Causes of Investigation Mistakes. In: *Issues of Legal Procedure in Criminal and Criminal Procedure Legislation*. Yaroslavl: Yaroslavl University Publ.; 1997. P. 141–153. (In Russ.)
30. Gorodyskii Ya. K. Our Courts and Judicial Procedures According to the 1895 Revision (Continued). *Journal of the Ministry of Justice*. 1901;3:1-59. (In Russ.)
31. Vilkova T. Yu., Maslennikova L. N. Legitimacy and Unification in Criminal Proceedings: from Procedural Document Forms to the Electronic Criminal Case. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2019;46:728-751. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-728-751> (In Russ.)
32. Chebyshev-Dmitriev A. P. *The Beginning of Russian Criminal Proceedings Under Judicial Statutes on November 20, 1864. Iss. 1*. St. Petersburg: The Printing House of the Governing Senate; 1867. 108 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Порфирьевна Бухарина, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4114-6596>; e-mail: buharina.np@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda P. Bukharina, postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Law at the Siberian Federal University (79 Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4114-6596>; e-mail: buharina.np@yandex.ru

Поступила | Received
08.05.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.07.2024

Принята к публикации | Accepted
03.07.2024

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419

EDN: KXZUOZ

Оригинальная научная статья

Медиация как форма восстановительного правосудия

Л. С. Галенников *Адвокатская палата Омской области, Омск, Российская Федерация*

✉ 063lev@mail.ru

Ю. В. Деришев *Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация*

✉ derishev.omsk@mail.ru

Аннотация. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена сложившимися проблемами института примирения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Вместе с тем отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации детального правового регулирования механизма примирения существенно снижает эффективность правоприменительной практики в направлении использования альтернатив уголовному преследованию. Вследствие чего появляется необходимость поиска новых эффективных способов разрешения уголовно-правовых споров, позволяющих обеспечить полное восстановление прав потерпевших от преступления. Одним из таких способов выступает процедура медиации, которая позволяет разрешать уголовно-правовые конфликты предельно конструктивно и взаимовыгодно для обеих сторон спора с участием независимой третьей стороны (медиатора). Данная процедура нашла отражение в концепции восстановительного правосудия. Цель исследования обусловлена потребностью в определении теоретических начал института примирения в уголовном судопроизводстве на основе историко-правового и компаративного анализа его процедур, также в выявлении проблемных вопросов, связанных с правоприменительной практикой. В связи с этим в предлагаемой статье рассматривается вполне устоявшийся механизм урегулирования уголовно-правовых конфликтов в западных правовых системах, который предусматривает участие специального субъекта примирения – медиатора, обладающего критериями профессионализма, независимости и беспристрастности. При этом обосновывается целесообразность введения института медиации в отечественное уголовное судопроизводство, а также предлагается ее функционально-правовая модель, предусматривающая круг преступлений с возможным примирением, стадии ее осуществления, а также требования к претендентам в медиаторы. В работе широко используется сравнительно-правовой метод, с помощью которого обнаружены предпосылки для урегулирования в российском уголовно-процессуальном законодательстве института медиации как самостоятельной формы разрешения уголовно-правовых конфликтов. В результате были сделаны следующие выводы. Целесообразно модернизировать положение ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где легально закрепить понятие процедуры медиации как «способ разрешения уголовно-правового конфликта, используемого при добровольном согласии пострадавшего и правонарушителя с помощью беспристрастной третьей стороны» и условия ее применения. Необходимо законодательно ввести нового беспристрастного и независимого участника уголовного процесса – медиатора, который будет выступать третьей стороной в процедуре медиации исключительно на профессиональной основе. Более того, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» нужно корректировать в части распространения медиации на уголовно-правовые отношения, что позволит конфликтующим сторонам прибегнуть к данной процедуре. В частности, изменения в данном законе должны быть установлены применительно к требованиям профессионального медиатора, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: институт медиации, медиатор, урегулирование конфликта, восстановительное правосудие, примирение сторон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Галенников Л. С., Дерисhev Ю. В. Медиация как форма восстановительного правосудия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 405–419. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419>. EDN: <https://elibrary.ru/kxzuoz>

Original scientific article

Mediation as a Form of Restorative Justice

L. S. Galennikov

Bar of Omsk Region, Omsk, Russian Federation

✉ 063lev@mail.ru

Yu. V. Derishev

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ derishev.omsk@mail.ru

Abstract. The relevance of the proposed study is due to the existing problems of the institution of conciliation in the criminal proceedings of the Russian Federation. At the same time, no detailed legal regulation of the conciliation mechanism in the CPC of the Russian Federation significantly reduces the effectiveness of law enforcement through using alternatives to criminal prosecution. As a result, there is a need to find new effective ways to resolve criminal law disputes allowing for the full restoration of the rights of victims of crime. One of these methods is mediation procedure, which contributes to resolving criminal law conflicts in an extremely constructive and mutually beneficial way for both sides of the dispute with the help of an independent third party (mediator). This procedure is reflected in the concept of restorative justice. The purpose of the study is to determine the theoretical background of the institution of conciliation in criminal proceedings on the basis of a historical, legal and comparative analysis of its procedures, as well as to identify the issues related to law enforcement. In this regard, the proposed paper examines a well-established mechanism for the settlement of criminal law conflicts in western legal systems. This mechanism provides for a special subject of conciliation – a mediator possessing professionalism, independence and impartiality. The paper substantiates the reason of introducing the institution of mediation into domestic criminal proceedings, proposes its functional and legal model providing for a range of crimes with possible conciliation, the stages of its implementation, as well as requirements for mediators as candidates. The paper extensively uses comparative legal method helping to determine the prerequisites for introducing the institute of mediation in the Russian criminal procedure legislation as an independent form of resolution of criminal law conflicts. The Authors come to the following conclusions: It is advisable to update the provision of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and codify the concept of mediation as “a way to resolve a criminal conflict used with the voluntary consent of the victim and the offender with the help of an impartial third party” and the conditions for its application. It is necessary to legislate a new impartial and independent party in criminal proceedings – a mediator who will act as a third party in the mediation, exclusively on a professional basis. Moreover, the Federal Law “On Alternative Dispute Settlement with the Help of Mediator (Mediation)” dated July 27, 2010 No. 193-FZ needs to be edited in terms of extending mediation to criminal law relations, which will allow conflicting parties to resort to this procedure. In particular, amendments to this law should concern the requirements of a professional mediator, including those involved in criminal proceedings.

Keywords: mediation institute, mediator, conflict resolution, restorative justice, conciliation of the parties

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Galennikov L. S., Derishev Yu. V. Mediation as a Form of Restorative Justice. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):405-419. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419>. EDN: <https://elibrary.ru/kxzuo2> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Институт примирения в уголовном судопроизводстве претерпел множество видоизменений. Эволюционный характер согласительных процедур отличается тесной взаимосвязью с общей дифференциацией уголовно-процессуальной формы. С учетом констатации низкой эффективности реализации института примирения сторон, одним из основных направлений развития современного уголовно-правового законодательства стал поиск альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта. В частности, возрастает внимание к апробированным механизмам урегулирования уголовно-правовых споров в зарубежных правовых порядках, в частности к институту медиации и фигуре медиатора.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕДИАЦИИ

В отечественном праве истоком соглашения между потерпевшим и виновным послужил частно-исковой характер древнерусского процесса, где уголовное дело начиналось исключительно по жалобе гражданина. Именно Псковская грамота 1397 г. регламентировала возможность примирения сторон до обращения в суд при условии возмещения вреда потерпевшему и просьбы о прощении.

В свою очередь Судебник 1550 г. аналогичным способом устанавливал возможность разрешения уголовно-правово-

го конфликта путем примирения сторон после обращения в суд¹.

Стоит отметить достаточно большой период с 1400 г. до судебной реформы 1864 г., который связан с развитием розыскного начала в уголовном судопроизводстве, где прослеживается противопоставление частного интереса потерпевшего от преступления интересу государственному.

Тем не менее судебная реформа 1864 г. предусмотрела расширение диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, после чего дела частного обвинения возбуждались только вследствие жалобы потерпевшего и прекращались примирением. Факт примирения не был обусловлен исключительно самим возмещением вреда. Примирение влекло обязательную отмену судом наказания, которое было назначено виновному.

После революции 1917 г. в уголовно-процессуальном законодательстве молодого советского государства предусматривалась возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Так, ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г. (далее – УПК РСФСР) устанавливала возможность прекращения дела, возбуждаемого не иначе как по жалобе потерпевшего за примирением сторон до вступления приговора в законную силу².

УПК РСФСР 1960 г. содержал компромиссные, в какой-то степени

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1995. 352 с.

² Кувалдина В. Ю. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 41.

примирительные процедуры по досудебному прекращению уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Действительно, в ст.ст. 7–9 УПК РСФСР предполагается прекращение уголовного дела, когда преступное деяние и лицо, его совершившее, не являлись общественно опасными, а цель исправления могла быть достигнута без назначения наказания.

В ходе проведения судебно-правовой реформы в 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), где введены новые виды прекращения дел по нереабилитирующим основаниям: в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) возникают изменения в институтах прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Соответственно, нормы предусматривают прекращение уголовного дела уже в связи с примирением сторон.

Вышеизложенные исторические периоды демонстрируют существование договорных отношений в различные эпохи развития отечественного уголовного судопроизводства.

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРИМИРЕНИЯ, ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

При обращении к назначению уголовного судопроизводства можно отчетливо заметить приоритетное направление, которое выступает в качестве задачи по защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Назначение уголовного судопроизводства заключается не только в изобличении и наказании виновного лица в совершении преступления, но и в возмещении вреда потер-

певшему. Согласно ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и *компенсацию причиненного ущерба*. Следовательно, государство делегирует обязанность принимать необходимые меры, направленные на восстановление прав потерпевшего органам суда и уголовного преследования.

Как известно, действующее традиционное правосудие носит *карательный характер*, где в качестве целедостижения рассматривается установление виновности обвиняемого и назначение ему наказания. Вполне очевидно, что этим не обеспечивается окончательное восстановление нарушенного права жертвы преступления. «Понимание этих проблем обратило общество к поиску альтернатив уголовного преследования в части усиления внимания законодателя к правам, свободам и интересам гражданина, сочетанию в уголовно-процессуальной деятельности интересов личности, общества и государства при определенной роли публично-правовой основы уголовного судопроизводства. Одной из таких альтернатив стало *восстановительное правосудие* – новый подход к разрешению конфликтов, направленный на восстановление справедливости и сбалансирование потребностей пострадавшего, преступника и общества» [1, с. 28].

Категория «восстановительное правосудие» является наиболее часто употребляемой, но также используются понятия «восстановительная юстиция», «реституционное правосудие», «репаративное правосудие», «неформальное правосудие», «неофициальное правосудие», «трансформативное правосудие» и др. [2, с. 164].

Как представляется, термин «восстановительное правосудие» впервые стал употреблять Альберт Эглэш, используя его при конструировании системы

справедливого правосудия, которую он видит в следующем составе: «1) “карательное правосудие”, основанное на наказании; 2) “распределительное правосудие”, включающее терапевтическое обращение с преступниками; 3) “восстановительное правосудие”, основанное на компенсации, поступающей от преступников к жертвам» [3, р. 21–22].

По мнению И. Айртсена, «концепция восстановительного правосудия основана на признании того, что преступление является нарушением в первую очередь интересов конкретного индивида (жертвы) и его социального окружения, а не государства как субъекта права» [4, с. 11].

Другой известный специалист по восстановительному правосудию Даниэль Ван Несс выделяет три ключевых вывода относительно восстановительного правосудия: «1) преступление – это, во-первых, конфликт между индивидами, в результате которого вред причиняется пострадавшим, обществу и самим правонарушителям, и, во вторых, – это нарушение закона; 2) важной целью уголовного процесса является примирение сторон, которое сопровождается возмещением вреда, причиненного преступлением; 3) уголовный процесс должен способствовать активному привлечению к нему потерпевших, правонарушителей и представителей сообщества»³.

В действительности «в рамках восстановительного правосудия потерпевшему и обвиняемому в качестве альтернативы уголовной ответственности и дальнейшему уголовному преследованию может быть предоставлена возможность примирения. В этом случае смысл примирения и его основание сводятся к тому, что преступник и жертва, пройдя через процедуру примирительных переговоров, достигают определенного соглашения. С одной стороны, лицо, совершившее

преступление, под влиянием тех или иных факторов (страх наказания, стыд за содеянное и т. п.), придя к выводу о противоправности своих действий, оценив вред, причиненный жертве, берет на себя обязательства возместить причиненный своими действиями вред и загладить страдания потерпевшему, с другой – потерпевший, прощая преступника, как бы соглашается на освобождение последнего от уголовной ответственности и прекращение производства по делу при условии реального выполнения лицом, совершившем преступление, принятых на себя обязательств» [5, с. 268]. Авторы Н. С. Пахолкин, И. В. Смолькова предлагают свою дефиницию примирения сторон, верно понимая под ним «совместную деятельность потерпевшего и обвиняемого по достижению приемлемого результата для обеих сторон в рамках уголовного дела, закрепленного в соглашении между ними, выраженного в возмещении вреда потерпевшему обвиняемым в обговоренной форме и в отказе потерпевшего от требования привлечь обвиняемого к уголовной ответственности» [6, с. 133].

Стоит констатировать, что в традиционном правосудии по преступлениям публичного обвинения интерес потерпевшего продолжает оставаться без необходимого внимания, поскольку данный вид уголовного преследования обязательно прекращению в связи с примирением сторон не подлежит. До сегодняшнего дня дискреционный характер института примирения законодателем так и не был переориентирован в сторону именно восстановительного характера правосудия. Содержание ст. 25 УПК РФ, где примирение возможно по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые, если подозреваемый (обвиняемый) примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред, не соответствует

³ Ван Несс Д. У. Мировой обзор восстановительного правосудия : доклад, представленный на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 2005. 17 с.

реалиям правоприменительной практики, а лишь формально служит основанием для освобождения от уголовной ответственности. Свидетельство некого «усмотрения» судов для решения вопроса о прекращении уголовного дела вытекает из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Впервые судам разъяснено, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда. Данное решение олицетворяет правомочность участия государства в примирительных процедурах, определяя судьбу уголовно-правового конфликта.

Одним из институтов восстановительно-примирительного правосудия выступает *институт медиации*, которая действует в ряде западных правовых порядков. Анализ законодательства зарубежных стран (США, Австрия, Германия, Франция, Италия, Швейцария и т. д.) позволяет сделать вывод, что здесь процедура медиации успешно развита как альтернативная форма уголовного преследования. Под *медиацией* (от лат. *mediatio* – посредничество, англ. *mediation*) в широком смысле следует понимать способ разрешения конфликта с помощью беспристрастной третьей стороны, когда решение принимается самими сторонами. С позиции Е. Е. Забуги медиация представляется более развернутым понятием, «которое обозначает форму разрешения конфликта и включает в себя следующие элементы: посредничество как средство, определяющее природу медиации; уголовно-правовой конфликт как необходимую предпосылку и предмет разрешения; процедуру (форму) как элемент, аккумулирующий порядок и условия медиации» [7, с. 82].

Свое нормативное распространение данная процедура получила в семидесятые годы XX столетия в США, где суд поощряет проведение медиации при согласии сторон и материалы дела передает медиатору. Посредником может выступать специально обученное и успешно сдавшее квалификационный экзамен лицо. Вместе с тем, сегодня в США отсутствует единый акт федерального уровня, регулирующий медиацию, такие нормы содержатся в законах на уровне штата, примерным проектом для которых выступает Единообразный акт о медиации [8, с. 29].

Во Франции медиация была введена Законом от 4 января 1993 г. (изменение в УПК), где инициатором примирительной процедуры является прокурор. При этом прокурор передает досье в «профильную» общественную организацию для проведения медиации. Соответственно, для данного государства характерна «делегированная медиация», где прокурор принимает окончательное решение по уголовному делу после возвращения к нему материалов из общественной организации, которой он делегировал примирительные полномочия.

Чуть позже появлению медиации в Бельгии способствовало принятие Закона от 10 февраля 1994 г. (изменение в УПК РФ), где центральным и непосредственным субъектом примирительных процедур также выступает прокурор. Особенностью бельгийской модели медиации является введение специальных должностей в органах прокуратуры для осуществления примирительных процедур [9, с. 11].

Надо признать, что широкая распространенность медиации в уголовном процессе зарубежных стран обуславливается рядом ее преимуществ, таких как: гибкость, оперативность, экономичность, возможность нахождения взаимовыгодного решения, наличие антикоррупционного и профилактического потенциала [10, с. 232].

Как следует из Пояснительной записки к Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Совета Европы 15 сентября 1999 г., о медиации к уголовным делам обобщается накопленный опыт применения медиативных процедур в зарубежных странах: «Разумеется, в рамках системы уголовной юстиции всегда практиковались договоренности. Но путем организации программ медиации конфликты можно разрешать с большим учетом интересов сторон и местного общества, более полно и конструктивно, нежели с помощью традиционных судебных процедур. Похоже идея набирает силу потому, что она не знает идеологических и философских границ. Идея посредничества объединяет всех, кто хочет преобразовывать известные формы разрешения конфликтов, стремится укрепить позиции пострадавших, ищет альтернативы наказанию, хочет уменьшить расходы на содержание системы уголовной юстиции и ее загруженность, сделать ее более совершенной»⁴.

Далее в данном документе отмечается, что медиацию необходимо рассматривать как дополнение к «традиционному» уголовному процессу или в качестве альтернативы к нему. Существенным отличием медиации от «традиционного» уголовного судопроизводства является смена главных действующих лиц процесса. Если таковыми для «традиционного» уголовного процесса выступает государство и правонарушитель, то в рамках медиации на первом плане в качестве сторон в уголовном деле выступают пострадавший и правонарушитель.

В Российской Федерации институт медиации законодательно закреплён

в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), но применительно лишь к гражданскому, арбитражному и административному судопроизводствам⁵.

По наблюдению Л. В. Яковлевой, отсутствие связи между уголовно-правовыми отношениями и Законом о медиации объясняется следующим: «По-видимому, законодатель не рискнул ввести медиацию по всем видам судопроизводств сразу, а решил поэкспериментировать сначала только в рамках судебной медиации по гражданским делам. В то же время вопрос об актуальности введения такой формы по уголовным делам задавался уже в начале второго тысячелетия...» [11, с. 100].

Вместе с тем введение института медиации в уголовно-правовое пространство Российской Федерации как одного из механизмов альтернативного разрешения конфликтов позволит субъектам права разрешать их наиболее приемлемым для сторон способом. Так, А. А. Курилко и М. М. Андреева справедливо обозначают давно назревшую готовность отечественного законодательства для применения медиации к уголовным делам: «История развития примирительных процедур в России показывает, что необходимый исторический опыт для внедрения альтернативных способов разрешения споров в отечественном праве имеется, однако по сравнению с зарубежными странами в России процедуры примирения внедряются и реализуются относительно редко. На развитие медиации в России влияют следующие факторы:

⁴ Пояснительная записка // Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах : принята Комитетом министров Совета Европы 15 сент. 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета. URL: <https://mediation-eurasia.pro/wp-content/uploads/2018/04/rekomendacii-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediicii-po-ugolovnym-delam.pdf> (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исторические условия, географические условия, политические условия, экономические условия» [12, с. 102].

Необходимо отметить, что медиатор отвечает за процесс, а не за результаты производства. Более того, посредник не выступает в качестве консультанта по юридическим вопросам. Идея медиации заключается в том, что противоборствующие стороны, имеющие совершенно различные интересы в разрешении конфликта, помогают друг другу выйти из него с наименьшими потерями. Стоит согласиться с мнением А. П. Гуськовой и Д. В. Маткиной, которые определяют медиацию, как «процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора; внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны» [13, с. 35].

Справедливости ради необходимо признать, что отношение к введению медиации в отечественный уголовный процесс далеко не однозначное. Так, А. В. Смирнов не видит правовых перспектив в развитии медиации: «В самом деле, любое преступление (начиная с особо тяжких и кончая преступлениями небольшой тяжести, уголовными проступками) общественно опасно, причем именно потому, что существенно затрагивает не только личные, но и публичные интересы. Это позволяет нам прийти к весьма важному выводу о том, дискурсивный судебный процесс, который был бы лишен мощной состязательной подсистемы и заменил ее структурой, основанной исключительно на коммуникативном типе действия (в данном случае – согласительными медиационными процедурами и т. д.), в обозримом будущем вряд ли практически возможен» [14, с. 305].

В свою очередь М. Е. Семеняко положительно оценивает появление медиации: «Игнорирование конституционно-правовой сущности и высокого статуса процедур альтернативного разрешения споров обуславливает многочисленные трудности при их практической реализации. В частности, в юридической литературе и правоприменительной практике доминирует представление о примирении сторон как о факультативной, второстепенной процедуре, реализуемой нередко с формальных позиций. Повышение эффективности механизма обеспечения прав и свобод человека не может иметь место при использовании исключительно императивных методов; здесь необходимо создание условий для реализации механизмов саморегуляции» [15, с. 12].

Следует признать, что базовые предпосылки применения медиации уже закреплены в современном российском уголовном и уголовно-процессуальном праве (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). Вместе с тем в данных нормах процедура примирения сторон не регламентирована: установлены только ее основания и условия, при которых дело может быть прекращено. По своей правовой природе институт примирения составляет аналог медиативной деятельности зарубежных стран, поскольку охвачены одной целью – урегулировать уголовно-правовой конфликт, что впоследствии служит основанием для прекращения производства по делу. Тем не менее, рассматривая проблему внедрения медиации в уголовное судопроизводство, А. В. Савченко, О. В. Уренева приходят к выводу: «Институт примирения сам по себе не является медиацией в отечественном уголовном процессе, при определенной схожести с ним, но анализ правоприменительной практики показывает острую необходимость введения в наше законодательство медиации в уголовное судопроизводство» [16, с. 132].

ПОИСК ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕДИАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для проведения процедуры медиации в российском уголовно-процессуальном законодательстве необходима соответствующая реформа действующих примирительных процедур. Концепция внедрения данного института должна основываться на действующем Законе о медиации, с введением медиатора в УПК РФ как новой фигуры данного судопроизводства. Подобный подход для данного нововведения поддерживает С. А. Пашин, который отмечает, что «для распространения данного Федерального закона на иные правоотношения, к которым можно отнести отношения, связанные с процедурой примирения сторон в уголовном судопроизводстве, должно быть специальное указание об этом в соответствующих законах»⁶. Таким образом, действующая сейчас примирительная процедура должна трансформироваться в институт медиации. Именно легальное упоминание термина «медиация» как «способа разрешения уголовно-правового конфликта, используемого при добровольном согласии пострадавшего и правонарушителя с помощью беспристрастной третьей стороны» в положении ст. 25 УПК РФ позволит сторонам значительно активнее прибегать к данной правовой норме. Медиация имеет смысл лишь в том случае, если нормы права предусматривают само примирение как основание для отказа государства от традиционного уголовного преследования.

Очень важно определить этап уголовного судопроизводства, когда наиболее эффективна медиация. Так, А. А. Арутюнян выделяет две модели медиации в зависимости от стадии уголовного процесса

реализации примирительных процедур: до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела. Первая предложенная модель урегулирования конфликта предполагает отказ органов уголовной юстиции от возбуждения уголовного преследования. Вторая модель медиации представляется как примирение сторон до вынесения решения суда [17].

Как представляется, следует обратиться ко второй модели медиации, так как использование примирительных процедур до возбуждения уголовного дела (принцип целесообразности) противоречит ст. 21 УПК РФ, где органы юстиции обязаны в каждом случае обнаружения признаков преступления осуществлять уголовное преследование по делам частного-публичного и публичного обвинения (принципа законности). Кроме того, способы альтернативного урегулирования конфликта должны применяться в том случае, когда явствует фактическая мотивация, выражающаяся в прекращении уголовного дела. С одной стороны, примирение сторон является не реабилитирующим основанием для прекращения уголовного дела, где надлежит убедиться в обоснованности подозрения (т. е. установить и проверить данные, явившиеся основанием для задержания, избрание меры пресечения, уведомлении о подозрении и т. д.) и установить категорию деяния, которая предусмотрена в законе для примирения. С другой стороны, после возбуждения уголовного дела примирение доступно на каждой стадии судопроизводства до вынесения судом приговора. В результате у сторон будет достаточно времени для вступления в медиативные процедуры.

Немаловажным также является вопрос о категории дел, в отношении которых может быть применен институт медиации.

⁶ Пашин А. С. Экспертное заключение на Ф3-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегии развития : сб. материалов / сост. А. Ю. Коновалов. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 74.

По аналогии с категорией преступлений, установленной в ст. 25 УПК РФ, будет обоснованным распространить медиативные процедуры на деяния небольшой и средней тяжести. Более точно Е. С. Галыгина раскрывает плюсы использования медиации применительно к отдельным категориям преступлений, утверждая, что «медиация зарекомендовала себя в качестве средства борьбы с негативными последствиями карательного характера системы уголовного правосудия. Медиация способствует и судебной разгрузке, что позволяет судам сосредоточить свое внимание на разрешении уголовных дел тяжкого и особо тяжкого характера, где положения восстановительного подхода теряют силы» [18, с. 82].

Отдельного внимания, безусловно, заслуживает вопрос об определении круга лиц, выступающих в качестве медиатора – беспристрастной и независимой третьей стороны. Проведенное исследование в полной мере свидетельствует, что в мировой практике медиативных процедур в качестве посредника выступают лица, занимающие (занимавшие) должности судей, прокуроров, адвокатов и иных лиц, причастных к юриспруденции.

Эти «традиции» оказали влияние и на выбор медиатора в науке отечественного уголовного процесса. Так, Т. В. Худойкина и А. Д. Ситкина увидели посреднический потенциал в институте *судебных примирителей* (судей в отставке) отмечая, что их особый статус «вероятно, наиболее положительно повлияет на эффективность применения института судебного примирения, так как судьи в отставке – безусловные профессионалы с внушительным опытом, который они могут использовать при разрешении споров, имеют высшее юридическое образование, а значит – высокий уровень владения нормативной базой» [19, с. 192]. Вовлечение института

судебного примирения в уголовное судопроизводство позволит судьям в отставке прогнозировать положительный результат дела посредством нового отражения профессионального навыка. Вместе с тем и судья в отставке остается судьей, перед которым много лет стояла задача разрешить правовой спор от имени и по поручению государства. Есть опасение, что данный статус и многолетнее целеполагание не позволит данным лицам оставаться независимыми при реализации примирительных процедур.

Представляется, что подобные сомнения сохраняются и при выборе на это место лица, занимающего прокурорскую должность, хотя подобная практика – одна из самых распространенных в примирительном правосудии. Так, В. Е. Градский придает особое значение участию в примирительных процедурах *прокурора*, отмечая, что «для применения нерезабилитирующих оснований прекращения уголовного производства, видится перспективным закрепление в УПК РФ роли прокурора как базовой фигуры, реализующей новые формы альтернативного преследования, в том числе медиации, так как прокурор в минимальной степени руководствуется в своей деятельности ведомственными интересами и обеспечивает законные интересы иных участников уголовного судопроизводства» [20, с. 31]. Применительно к уголовному судопроизводству несовершеннолетних видит среди медиаторов фигуру прокурора и Е. Е. Забуга, который определяет данный вид медиации как проводимую прокурором примирительную процедуру «по уголовным делам несовершеннолетних о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных впервые, по итогам которой при утверждении прокурором медиационного соглашения уголовное дело подлежит прекращению»⁷.

⁷ Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 13.

Вместе с тем, несмотря на достаточно популярную французскую и бельгийскую модель медиации по уголовным делам, где именно прокурор выполняет главенствующую роль в примирительных процедурах, правовые условия для интеграции прообраза медиатора-прокурора в отечественную доктрину, как представляется, неубедительны. Основное противоречие здесь – это позиция прокурора на стороне обвинения, что вызывает недоверие общества в его беспристрастности и независимости как третьего лица в принятии итогового решения вопреки своей предметной функции. Кроме того, с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ⁸ значительно сократились процессуальные возможности прокурора, что практически лишает его права инициировать процедуру медиации.

Есть предложения использовать в должности медиатора более независимого от государственной воли субъекта – адвоката. Например, А. М. Понасюк в своей работе положительно определяет участие адвоката в качестве медиатора: «Одним из возможных вариантов является выполнение роли медиатора адвокатом, отвечающим приведенным требованиям. При этом учитывая наличие у адвоката, как у субъекта оказания квалифицированной юридической помощи, профессиональных юридических знаний и опыта работы в условиях уголовно-правовых конфликтов, приглашение в качестве медиатора адвоката следует признать особенно полезным» [21, с. 28]. Равным образом Е. Ф. Лукьянчикова, Д. М. Криволапов не ограничивают адвоката в реализации медиативных процедур: «Адвокат может не только участвовать в процедуре медиации на стороне одного из спорящих сторон, но и предупредить судебное раз-

бирательство. В западных странах в последние годы прослеживается тенденция участия адвокатов в роли медиаторов. Поэтому роль адвоката в процессе медиации заключается в возможности проконсультировать свою сторону о правовой сути конфликта, представление доверителю полной информации о его правовых последствиях, которые могут возникнуть в случае обращения к судопроизводству, выявить коллизии спора, а также помочь в формулировании содержания медиативного соглашения» [22, с. 143].

Вместе с тем имеются и существенные препятствия для этого решения. Так, Т. А. Калентьева обращает внимание на негативное воздействие профессионального стажа работы в качестве адвоката для проведения им медиативных процедур: «Имея за плечами двадцатилетний стаж работы адвокатом, достаточно тяжело перестроиться на вышеописанную процедуру. Особенно в тех ситуациях, когда одна из сторон имеет явные правовые преимущества и может совершенно спокойно обратиться в суд, и суд вынесет решение в пользу этой стороны. Но, задача медиации не в решении спора на основе права, ее задача в сохранении отношений между конфликтующими сторонами» [23, с. 72]. Проблема наделения адвоката функцией медиатора справедливо обозначена автором. В соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, данное лицо не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне. Указанное правило обязывает адвоката оказывать юридическую помощь исключительно в пределах позиции доверителя (подзащитного), иначе

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

говоря, в интересах одного лица. Поэтому исполнение адвокатом процедуры медиации, где необходимо учитывать интересы обеих конфликтующих сторон, возлагает несвойственную психологическую нагрузку на данного субъекта.

В связи с этим и с учетом требований независимости и беспристрастности медиатора, представляется, что наиболее непредубежденной и, соответственно, эффективной фигурой проведения медиативных процедур в уголовном судопроизводстве выступает *профессиональный медиатор*, требования к которому указаны в п. 1 ст. 16 Закона о медиации. Согласно данной норме деятельность медиаторов на профессиональной основе могут осуществлять лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. Представляется, что действующие общие требования вполне применимы и к медиатору в уголовном судопроизводстве [24, с. 50]. Введение в уголовное судопроизводство медиатора именно как независимого от позиций сторон лица позволит дать дополнительные гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства в примирительном правосудии.

Безусловно, разработка критериев для профессионального медиатора в уголовном судопроизводстве требует особого внимания. Так, есть мнение, что «возраст не является значимым фактором для возможности осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе. Возраст не определяет существенно и содержательно профессионального медиатора, не является показателем его опыта и квалификации и не имеет качественного значения для формирования необходимых компетенций и характеристик медиации» [25, с. 116].

Обязывая профессионального медиатора иметь высшее образование закон

не уточняет, что оно должно быть *юридическим*. Но вполне очевидно, что только юридически грамотный медиатор сможет на высоком уровне разрешить конфликт, в отличие от лиц, имеющих образование, не связанное с юриспруденцией [26, с. 246].

Кроме того, для создания детализированной системы требований к претендентам в медиаторы необходимо учесть также положительный опыт отдельных североамериканских штатов (Огайо, Северная Каролина и др.), где кандидату требуется пройти соответствующее обучение и сдать квалификационный экзамен.

Вышеуказанный комплекс требований будет направлен на полное соответствие претендента принципам процедуры медиации. Благодаря профессионализму и беспристрастности профессионального посредника, конфликтующие стороны смогут открыто вести диалог, раскрывая необходимые сведения для будущего примирения. При этом «следует помнить, что задача медиатора стоит отнюдь не в том, чтобы освободить лицо от наказания или определить его меру ответственности в юридическом смысле. Ключевым здесь является принцип независимости и беспристрастности и медиатор при разрешении конфликта не выполняет функции судьи, адвоката, следователя или прокурора. Ответственность за конкретный результат медиации несут стороны уголовно-правового конфликта, участвующие в процедуре медиации. Медиатор не разрешает уголовное дело по существу и не является представителем органов уголовного преследования и суда, выполняет самостоятельную процессуальную функцию, в связи с чем, в законодательстве в дальнейшем следует предусмотреть в разделе II УПК РФ “Участники уголовного судопроизводства” такого участника уголовного процесса как медиатор, определив его понятие и процессуальный статус» [27, с.108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование историко-правовой природы медиации как основного института восстановительного примирительного правосудия позволяет констатировать, что процессуальные предпосылки введения данного института в уголовное судопроизводство следует связывать с мо-

дификацией положений ст. 25 УПК РФ и формированием беспристрастной третьей стороны (медиатора). Развитие института медиации как альтернативы традиционному уголовному преследованию станет реальным оплотом реализации требований ст. 52 Конституции Российской Федерации о гарантиях прав жертв преступлений.

Список литературы

1. Нестор Н. В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 28–32.
2. Галимова М. А., Астахова А. О содержании института восстановительного правосудия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск, 2022. Ч. 1. С. 164–167.
3. Van Ness D. W., Heetderks Strong K. Restoring Justice: An Introduction to Restorative Justice. 4th ed. New Province : N. Y. : Matthew Bender & Co., Inc, 2010. 259 p.
4. Айртсен И. Реконструкция связей в сообществе – медиация и восстановительное правосудие в Европе. Киев : Захаренко, 2008. 183 с.
5. Конин В. В. Медиация в целерантном уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 268–270.
6. Пахолкин Н. С., Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 3. С. 131–135.
7. Забуга Е. Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 80–84.
8. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. М. : Городец, 2005. 320 с.
9. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. Вып. 5. С. 11–12.
10. Чепрасова Ю. В., Шатурина Н. А. Проблемы и перспективы внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство (на примере Липецкой области) // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 231–235.
11. Яковлева Л. В., Яковлев В. В. Возможности применения медиации по уголовным делам // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 4 (48). С. 97–101.
12. Курилко А. А., Андреева М. М. Актуальные проблемы примирения сторон в уголовном праве // Актуальные проблемы права: сб. ст. Псков : Псковск. гос. ун-т, 2020. С. 100–110.
13. Маткина Д. В., Гуськова А. П. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 34–37.
14. Смирнов А. В. Состязательный процесс : моногр. СПб. : Альфа, 2001. 320 с.
15. Семеняко М. Е. К вопросу об актуальности процедур альтернативного разрешения споров в суде // Российский судья. 2009. № 7. С. 24–27.
16. Савченко А. Н., Уренева О. В. Медиация в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). С. 131–135.
17. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 200 с.
18. Галыгина Е. С. К вопросу о возможности применения института медиации в уголовном судопроизводстве России // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. № 18. С. 80–85.
19. Худойкина Т. В., Ситкина А. Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-4 (56). С. 188–192. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-4-188-192>
20. Градский В. Е. Прокурор как участник медиативных процедур в уголовном процессе Французской Республики // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр. Екатеринбург : Уральск. юрид. ин-т МВД России, 2021. Вып. 6. С. 28–31.
21. Понасюк А. М. Содействие адвокатом примирению сторон уголовного судопроизводства в качестве посредника (медиатора) // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 3 (18). С. 27–32.
22. Лукьянчикова Е. Ф., Криволапов Д. М. Участие адвоката в процедуре медиации // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 3-3. С. 140–144.

23. Калентьева Т. А. К вопросу о процедуре медиации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 1. С. 69–76.
24. Валеев А. Т. Медиация в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: направление совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 47–51.
25. Садовникова М. Н., Анищенко А. С. Требования, предъявляемые к медиатору: современные подходы и тенденции развития института // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4 (87). С. 114–118.
26. Факурдинова А. Г. К вопросу о квазисудебных элементах современной медиации // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 244–248. DOI: <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2022-5-244-248>
27. Лукьянчикова Е. Ф. Медиация в уголовном судопроизводстве // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-7. С. 104–109.

References

1. Nestor N. V. The Concept, Principles and Forms of Restorative Justice. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskije Nauki*. 2012;4:28–32. (In Russ.)
2. Galimova M. A., Astakhova A. On the Content of the Institute of Restorative Justice. In: *Current Issues of Combating Crime: Theory and Practice. Pt. I*. Krasnoyarsk, 2022. P. 164–167. (In Russ.)
3. Van Ness D. W., Heetderks Strong K. *Restoring Justice: An Introduction to Restorative Justice*. 4th ed. New Province, N. Y.: Matthew Bender & Co., Inc; 2010. 259 p.
4. Aertsen I. *Rebuilding Community Connections – Mediation and Restorative Justice in Europe*. Kyiv: Zakharenko Publ.; 2008. 183 p. (In Russ.)
5. Konin V. V. The Mediation in Celerity Criminal Procedure. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2010;3:1:268–270. (In Russ.)
6. Paholkin N. S., Smolkova I. V. Concept of Restorative Justice in Criminal Procedure. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2012;3:131–135. (In Russ.)
7. Zabuga E. E. Supranational Regulation of Mediation in Criminal Procedure. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2012;3:80–84. (In Russ.)
8. Nosyreva E. I. *Alternative Dispute Resolution in the USA*. Moscow: Gorodets Publ.; 2005. 320 p. (In Russ.)
9. Golovko L. V. Alternatives to Criminal Prosecution: European Practice and the Russian Criminal Procedure Context. *Bulletin of Restorative Justice*. 2003;5:11–12. (In Russ.)
10. Tcheprasova Ju. V., Saturina N. A. Problems and Prospects of Implementation of the Mediation in Criminal Proceedings (on the Example of Lipetsk Region). *Economic Problems and Legal Practice*. 2017;6:231–235. (In Russ.)
11. Yakovleva L. V., Yakovlev V. V. The Possibility of Application of Mediation on Criminal Cases. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2018;4:97–101. (In Russ.)
12. Kurilko A. A., Andreeva M. M. Current Issues of Conciliation of the Parties in Criminal Law. In: *Current Issues of Jurisprudence*. Pskov: Pskov State University Publ.; 2020. P. 100–110. (In Russ.)
13. Matkina D. V., Gus'kova A. P. Mediation in Criminal Procedure. *Russian Judge*. 2009;2:34–37. (In Russ.)
14. Smirnov A. V. *Adversarial Proceedings*. St. Petersburg: Al'fa Publ.; 2001. 320 p. (In Russ.)
15. Semenyako M. E. On Topicality of Procedures of Alternative Settlement of Disputes in the Court. *Russian Judge*. 2009;7:24–27. (In Russ.)
16. Savchenko A. N., Ureneva O. V. Mediation in Criminal Trial. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;25:131–135. (In Russ.)
17. Arutyunyan A. A. *Mediation in Criminal Procedure*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013. 200 p. (In Russ.)
18. Galygina E. S. To the Question About Possibilities of Application of the Mediation's Institute in the Criminal Proceedings of Russia. *Scientific Notes of the Tambov Branch of the RUYS*. 2020;18:80–85. (In Russ.)
19. Hudoykina T. V., Sitkina A. D. Prospects for the Development of Mediation in Connection with the Introduction of the Institute of Juridical Conciliation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;5-4:188–192. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-4-188-192> (In Russ.)
20. Gradsky V. E. The Prosecutor as a Participant of Mediation Procedures in the Criminal Process of the French Republic. In: *Trends in Modern Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation. Iss. 6*. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2021. P. 28–31. (In Russ.)
21. Ponasyuk A. M. Furtherance by Attorney-at-Law in the Quality of Mediator to Reconciliation of the Parties in Criminal Proceedings. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2010;3:27–32. (In Russ.)
22. Luk'yanchikova E. F., Krivolapov D. M. Participation of a Lawyer in the Mediation Procedure. *Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*. 2014;3-3:140–144. (In Russ.)
23. Kalentieva T. A. To the Question About the Mediation Procedure. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2017;2(1):69–76. (In Russ.)

24. Valeev A. T. Mediation in the Russian Criminal Proceedings: Directions of Improving Russian Criminal Procedure Law. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2014;4:47-51. (In Russ.)
25. Sadovnikova M. N., Anishchenko A. S. The Requirements for Mediator: Some Problems of the Legal Regulation in Russian Federation and Modern International Approach. *Siberian Law Herald*. 2019;4:114-118. (In Russ.)
26. Fakurdinova A. G. On the Issue of Quasi-Judicial Elements of Modern Mediation. *State Legal Research*. 2022;5:244-248. DOI: <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2022-5-244-248> (In Russ.)
27. Luk'yanchikova E. F. Mediation in Criminal Proceedings. *Modern Trends in Science and Technology*. 2015;6-7:104-109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лев Сергеевич Галенников, адвокат Адвокатской палаты Омской области (ул. Лермонтова, 127/1, офис 3, Омск, 644001, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-3603-7337>; e-mail: 063lev@mail.ru;

Юрий Владимирович Деришев, профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7415-3961>; e-mail: derishev.omsk@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lev S. Galennikov, Attorney of the Bar of Omsk Region (127 Lermontov str., office 3, Omsk, 644001, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-3603-7337>; e-mail: 063lev@mail.ru;

Yuri V. Derishev, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7415-3961>; e-mail: derishev.omsk@mail.ru

Поступила | Received
09.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
29.05.2024

Принята к публикации | Accepted
29.05.2024

УДК 343.14

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-420-432

EDN: KYXHYX

Оригинальная научная статья

Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве

Е. В. Елагина

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ yelagina@bk.ru

Т. Г. Николаева

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ niko.t@mail.ru

В. И. Коваленко

Рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Москва,

Российская Федерация

✉ verafem@yandex.ru

Аннотация. В части 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации закреплено, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Проблемы доказывания в условиях состязательного уголовного процесса являются постоянным предметом исследования многих ученых. Действующий уголовно-процессуальный закон содержит ряд норм, регулирующих деятельность стороны защиты при осуществлении полномочий в уголовном судопроизводстве, в частности, по собиранию доказательств. Вместе с тем способы и порядок собирания доказательств защитником нормами названного закона практически не урегулированы, что и подчеркивается авторами статьи. Следствием отмеченной неурегулированности выступает неизбежность возникновения у правоприменителя проблем, появляющихся при оценке доказательств, представляемых стороной защиты. Базисом оценки заключения специалиста служит позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой однородные по своей природе отношения должны в силу принципа юридического равенства регулироваться сходным образом, а значит, проверка и оценка результатов деятельности специалиста, представляемых защитником в качестве доказательств, осуществляются исходя из необходимости соблюдения единых правил и условий формирования аналогичных доказательств стороной обвинения и судом. Авторы проанализировали ряд проблем, связанных с реализацией стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве, акцентируя внимание как на несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, так и на отсутствии достаточной регламентации данной деятельности адвоката (защитника). Обеспечивая возможную полноту исследования вопроса, обозначенного в названии статьи, и целостности восприятия содержания, авторами рассматриваются следующие вопросы: правовые основания использования стороной защиты результатов применения специальных знаний сведущими лицами; характеристика заключения специалиста в системе доказательств и соотношение доказательств «заключение специалиста» и «заключение эксперта»; особенности формирования стороной защиты доказательства «заключение специалиста». Поскольку в уголовно-процессуальном законе фактически «не прописан» порядок формирования стороной защиты такого доказательства, как «заключение специалиста», авторы приводят с опорой на решения Конституционного Суда Российской Федерации примерную последовательность действий защитника, намеревающегося привлечь специалиста для дачи заключения.

© Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Коваленко В. И., 2024

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, специалист, заключение специалиста, сторона защиты

Вклад авторов. Авторами внесен следующий вклад в подготовку научной статьи: Елагина Е. В., Николаева Т. Г. – концептуализация (постановка проблемы, разработка концепции статьи), анализ научных позиций исследователей по теме работы, описание результатов, формулирование выводов; Коваленко В. И. – формирование теоретической и эмпирической базы статьи (подбор научных источников, в частности, размещенных на различных интернет-ресурсах, изучение и анализ практики судов различного уровня), аннотирование статьи, формулирование промежуточных выводов по результатам исследования. Авторы считают вклад каждого эквивалентным.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Коваленко В. И. Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 420–432. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-420-432>. EDN: <https://elibrary.ru/kyxhyx>

Original scientific article

Exercising By the Defense the Right To Involve a Specialist into Criminal Proceedings

E. V. Elagina

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ yelagina@bk.ru

T. G. Nikolaeva

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ niko.t@mail.ru

V. I. Kovalenko

Working apparatus of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ verafem@yandex.ru

Abstract. Clause 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation stipulates that judicial proceedings are conducted on the basis of competition and equality of the parties. The problems of proof in an adversarial criminal trial are the subject of research in numerous scholarly papers. The current Criminal Procedure Law contains a number of norms regulating the defense party in the exercise of powers in criminal proceedings, in particular, in collecting evidence. However, the methods and procedure for collecting evidence by the defender are hardly regulated by the norms of this law, which the Authors of this paper emphasize. The lack of regulation results in the law enforcement officer being confronted with the problems arising when it is required to evaluate evidence presented by the defense. The basis for evaluating the expert's opinion is the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation, according to which, by virtue of the principle of legal equality, homogeneous relations should be regulated in a similar way. Therefore, verification and evaluation provided by an expert and presented by the defense attorney as evidence are carried out with regard to the need of complying with uniform rules and conditions for the similar evidence provided by the prosecution and by the court. The paper analyzes a number of problems related to exercising by the defense party the right to involve an expert into criminal proceedings, and focuses on the imperfection of the conceptual and terminological system and the lack of regulation of this activity of a defense attorney. To ensure the comprehensive study of the issue indicated in the title of the paper and the deep understanding of the content, the Authors consistently

examine the following issues: the legal grounds for the use by the defense of the results of the applying expert knowledge by well-informed parties; evaluation of the specialist's conclusion in the evidence system and the ratio of evidence “specialist's conclusion” and “expert's conclusion”; the conditions of acquiring by the defense the evidence “specialist's conclusion”. Since criminal procedure law does not actually “prescribe” the procedure for acquiring by the defense such evidence as a “specialist's conclusion”, the Authors, using the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, provide an approximate sequence of actions of the defense attorney intending to involve a specialist and their conclusion.

Keywords: criminal proceedings, criminal court proceedings, specialist, expert opinion, defense party

Contribution of the Authors. The Authors have made the following contribution to the compiling the paper: Elagina E. V., Nikolaeva T. G. – conceptualization (problem statement, developing the outline of the paper), analysis of scholarly views on the subject, description of the results, formulation of conclusions; Kovalenko V. I. – theoretical and empirical background of the paper (selection of sources, in particular, online sources, study and analysis of practice of courts at various levels), abstract of the paper, formulation of intermediate conclusions based on the results of the study. The Authors consider everyone's contribution to be equivalent.

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Elagina E. V., Nikolaeva T. G., Kovalenko V. I. Exercising By the Defense the Right To Involve a Specialist into Criminal Proceedings. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):420-432. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-420-432>. EDN: <https://elibrary.ru/kyxhyx> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Более двадцати лет тому назад Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) пополнился нормами, расширяющими возможности использования специальных знаний в уголовном процессе: ч. 2 ст. 74 УПК РФ была дополнена п. 3¹ «Заключение и показания специалиста», а ст. 80 УПК РФ – чч. 3 и 4, в которых приведены дефиниции «заключение специалиста» и «показания специалиста». Эти нормы вкупе с иными – ст. 58 УПК РФ, определяющей процессуальный статус специалиста, ст.ст. 61, 71 УПК РФ, предусматривающими основания и порядок его отвода; ст.ст. 82, 144, 161, 164, 164¹, 168 УПК РФ и др., регламентирующими участие специалиста в уголовном судопроизводстве и оформление результатов его деятельности, позволяют рассуждать о наличии самостоятельного института в современном уголовном процессе.

В данном исследовании авторы, не претендуя на освещение всех связан-

ных с участием специалиста в уголовном судопроизводстве вопросов, поскольку за последние годы им было посвящено такое количество научных исследований разного уровня [1–10], что их перечисление будет эквивалентно объему диссертации, хотели бы обратить внимание именно на проблемы, возникающие в связи с представлением стороной защиты отдельных результатов применения специальных знаний. Наличие этих проблем является фактором, мотивирующим специалистов в сфере уголовного процесса и криминалистики предпринимать попытки не только изыскать пути их разрешения, но и привлечь к ним внимание законодателя.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СВЕДУЩИМИ ЛИЦАМИ

Уголовно-процессуальный закон содержит ряд норм, позволяющих стороне

защиты использовать результаты применения специальных знаний в различных формах: при назначении и производстве судебной экспертизы органом предварительного расследования или судом (постановка вопросов эксперту; заявление ходатайств о производстве дополнительной или повторной экспертизы и т. п.); заявление органу предварительного расследования или суду ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (в удовлетворении которого стороне защиты не может быть отказано – ч. 2¹ ст. 58 УПК РФ); самостоятельное представление результатов применения специальных знаний. Очевидно, что в данном перечне наиболее неурегулированной является такая деятельность, как «самостоятельное представление результатов применения специальных знаний сведущими лицами», к чему мы обратимся несколько позже, предварив изложение собственной позиции рассмотрением общих вопросов.

Определенной гарантией реального обеспечения данного права служит норма (ч. 2² ст. 159 УПК РФ), в соответствии с которой ряду участников уголовного судопроизводства, в частности, со стороны защиты, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Рассмотрим ряд проблем, возникающих при реализации защитниками права привлечения сведущих лиц, обладающих специальными знаниями.

Правовым базисом привлечения специалиста стороной защиты являются нор-

мы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ и уголовно-процессуального закона. В первом нормативном источнике закреплено, что адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи (п. 4 ч. 3 ст. 6).

Основанием привлечения стороной защиты специалиста является п. 3 ст. 53 УПК РФ, содержание которого достаточно лаконично – «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ» – и вызывает необходимость обратиться к указанной статье, которая в 2017 г. была дополнена частью 2¹, содержание которой требует осмысления. С одной стороны, «стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», с другой – единственный «порядок», содержащийся в уголовно-процессуальном законе ориентирован на привлечение специалиста стороной обвинения (чч. 2 и 4 ст. 58, ст. 168 УПК РФ). Очевидно, что такой подход придает откровенно декларативный характер праву стороны защиты привлекать специалиста. Данную позицию занимают многие ученые, например, Е. В. Брянская и Н. Э. Шишкина считают, что отсутствие закрепленного правового механизма реализации прав защитника по собиранию доказательств на досудебных стадиях процесса делает декларативными все положения, регулирующие соответствующую деятельность [11, с. 109]. Мы полностью солидарны с указанными авторами в том, что «закрепив в ч. 3 ст. 86 УПК РФ права защитника, законодатель не снял, а лишь добавил

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вопросы» [11, с. 110], и в качестве частного резюме позволим себе процитировать Н. С. Манову и А. Ю. Чурикову: «ныне и ученые, и практики единодушны в том, что право защитника привлекать специалиста декларативно и не нашло подтверждения в соответствующей законодательной процедуре» [12, с. 63].

Подчеркнем, что стороной защиты специалист может привлекаться не для всех видов деятельности, перечисленных в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, а лишь для постановки вопросов эксперту или же разъяснения вопросов, входящих в его (специалиста) компетенцию. Очевидно, что привлечение специалиста для «участия в процессуальных действиях... для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела» является прерогативой стороны обвинения.

Возможно, кто-то может обвинить нас в субъективном подходе, но обратим внимание на то, что высококвалифицированные адвокаты, имеющие большой опыт практической деятельности, пусть и вынуждено, но признают, что: «адвокат-защитник не может привлечь специалиста к производству процессуальных действий, о которых идет речь в ч. 1 ст. 58 УПК, поскольку сам он никаких процессуальных действий не производит»². Разумность данного подхода детерминирована верховенством закона при осуществлении любой процессуальной деятельности всеми участниками уголовного процесса, что предполагает ограничение рамками правового поля средств и способов, используемых защитником по собиранию доказательств. Нам импонирует позиция А. И. Баянова, Ю. П. Гармаева и А. Д. Назарова, сформулированная в отношении более общей проблемы, но, по нашему мнению, соответствующая дискурсу дан-

ной статьи: «Рассматривать деятельность адвоката в рамках допустимых законом полномочий как противодействие процессу дознания и следствия ошибочно, непродуктивно и не соответствует принципам уголовного судопроизводства. Аналогичным образом и деятельность стороны обвинения, соответствующая закону, не может быть противодействием стороне защиты. О противодействии можно говорить только тогда, когда одна из сторон выходит за рамки допустимых законом предписаний и полномочий. Противоположная сторона взаимодействия при этих условиях получает право на противодействие, которое должно находиться в рамках правового поля» [13].

В качестве реплики укажем, что современному уголовному процессу явно не хватает такого участника, как «сведущее лицо», а в ст.ст. 57 и 58 УПК РФ определен именно процессуальный статус лиц, обладающих специальными знаниями, привлекаемых в качестве участников уголовного судопроизводства. Так, одно и то же лицо, например, эксперт ЭКП МВД может являться и «специалистом» при производстве следственного действия, и «экспертом» в случае производства судебной экспертизы.

Законодатель в ч. 3 ст. 86 УПК РФ сформулировал закрытый перечень способов собирания доказательств защитником: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Какова при этом функция специалиста, если он привлекается защитником? Представляется, что единственным ответом на данный вопрос может быть только указание на консультационный характер деятельности специалиста, но при этом

² Клопов О. А. Проблемы привлечения защитником-адвокатом специалиста в уголовном процессе // Правовед. URL: <https://pravorub.ru/articles/83678.html?ysclid=lpssnqplc15903241> (дата обращения: 11.12.2023).

подчеркнем абсолютную неопределенность процессуальной регламентации данной его деятельности.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА
В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.
СООТНОШЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
«ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА»
И «ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА»**

«Заключение специалиста – доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием» [14] – название статьи одного из соавторов данной публикации. Данная формулировка применительно к дискурсу настоящей статьи может быть дополнена «неочевидным порядком» инициирования данного доказательства стороной защиты (в данном случае авторы настоящей статьи, не вдаваясь в дискуссию о возможности стороны защиты собирать именно доказательства, используют формулировки, содержащиеся в уголовно-процессуальном законе). Как очередную декларацию законодателя можно воспринимать закрепление в ч. 2² ст. 159 УПК РФ невозможности отказа стороне защиты в приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста, если обстоятельства, об установлении которых заявлено ходатайство, имеют значение для уголовного дела и подтверждаются этим доказательством. Очевидно, что речь идет о том, что доказательство – «заключение специалиста» – удовлетворяет такому критерию (из перечисленных в ч. 1 ст. 88 УПК РФ), как относимость. А допустимость? Данное свойство доказательства обеспечивается не только наличием правового основания, но и соблюдением процессуального порядка его формирования. Еще раз подчеркнем – декларировав возможность получения и представления заключения специалиста стороной защиты, законодатель не определил процедуру его получения.

Интегрирование в систему доказательств заключения специалиста может рассматриваться, в частности, как предоставление стороне защиты возможности получения доказательства альтернативного заключению эксперта. Возможность самостоятельного инициирования защитником заключения эксперта до настоящего времени еще является темой для обсуждения в научной среде, но представляется, что внимательное изучение соответствующих статей УПК РФ и федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³ (далее – Закон № 73-ФЗ), а также позиции Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сформулировать следующие аргументы, свидетельствующие о невозможности формирования стороной защиты данного доказательства:

– задачей ГСЭД является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 2 Закона № 73-ФЗ);

– получение заключения эксперта не предусмотрено ч. 3 ст. 86 УПК РФ;

– содержание чч. 2 и 4 ст. 199 УПК РФ однозначно определяет порядок поручения производства судебной экспертизы конкретному эксперту (экспертам) исключительно руководителем экспертного учреждения или следователем;

– в статье 16 Закона № 73-ФЗ установлено, что, во-первых, эксперт не имеет право принимать поручение о производстве судебной экспертизы ни от кого кроме руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, во-вторых, государственный эксперт не имеет право выступать в качестве негосударственного.

³ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Подчеркнем, что во взаимосвязи с ч. 2 ст. 41 Закона № 73-ФЗ данный порядок распространяется и на лиц, являющихся экспертами негосударственных судебно-экспертных учреждений.

Конституционный Суд РФ еще в 2004 г. сформулировал позицию, в соответствии с которой основанием для производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении является не заявление обвиняемого или его защитника, а постановление органа дознания, следствия или суда⁴.

Вернемся к заключению специалиста, инициированному стороной защиты.

Заключение специалиста представляет собой самостоятельный вид доказательства и не может ни замещать заключение эксперта, ни служить его альтернативой. Именно на это обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁵ (далее — Постановление).

Несмотря на узкую тематическую направленность данного Постановления, до 2021 г. оно являлось фактически единственным источником, в котором была предпринята попытка дифференциации исследований, проводимых специалистом и экспертом. Позиция Пленума Верховного Суда РФ заключалась в следующем: специалист не проводит *исследование* вещественных доказательств и не формулирует *выводы*, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения *исследования* должна быть произведена судебная экспертиза (п. 20). Но в действующей редакции Постановления практически все пункты, относящиеся к заключению специалиста, исключены.

Можно было бы указать, что выявление критериев разграничения заключений эксперта и специалиста лежит в плоскости исключительно научных интересов отдельных ученых, а рассуждения о нюансах оформления заключения, сущности и содержании исследования, возможности его осуществления, вопросах, разрешаемых сведущими лицами и т. п. являются предметом лишь научной дискуссии, но такое утверждение не соответствует современным реалиям, поскольку обозначенные вопросы являются значимыми, в первую очередь, для правоприменителя. К тому же Конституционный Суд РФ, вынося решения по вопросам, сопряженным с применением ст. 58, чч. 3 и 4 ст. 80, ст. 168 УПК РФ оперирует такими, понятиями как «вывод», «исследование», «суждение».

Не углубляясь в лингвистические изыскания для установления, например, соотношения понятий «вывод» и «суждение» или определения сущности процесса, определяемого как «исследование», сформулируем условия, при которых его проведение специалистом является возможным:

- отсутствует необходимость установления обстоятельств, указанных в ст. 196 УПК РФ;

- отсутствует необходимость разрешения вопросов, сопряженных с идентификацией объектов;

- процесс исследования не предполагает применения никаких инструментальных средств, за исключением общедоступных (средства измерения, оптического увеличения и т. п.) с тем, чтобы исключить любое негативное воздействие на исследуемый объект.

Подчеркнем, что приведенный перечень, на наш взгляд, является безусловным, поскольку, во-первых, базируется на таких

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституции Суда Рос. Федерации от 4 марта 2004 г. № 145-0. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2010 г. № 28 (ред. от 29 июня 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нормативных источниках, как УПК РФ и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которая будет изложена далее в тексте, а во-вторых, относится к исследованию специалиста вне зависимости от того, какой стороной он привлекается.

Как нами отмечалось выше, заключение специалиста используется стороной защиты как альтернатива заключения эксперта, что является, как минимум, некорректным, поскольку содержание ч. 1 ст. 58, п. 3¹ ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ приводит к однозначному выводу, что заключение специалиста является письменным оформлением результатов консультационной деятельности сведущего лица, причем вне зависимости от того, какая сторона выступала инициатором.

Порядок же инициирования рассматриваемого доказательства непосредственно зависит от того, какой из сторон осуществляется привлечение сведущего лица:

- инициатива следователя (дознавателя) о привлечении конкретного лица, обладающего специальными знаниями в соответствующей сфере, находит отражение в соответствующем постановлении, поскольку в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ именно данным процессуальным документом оформляется любое решение, вынесенное в ходе досудебного производства (за исключением обвинительного заключения, акта или постановления);

- по инициативе стороны защиты специалист реализует свои полномочия на основании договора, заключаемого защитником от имени доверителя (в рамках осуществления своей профессиональной деятельности руководствуясь пп. 3 и 11 ч. 1 ст. 53 и ч. 2¹ ст. 58 УПК РФ).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА «ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА»

Не является откровением, сколь внимательны защитники к любым нарушениям процессуального порядка производства следственных действий, получению доказательств стороной обвинения и т. п. Авторы никоим образом не порицают такой подход, но не могут не высказать недоумение, вызванное игнорированием стороной защиты условий обращения к лицам, обладающим специальными знаниями, в целях получения заключения специалиста. А каков процессуальный статус специалиста⁶, к которому обращается защитник? Очевидно, что в рамках уголовного судопроизводства он – некое «стороннее лицо», несмотря на звания, регалии, опыт работы и т. п., которое знакомится с определенными материалами уголовного дела, а, следовательно, возникает вопрос о возможности разглашения данных предварительного расследования, которые могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 161 УПК РФ).

Чтобы исключить данную возможность уголовно-процессуальный закон предусматривает дачу специалистом письменного обязательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя или дознавателя. Оформляется данное согласие подпиской следователю с предупреждением об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. Без дачи специалистом соответствующего

⁶ Подчеркнем полисемичность данного термина, которым может обозначаться как лицо, сведущее в определенных вопросах, так и наделенное соответствующим процессуальным статусом (ст. 58 УПК РФ) или занимающее определенную должность, а законодателем используется именно для определения конкретного участника уголовного судопроизводства.

письменного обязательства его заключение впоследствии на основании п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ может быть признано недопустимым доказательством.

Здесь возникает несколько вопросов. Если специалист привлекается к участию в производстве по уголовному делу по ходатайству защитника, то все вопросы, связанные с допуском этого участника процесса (проверка оснований для отвода; разъяснение положений, предусмотренных ст. 58 УПК РФ; отобрание подписки о неразглашении данных предварительного расследования и т. п.) разрешаются следователем (дознавателем). Если же специалист привлекается инициативно адвокатом (защитником), то каким образом должны решаться вышеуказанные вопросы?

Напомним еще раз о необходимости соблюдения требований ст. 161 УПК РФ, обратим внимание на то, что защитник, планируя обратиться к сведущему лицу для получения заключения специалиста, обязан следовать следующему алгоритму: сообщить следователю (дознавателю), кто будет выступать в качестве специалиста; уведомить, какие конкретно материалы уголовного дела будут предоставлены специалисту; обеспечить возможность выполнения действий, предусмотренных ст. 161 УПК РФ, т. е. явку потенциально «специалиста» для дачи обязательства о неразглашении данных предварительного расследования.

Правильность данного подхода подтверждается решениями Конституцион-

ного Суда РФ⁷. Аналогичную позицию занимают и суды, рассматривая уголовные дела по существу. Так, оценивая представленные стороной защиты рецензии на заключения экспертов, суд, оценив их как заключения специалистов, принял во внимание, что привлечение защитником специалистов сопряжено с предоставлением им копий документов из материалов уголовного дела, однако специалисты перед подготовкой заключений не были предупреждены о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, в соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 161 УПК РФ письменное обязательство им отобрано не было. Результатом оценки судом представленных стороной защиты заключений специалистов явилось непризнание их в качестве допустимых доказательств⁸.

Акцентируем внимание на том, что специалист, предупрежденный следователем или дознавателем, в порядке ст. 161 УПК РФ, об ответственности за разглашение данных предварительного расследования, несет ответственность за совершение действий, предусмотренных ст. 310 УК РФ, в связи с дачей им заключения не должен и не может предупреждаться об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, поскольку в соответствии с данной нормой он несет ответственность только за дачу заведомо ложных показаний, а не за данное заключение, что прямо следует из содержания ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Позволим себе утверждать, что проблема оформления заключения меркнет

⁷ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кобзаря Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 апр. 2009 г. № 559-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гайдукова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2011 г. № 264-О-О ; *По жалобе* граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 6 окт. 2015 г. № 2443-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ *Приговор* Канавинского районного суда города Нижнего Новгорода от 16 сент. 2019 г. № 1-173/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в сравнении с тем, что в большинстве случаев специалист, привлекаемый стороной защиты для дачи заключения, фактически, производит критический анализ и оценку заключения эксперта, что является эквивалентом повторной экспертизы. Не можем не обратить внимания на то, что на практике защитниками используются различные по содержанию «модифицированные» заключения специалиста, и данный подход находит поддержку в научной среде, например, А. В. Рагулин придерживается позиции, что «особое значение... привлечение специалиста имеет при наличии сомнений в обоснованности выводов эксперта, для мотивировки ходатайства о назначении дополнительной экспертизы со ссылкой на его консультативное заключение» [15]. Не вступая в дискуссию с уважаемым автором, отметим, что «консультативное заключение» получается стороной защиты, как правило, с единственной целью — оценка заключения эксперта, полученного по инициативе стороны обвинения.

В очередной раз позволим себе удивиться тому, как упорно адвокатское сообщество игнорирует то, что на недопустимость такого подхода неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ. Так, в своем определении от 27 июня 2023 г. № 1751-О⁹ Конституционный Суд РФ в очередной раз указал, что «никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, УПК РФ не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специали-

ста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу. Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначить дополнительную или повторную экспертизу, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы. Иное вело бы к подмене процессуальных действий, к отступлению от вытекающего из принципа юридического равенства единого порядка привлечения к участию в деле специалиста, производства судебных экспертиз, проверки и оценки допустимости доказательств». Подчеркнем, что эту позицию судьи Конституционного Суда уже формулировали неоднократно в своих решениях, например, в постановлениях от 25 марта 2008 г. № 6-П и от 26 февраля 2010 г. № 4-П, определениях от 28 сентября 2021 г. № 2082-О, от 26 октября 2021 г. № 2177-О, от 29 сентября 2022 г. № 2233-О, от 31 января 2023 г. № 6-О. Позволим себе в очередной раз удивиться тому упорству, с которым значительная часть адвокатского сообщества игнорирует позицию Конституционного Суда Российской Федерации. Справедливости ради вынуждены отметить, что большинство следователей, прокуроров и, как ни печально, судей об изложенной выше позиции Конституционного Суда просто не знают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторам хотелось бы завершить свое исследование конкретными предложениями по разрешению проблемы, обозначенной в названии статьи, но приходится ограничиться констатацией того, что, несмотря на высокую интенсивность использования стороной защиты в уголовном судопроизводстве доказательства

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Янченко Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй.1 статьи 58, частями первой и второй статьи 86 и частью первой статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2023 г. № 1751-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«заключение специалиста», его формирование осуществляется в не свойственном праву эклектичном порядке, поскольку законодатель, во-первых, фактически уклонился от обязанности определить такие принципиальные моменты, как порядок обращения стороны защиты к лицу, привлекаемому в качестве специалиста, обеспечение правовой безупречности участия данного лица в уголовном процессе, форма и содержание итогового документа, в котором излагается мнение (суждение) специалиста. Вышеизложенное и является, по нашему мнению, подтверждением упомянутой эклектичности, поскольку и сторона защиты, и сторона обвинения и суд вынуждены руководствоваться не процессуальным порядком, а собственными представлениями и пониманием того, что рассредоточено по отдельным статьям уголовно-процессуального закона. Нельзя обойти вниманием и то, что ознакомление со статьями, опубликованными, например, в 2020 г. в одном из номеров журнала «Уголовный процесс», позволяет констатировать, что по рассмотренным в статье проблемам среди представителей адвокатского сообщества нет единого мнения [12; 16]. Полагаем, что здравый смысл и знание уголовно-процессуального закона приводит компетентных защитников к выводу о рациональности устной консультации специалиста, результаты которой не оформляются процессуально, но являются базой для формирования защитником позиции в отношении конкретных доказательств. Не подвергая сомнению самостоятельность защитника в оценке доказательств в примерах, приведенных в статье С. А. Соловьева «Адвокатское расследование: проблемы и реальные возможности» [17], полагаем, в большинстве подобных

ситуаций для оценки заключения эксперта, обоснования ходатайств и т. п. все-таки привлекаются специалисты.

Еще одним немаловажным фактором является несовершенство понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих участие специалиста в уголовном судопроизводстве, на что авторами неоднократно обращалось внимание¹⁰. Нельзя не подчеркнуть и то, что судьи в своем большинстве не обладают достаточными представлениями о порядке формирования рассматриваемого доказательства, соответственно, не могут правильно оценить допустимость его содержания и формы, и, как правило, не воспринимая аргументы государственного обвинителя (при условии, что они высказываются), обосновывающие невозможность использования заключения специалиста, представленного стороной защиты в качестве доказательства.

Подчеркнем, что текущее состояние научной дискуссии, в которую в равной степени вовлечены и процессуалисты, и криминалисты, свидетельствует о безусловной актуальности и небезынтересности рассмотренного в статье сегмента института специальных знаний, но поскольку в сфере уголовного судопроизводства теория не может быть оторвана от практики, то, до того момента, когда идеи, высказываемые в научных публикациях различного уровня, не будут восприняты законодателем и имплементированы в уголовно-процессуальный закон, будет сохраняться острота проблемы оценки и использования результатов реализации специальных знаний в форме заключения специалиста.

¹⁰ Елагина Е. В., Николаева Т. Г. Некоторые вопросы, возникающие при реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 46–52; Их же. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // Криминалист. 2021. № 1 (34). С. 19–26.

Список литературы

1. Ахмедова М. Б. Сущность заключения специалиста и процессуальный порядок его получения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 1 (71). С. 169–174.
2. Попова Е. Д. Доказательственное значение деятельности специалиста в уголовном процессе // Наукосфера. 2023. № 4-1. С. 474–478. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7844985>
3. Максуров А. А. Проблемы статуса специалиста в уголовном процессе // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 3 (19). С. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2023.19.9>
4. Иванов С. Н. Функция специалиста в уголовном процессе // Право. Законодательство. Личность. 2018. № 2 (27). С. 68–73.
5. Семенов Е. А., Лукьянчикова С. А. Заключение специалиста в уголовном процессе: новый взгляд правоприменителя // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 213–215. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2022-1-213-215>
6. Брянская Е. В., Рукавишников П. П. Допустимость заключения и показаний специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Академический юридический журнал. 2019. № 2 (76). С. 35–41.
7. Ханнанов И. Н. Эксперт и специалист в уголовном процессе России, как лица, обладающие специальными знаниями // Академия педагогических идей Новая. Серия: Студенческий научный вестник. 2020. № 6. С. 73–76.
8. Ляпина Е. А., Вологина Е. В. Разграничение функций эксперта и специалиста в уголовном процессе // Поиск (Волгоград). 2022. № 2 (13). С. 46–49.
9. Огнерубов Н. А. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М. : Юрайт, 2022. 92 с.
10. Челышева О. В. Использование специальных знаний в расследовании преступлений : моногр. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2015. 92 с.
11. Брянская Е. В., Шишкина Н. Э. Особенности защиты в процессе доказывания при рассмотрении уголовных дел // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 107–114.
12. Манова Н. С., Чурикова А. Ю. Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания // Уголовный процесс. 2020. № 9 (189). С. 62–69.
13. Баянов А. И., Гармаев Ю. П., Назаров А. Д. Линия защиты – средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 8. С. 1194–1203. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0922>
14. Елагина Е. В., Харатишвили А. Г. Заключение специалиста – доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием // Эксперт-криминалист. 2021. № 4. С. 10–12. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-442X-2021-4-10-12>
15. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на привлечение специалиста: проблемы реализации и пути их решения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 2 (76). С. 57–66.
16. Куприянов А. А. Как адвокату собирать и добиваться приобщения доказательств защиты // Уголовный процесс. 2020. № 9 (189). С. 28–31.
17. Соловьев С. А. Адвокатское расследование: проблемы и реальные возможности // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 56–61.

References

1. Akhmedova M. B. The Essence of a Specialist's Decision and the Procedural Order of Its Obtainment. *Saratov State Academy of Law Herald*. 2010;1:169-174. (In Russ.)
2. Popova E. D. Evidential Value of the Activity of a Specialist in Criminal Proceedings. *Naukosfera*. 2023; 4-1:474-478. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7844985> (In Russ.)
3. Maksurov A. A. Problems of the Specialist's Status in Criminal Procedure. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*. 2023;3:89-98. DOI: <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2023.19.9> (In Russ.)
4. Ivanov S. N. The Role of a Specialist in Criminal Proceedings. *Law. Legislation. Person*. 2018;2:68-73. (In Russ.)
5. Semenov E. A., Lukyanchikova S. A. Conclusion of a Specialist in Criminal Proceedings: a New Law Enforcement Perspective. *State Service and Personnel*. 2022;1:213-215. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2022-1-213-215> (In Russ.)
6. Bryanskaya E. V., Rukavishnikov P. P. Acceptability of the Conclusions and Evidence of a Specialist in a Criminal Case Proceedings. *Academical Law Journal*. 2019;2:35-41. (In Russ.)
7. Khannanov I. N. Expert and Specialist in the Criminal Process of Russia as a Person Who Has a Special Knowledge. *Academy of Pedagogical Ideas of INNOVATION. Series: Student Scientific Bulletin*. 2020;6:73-76. (In Russ.)
8. Lyasina E. A., Vologina E. V. Differentiation of the Functions of an Expert and a Specialist in Criminal Proceedings. *Poisk (Volgograd)*. 2022;2:46-49. (In Russ.)
9. Ognerubov N. A. *Expert Knowledge in Criminal Proceedings*. Moscow: Yurait Publ.; 2022. 92 p. (In Russ.)
10. Chelysheva O. V. *The Use of Expert Knowledge in the Investigation of Crimes*. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2015. 92 p. (In Russ.)

11. Bryanskaya E. V., Shishkina N. E. Security Features in the Process of Proof in Criminal Cases. *Siberian Law Herald*. 2015;4:107-114. (In Russ.)
12. Manova N. S., Churikova A. Yu. How To Make a Lawyer's Investigation an Effective Means of Proof. *Criminal Procedure*. 2020;9:62-69. (In Russ.)
13. Bayanov A. I., Garmaev Yu. P., Nazarov A. D. The Line of Defense Is a Means of Enforcement of the Position of the Defense in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022;15(8):1194-1203. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0922> (In Russ.)
14. Elagina E. V., Kharatishvili A. G. Expert's Report as Evidence of an Indefinite Form and Unclear Content. *Expert-Criminalist*. 2021;4:10-12. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-442X-2021-4-10-12> (In Russ.)
15. Ragulin A. V. The Right of the Lawyer-Defender to Attraction of the Specialist: Problems of Realization and Way of Their Decision. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2012;2:57-66. (In Russ.)
16. Kupriyanov A. A. How the Lawyer Can Assemble and To Achieve the Admission of Defence Evidence. *Criminal Procedure*. 2020;9:28-31. (In Russ.)
17. Soloviev S. A. Lawyer's Investigation: Problems and Real Opportunities. *Criminal Procedure*. 2020;9:56-61. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Елагина, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191104, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0250-0418>; e-mail: yelagina@bk.ru;

Татьяна Геннадьевна Николаева, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191104, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9852-924X>; e-mail: niko.t@mail.ru;

Вера Ивановна Коваленко, советник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (Смоленский бульвар, 19, стр. 2, Москва, 119121, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7303-1762>; e-mail: verafem@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Elagina, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (44 Liteyny ave., St. Petersburg, 191104, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0250-0418>; e-mail: yelagina@bk.ru;

Tatyana G. Nikolaeva, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (44 Liteyny ave., St. Petersburg, 191104, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9852-924X>; e-mail: niko.t@mail.ru;

Vera I. Kovalenko, Advisor to the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (19, bldg. 2 Smolensky Boulevard, Moscow, 119121, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7303-1762>; e-mail: verafem@yandex.ru

Поступила | Received
30.03.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
19.04.2024

Принята к публикации | Accepted
02.05.2024

УДК 343.985.7

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-433-443

EDN: KZDCQP

Оригинальная научная статья

Расследование хищений бюджетных средств: вопросы эффективности

А. В. Чумаков *Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета,
Новосибирск, Российская Федерация*✉ chumakov_a_v@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются как научно-теоретические, так и организационно-практические представления об эффективности и неэффективности расследования уголовных дел в целом и дел о хищениях бюджетных средств в частности. Приводятся практические примеры эффективного и неэффективного расследования указанной преступной деятельности. Формулируется определение эффективности применительно к расследованию хищений бюджетных средств, где важным признаком является соответствие основным приоритетам государственной политики Российской Федерации. Анализируются также действующие в правоприменительной практике критерии оценки деятельности правоохранительных органов. Налицо противоречия между критериями реальной эффективности расследования и требованиями статистической отчетности следственных органов. В контексте критерия эффективности расследования и с учетом положений «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ, определены приоритетные направления эффективного расследования по уголовным делам о хищениях бюджетных средств. Это приоритет предупреждения преступлений, необходимость борьбы прежде всего с наиболее общественно опасными видами хищений, совершаемых в органах публичной власти и организациях с государственным участием, особенно при реализации национальных проектов и выполнении гособоронзаказа, с коррупционной составляющей. Приоритет также распространяется на необходимость полного возмещения причиненного вреда и повышения уровня ответственности за преступную деятельность с указанными характеристиками. Сформулированы выводы о том, что эффективное расследование – это соблюдение указанных приоритетных направлений. Они должны обозначаться как на уровнях практической, организационно-управленческой, так и на уровне научной деятельности. Требования статистической отчетности правоохранительных органов нужно адаптировать под критерии реальной эффективности расследования уголовных дел. В криминалистическом научном исследовании необходимо целенаправленно обеспечивать приоритетные направления расследования хищений, в прикладных рекомендациях и на основе практических примеров демонстрировать реализацию критериев эффективности.

Ключевые слова: хищения в бюджетной сфере, эффективное расследование, неэффективное расследование, бюджетные средства, криминалистическое исследование, методика расследования, коррупционные преступления

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чумаков А. В. Расследование хищений бюджетных средств: вопросы эффективности // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 433–443. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-433-443>. EDN: <https://elibrary.ru/kzdcqp>

Original scientific article

Investigation of Embezzlement of Budget Funds: Efficiency Issues

A. V. Chumakov

Novosibirsk Law Institute (branch) of the Tomsk State University,

Novosibirsk, Russian Federation

✉ chumakov_a_v@mail.ru

Abstract. The paper analyzes scientific and theoretical, organizational and practical ideas about the effectiveness and inefficiency of the investigation of criminal cases in general, and cases of embezzlement of budgetary funds, in particular. Case studies of effective and ineffective investigation of the specified criminal activity are given. The definition of effectiveness is formulated in relation to the investigation of embezzlement of budgetary funds, in which compliance with the main priorities of the state policy of the Russian Federation is important. The paper analyzes the criteria for evaluating the law enforcement activities of law enforcement agencies. There are contradictions between the criteria of real effectiveness of the investigation and the requirements of statistical reporting by investigative authorities. In the context of the effective investigation criterion and with regard to the provisions of the “National Security Strategy of the Russian Federation” approved by the President of the Russian Federation, priorities of effective investigation in criminal cases of embezzlement of budgetary funds have been identified. This is a priority for crime prevention, the need to combat, first of all, the most socially dangerous types of embezzlement committed by public authorities and organizations with state participation, especially corruption concerning those involved in national projects and fulfilling state defense orders. Full compensation for the damage caused and an increase in the level of responsibility for suchlike criminal activity are also a priority. The paper concludes that an effective investigation is the observance of these priorities. They should concern practical, organizational and managerial, and scientific activities. The requirements of statistical reporting by law enforcement agencies need to be adapted to the criteria of the real effectiveness of the investigation of criminal cases. Forensic scholarly research has to be aimed at providing priorities for the investigation of embezzlement, to demonstrate the implementation of efficiency criteria through the case studies as recommendations.

Keywords: embezzlement in public sector, effective investigation, ineffective investigation, budgetary funds, forensic research, investigation methodology, corruption crimes

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Chumakov A. V. Investigation of embezzlement of budget funds: issues of efficiency. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):433-443. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-433-443>. EDN: <https://elibrary.ru/kzdcqp> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современная преступная деятельность, связанная с хищениями бюджетных средств, характеризуется высоким уровнем организованности, коррумпированности, технической оснащенности, информированности, тщательности механизма подготовки, совершения и сокрытия наиболее

опасных преступлений и активным, продуманным и спланированным противодействием расследованию. Предупреждение и расследование такого рода преступлений должно быть эффективным – тезис сам по себе аксиоматичный. Однако как этот подход реализовать в практической деятельности по конкретным уголовным

делам? Какое расследование стоит считать эффективным, а какое нет и по каким понятным и измеримым критериям? Стоит ли демонстрировать действующему и, быть может, будущему правоприменителю на уровне учебных, учебно-методических и практических пособий, учебников критерии и примеры эффективного и неэффективного расследования преступлений в зависимости от их вида, группы? Вопросы весьма непростые и не имеющие легких решений. Казалось бы, – вопросы практические. Но в то же время это вопросы и проблемы методологического, методического характера, а значит, решаться должны на всех обозначенных уровнях.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ

В любом из универсальных научных определений эффективности (лат. *efficientia*) этот феномен определяется как достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов. Иначе говоря, эффективность – это поддающаяся измерению способность избегать растраты материалов, энергии, усилий, денег и времени при выполнении чего-либо или при получении желаемого результата¹.

Многие авторитетные ученые-процессуалисты и криминалисты обращались к понятию эффективности расследования. Однако рассматривали его в основном в контексте эффективности всего уголовного судопроизводства, в процессуальном, а не в криминалистическом аспекте и безотносительно к расследованию какой-то отдельной группы, виду преступлений.

Так, В. К. Зинкин понятие эффективности предварительного расследования (в целом) определяет как уровень дости-

жения цели и задач стадии предварительного расследования в результате законных, надежных, экономичных, оптимальных и рациональных организационных и процессуальных действий дознавателя и следователя, прокурора, начальника следственного отдела и начальника органа дознания [1, с. 28–29].

Л. Я. Драпкин определял эффективность как соответствие (соотношение) практических результатов деятельности заранее поставленной цели и задач раскрытия преступлений особенностям процесса расследования [2, с. 147]. А. С. Князьков в контексте эффективности справедливо акцентирует внимание на важности основывающихся на общих закономерностях криминалистической деятельности тактико-криминалистических положений. От уровня их разработки во многом зависит точность методико-криминалистических рекомендаций и эффективность реализации назначения уголовного судопроизводства².

Ф. Н. Фаткулин сформулировал интересный подход, согласно которому под эффективностью процессуально-правового установления обстоятельств события преступления следует понимать его способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период его действия в стране [3, с. 13]. Тезисы о необходимости положительного воздействия на общественные отношения в заданном направлении и при соответствующих социальных условиях, казалось бы, такие обобщенные и декларативные, на самом деле очень важны и актуальны. Эффективность расследования, ее критерии должны определяться не только и не столько в научных исследованиях и даже не в кабинетах руководителей

¹ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения: 12.09.2024).

² Князьков А. С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. С. 5.

правоохранительных органов. Эти критерии должны формироваться на уровне всего государства, его высшего руководства. «Заданные направления» — это, по всей вероятности, те направления, которые изложены в основополагающих документах, нормативных актах федерального уровня. А «соответствующие социальные условия» — это также не какое-то сиюминутное состояние социальной действительности. Скорее, это устойчивые закономерности, характеризующие состояние преступности и правоохранительной деятельности на определенную перспективу. Это пока авторские гипотезы. Посмотрим, удастся ли их подтвердить.

Изложенный Ф. Н. Фаткулиным подход во многом близок позиции Ю. П. Гармаева, который применительно к пониманию эффективности, но не расследования конкретного дела, а методики расследования, причем только коррупционных преступлений, считает, что она (методика) должна помогать ее пользователю-правоприменителю предупреждать и расследовать максимально большое количество наиболее опасных криминальных коррупционных проявлений в соответствии с законом и с минимально возможными затратами соответствующих сил и средств. Далее автор раскрывает критерии эффективности названной методики и уточняет, что эти критерии не универсальны для всех иных видов и классов криминалистических методик. «То, что эффективно по делам о получении/даче взятки, не всегда эффективно для расследования убийств» [4, с. 51].

В другой публикации автор справедливо отмечает, что необходимо модернизировать криминалистические методики расследования, сделать их эффективными и соответствующими новым вызовам современности. Один из критериев такой эффективности — это соответствие основным приоритетам государственной поли-

тики. Причем не по форме, а по содержанию [5, с. 111].

Обобщая изложенное, полагаем, что эффективность расследования хищений бюджетных средств — это модель системы действий субъектов расследования, реализуемая путем осуществления законных, оптимальных и рациональных стратегических, организационных, процессуальных действий, тактических приемов и иных мероприятий следователя, оперативно-го сотрудника, других уполномоченных субъектов, направленная на предупреждение и расследование максимально большего количества наиболее опасных хищений бюджетных средств с минимально возможными затратами соответствующих ресурсов и в соответствии с основными приоритетами государственной политики.

Критерий эффективности расследования определенного вида, группы преступлений через такую категорию как «соответствие основным приоритетам государственной политики» сам по себе интересен тем, что последние десятилетия он в трудах ученых практически не фигурировал. Зато примерно об этом говорят научные труды советского периода развития науки криминалистики. В те годы криминалистика, как любые иные науки, не обходились без некоего политического содержания, ссылок на руководящие документы коммунистической партии и необходимость классовой борьбы³ [6, с. 56–82]. Нынешняя, российская криминалистика полностью отошла от этого подхода. Однако, возможно, в чем-то «с водой выплеснули ребенка»?

РЕАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ

Относительно приоритетов государственной политики еще выскажемся

³ См., напр.: *Криминалистика* : учеб. для слушателей правовых вузов : в 2 кн. / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Совет. законодательство, 1935. Кн. I: Техника и тактика расследования преступлений. С. 133–134.

ниже. Сначала проанализируем, насколько предложенное в определенной мере теоретическое определение, т. е. некое идеальное представление об эффективности расследования преступлений соответствует текущему состоянию критериев оценки правоохранительной деятельности. О. А. Попова, вслед за иными авторами, формулирует объективную и весьма негативную оценку по этому параметру. Автор констатирует, что стремление получить положительную оценку своей работы нацеливает подавляющее большинство сотрудников правоохранительных органов, в чьи обязанности входит непосредственно противодействие преступности, не на решение стоящих перед ним реальных задач, а на удовлетворение, условно говоря, нужд ведомственной статистической отчетности. «Статистика первична, а деятельность, для анализа которой она служит, – вторична», – с горечью отмечает автор и приводит результаты социологического опроса руководителей органов внутренних дел. 100,0 % опрошенных согласились с тезисом о первичности отчетности, при этом только 48,2 % отметили, что в меру сил стараются совмещать достижение задач уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) с достижением высоких показателей отчетности [7]. При этом мы понимаем, что респонденты такого уровня в рамках опроса, во-первых, излагают субъективное мнение (самооценка себя и возглавляемого подразделения), во-вторых, могут выдавать желаемое за действительное.

О. А. Попова, в числе прочих, приводит такой пример противоречия между критериями статотчетности и реальной эффективности расследования. Руководитель органа внутренних дел, стремясь добиться высоких формальных показателей,

выполнить план работы, требует от своих подчиненных ускорить расследование, выполнив лишь все минимально необходимое для его окончания. Следователи и дознаватели, ускоряясь, вынуждены чем-то жертвовать. В результате сокращается объем профилактической работы, не проводятся все необходимые следственные действия по установлению соучастников, уголовные дела в отношении которых выделяются в отдельное производство, и т. п. Автор приходит к оригинальным выводам. Решение проблемы, по его мнению, может быть только комплексным и заключаться в изменении как критериев оценки работы правоохранительных органов, так и психологического отношения их сотрудников к ним, вплоть до отказа от всякой оценки статистики деятельности правоохранительных органов на определенной территории на определенное время [7]. Не только названный автор, но и многие иные указывают на необходимость менять критерии оценки деятельности правоохранительных органов [8, с. 161; 9, с. 107]. Однако вряд ли руководство государства и тех же правоохранительных органов пойдет на столь кардинальные решения как отказ от критериев ведомственной статистической отчетности. Однако их можно совершенствовать, о чем выскажемся ниже.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

По поводу тезиса о приоритетах напомним, что в июле 2021 г. Президентом РФ В. В. Путиным была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»⁴ (далее – Стратегия).

В соответствии с этим важнейшим нормативным, доктринальным

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

документом достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, в том числе, на решение задач предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, *нецелевого использования и хищения бюджетных средств* в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение.

Таким образом, в части приоритета расследования хищений бюджетных средств и их нецелевого использования Стратегия четко и недвусмысленно определяет:

1) приоритетом является не столько пресечение и расследование, сколько предупреждение хищений;

2) хищения, нецелевое использование бюджетных средств и криминальная коррупция должны рассматриваться следователями и иными уполномоченными субъектами как неразрывно взаимосвязанная преступная деятельность;

3) эта преступная деятельность наиболее общественно опасна, если она реализуется в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе (и особенно) при реализации национальных проектов и выполнении гособоронзаказа;

4) для правоприменителя в борьбе с хищениями приоритетом также является возмещение ущерба и затем – повышение уровня ответственности за их совершение.

Противоположностью эффективности, разумеется, является неэффективность расследования, которая, помимо прочих критериев, не соответствует приоритетам государственной политики.

Критика

НЕЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Неэффективность деятельности правоохранительных органов постоянно находится в поле зрения, а точнее в прицеле жесткой критики не только государства и общества, но и научного сообщества.

Так, В. К. Зникин, помимо эффективности, использует терминологию «качество расследования». По этому критерию он делит всякое расследование на высококачественное, среднекачественное и низкокачественное. И если под первым он понимает расследование, материалы которого содержат полные, всесторонние, объективные ответы на все необходимые для правильного разрешения уголовного дела по существу вопросы о преступлении, при отсутствии всяких нарушений процессуального или материального закона, то под последним – низкокачественным, автор понимает расследование, по которому не соблюдены или существенно нарушены основополагающие требования закона, не установлена объективная истина, в результате отсутствуют все необходимые свойства или часть их. Некачественное расследование, не достигшее требуемого положительного результата, не создает эффективности [1, с. 29].

В публикациях встречается аналитика, указывающая на критическое отношение авторов к некоторым, хотя, конечно же, далеко не ко всем практическим примерам и даже закономерностям расследования различных видов и групп преступлений.

Так, Л. Л. Каневский делает множество критических выводов из изучения следственной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Высказываясь о проблеме избобличаемых свидетелей, автор негодует: «Задержанные по подозрению в совершении преступления или в отношении которых избрана мера пресечения до предъявления обвинения, не всегда допрашиваются в качестве подозреваемых с соблюдением

требований, предусмотренных УПК. Такая практика имеет серьезные отрицательные последствия: не разъясняются права несовершеннолетнему подозреваемому... не используются тактические приемы допроса несовершеннолетних подозреваемых; в связи с неосведомленностью подростка и незнанием круга вопросов, которые интересуют следователя, может оказаться, что в своем объяснении несовершеннолетний не изложит наиболее важные обстоятельства совершенного преступления и не даст о них развернутые показания» [10, с. 198].

Ю. П. Гармаев констатирует, что существует две проблемы: практическая и научная. Первая – это наличие в деятельности правоохранительных органов негативной закономерности, некоего неформального приоритета борьбы с мелкими преступлениями, не представляющими правовой и криминалистической сложности. Вторая, связанная с первой, но уже научная проблема заключается в том, что множество научных криминалистических разработок, например, методик расследования, посвящено описанию и расследованию именно таких (мелких, несложных) преступлений [11, с. 63].

Наша работа, посвященная методике расследования хищений бюджетных средств, полностью подтверждает наличие перечисленных негативных закономерностей. Условно говоря, из 100 изученных уголовных дел названной категории с приговорами судов примерно в 90–95 делах предметом судебного разбирательства становятся 1–2 эпизода хищений бюджетных средств, совершенных 1–2 лицами. Подавляющее большинство осужденных – рядовые сотрудники. Руководителей среднего и высшего звена среди осужденных – единицы. Между тем на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий и доследственных проверок

в фокусе внимания правоохранителей часто бывает не 1–2, а 10 и более эпизодов преступной деятельности, множество фигурантов. Рассматриваются версии о совершении «верхушечных», много-эпизодных преступлений в составе организованного преступного формирования, с коррупционной составляющей, с причинением ущерба в крупном, особо крупном размере и т. п.

ПРИОРИТЕТЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Для правоприменителей в расследовании любых дел о хищениях бюджетных средств на всех уровнях должен быть поставлен важный приоритет. Если кратко, то это приоритет предупреждения, пресечения и расследования не единичных мелких преступлений, а совокупности «верхушечных», высокоуровневых (по криминологической терминологии [12, с. 18]) хищений и связанных с ними коррупционных преступлений, совершаемых неоднократно, многоэпизодно. Этот приоритет включает необходимость полного возмещения причиненного вреда и повышения уровня ответственности за преступную деятельность с указанными характеристиками. Расхожее мнение населения о том, что «за кражу мешка картошки дают тюремный срок, а за миллиард не привлекают к ответственности»⁵ должно быть опровергнуто, вернее, постоянно опровергаемо на всех уровнях усилиями всех правоохранительных (и не только) органов.

Приоритет борьбы с высокоуровневыми преступлениями, с много-эпизодной, организованной преступной деятельностью, с коррупционной составляющей должен обозначаться четко и недвусмысленно как на уровне практической, организационно-управленческой, так и на уровне научной деятельности.

⁵ Даже некоторые парламентские партии используют этот сомнительный тезис для повышения электро-рального рейтинга (см., напр.: URL: <https://kprf-kchr.ru/?q=node/5379> (дата обращения: 20.05.2024)).

Наука криминалистика должна показывать практике ее приоритеты.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в криминалистическом прикладном исследовании хищений (как, вероятно, и любых иных преступлений) необходимо целенаправленно использовать два типа практических примеров: эффективного и неэффективного расследования. Для подтверждения тезиса приведем два соответствующих примера.

Пример неэффективного расследования: приговором одного из районных судов г. Москвы гр-ка Н. осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159² УК РФ (покушение на мошенничество при получении выплат). В ноябре 2017 г. гр-ка Н. обратилась в клиентскую службу Главного управления Пенсионного фонда РФ № 7 по г. Москве и Московской области с заявлением о назначении страховой пенсии по инвалидности, предъявив в подтверждение права на данную выплату справку учреждения медико-социальной экспертизы об установлении ей инвалидности II группы по общему заболеванию сроком до ноября 2019 г. Однако медико-социальная экспертиза данной гражданке не проводилась, справка об установлении инвалидности ей не выдавалась, а представленный заявителем документ является подложным, приобретенным ею у неустановленного лица за 15 000 рублей. Общая сумма страховой пенсии по инвалидности, которая могла бы быть назначена мошеннице из денежных средств Пенсионного фонда в соответствии с действующим законодательством на указанный в поддельной справке срок, составила 201 519 рублей. Уголовное дело возбуждено по материалам проверки, проведенной Перовской межрайонной прокуратурой⁶.

Указанный приговор достаточно наглядно иллюстрирует одно из самых распространенных недостатков неэффективного расследования: уклонение следователя от проверки, а вероятно даже от выдвижения версий об организованном, групповом характере совершения преступления, а также о наличии признаков криминальной коррупции. Следственным путем не проверена версия о соучастии – о личности лица, оказавшего содействие обвиняемой в части составления и использовании подложного документа. В материалах дела отмечено: «в целях дальнейшего использования приобрела у неустановленного лица в ноябре 2017 года, в неустановленное время и месте, за денежное вознаграждение в размере 15 000 рублей».

Пример эффективного расследования: приговором Центрального районного суда г. Омска члены организованной преступной группы, состоящей из 6 человек, осуждены за мошенничество при получении выплат в особо крупном размере (чч. 3, 4 ст. 159² УК РФ). Следствием установлены 76 эпизодов противоправной деятельности, ущерб от совершения преступления составил почти 35 млн рублей. В счет возмещения причиненного государству ущерба следствием наложен арест на имущество обвиняемых на сумму 11,5 млн рублей.

В период с 2015 г. по 2016 г. гр-ка Б., являясь председателем правления кредитно-потребительского кооператива (далее – КПК), разработала способ хищения денежных средств из бюджета Российской Федерации и привлекла к соучастию в преступлении своего супруга – коммерческого директора КПК, а также других лиц, которые путем размещения объявлений о даче займов под материнский

⁶ Приговор судебного участка № 277 района Новокосино города Москвы от 12 марта 2019 г. по делу 01-0002-277-2019 // Портал единого информ. пространства мировых судей г. Москвы. URL: <https://mos-sud.ru/277> (дата обращения: 10.05.2024) ; Осуждена женщина за покушение на мошенничество при получении социальных выплат // Управа района Вешняки. URL: <https://clck.ru/3AhR6y> (дата обращения: 10.04.2024).

капитал подыскивали женщин, имевших детей в возрасте до трех лет, и желавших обналить раньше срока средства материнского капитала без дальнейшего его целевого использования. Члены ОПГ убеждали их заключать с КПК фиктивные договоры целевого займа на приобретение жилья и земельных участков под жилищное строительство, по которым перечисляли женщинам сумму материнского капитала. Последние после обналичивания денежных средств передавали их организаторам. На основании фиктивных договоров купли-продажи владельцы сертификатов материнского (семейного) капитала становились собственниками недвижимого имущества, стоившего фактически значительно меньше, чем средства материнского капитала. Оформленные документы обвиняемые предоставляли в территориальные подразделения Пенсионного фонда России, на основании этих документов на расчетные счета КПК в счет погашения основного долга и процентов по договорам займа перечислялись денежные средства, из которых обвиняемые передавали женщинам только часть от суммы материнского капитала, вычитая стоимость приобретенных объектов недвижимости и так называемых «операционных сборов», составлявших 10 % от суммы материнского капитала, которые обвиняемые оставляли себе в виде вознаграждения за услуги. Указанные деяния были выявлены сотрудниками УМВД России по Омской области в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий⁷.

К числу особенностей примера эффективного расследования следует отнести то обстоятельство, что за 2 года следствия было допрошено более 300 свидетелей, показания которых были не только проанализированы следствием, но и подтверждены путем проведения целого комплекса оперативно-розыскных меро-

приятий и следственных действий. Несмотря на кропотливый труд 26 адвокатов, следствию удалось выявить многочисленные эпизоды преступной деятельности, имущество, подлежащее конфискации, и что самое важное – установить совершение деяний в составе ОПГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, хотелось бы отметить отдельные существенные аспекты. Предупреждение, выявление, раскрытие и расследование хищений бюджетных средств как деятельность может и должна соответствовать основным приоритетам государственной политики государства и в целом – должна быть эффективной в том значении, в котором предложено в настоящей работе. Для обеспечения эффективности требуется применение обновленных подходов как в практической деятельности, так и в научной, теоретико-методологической.

В части оценки эффективности практической деятельности в систему статистической и иной отчетности правоохранительных органов по делам о хищениях, коррупционных преступлениях и иных, следовало бы ввести такие положительно оцениваемые критерии эффективности как:

- количество выявленных по отношению к первичному эпизоду дополнительных, взаимосвязанных эпизодов преступной деятельности;
- количество выявленных фактов коррупционных преступлений, взаимосвязанных с хищениями бюджетных средств, иными экономическими преступлениями;
- уровень, должностное положение коррумпированных чиновников, размеры взяток и хищений;
- соотношение причиненного и возмещенного в ходе расследования ущерба от преступной деятельности;

⁷ Приговор Центрального районного суда г. Омска по делу № 1-15/2019 от 3 июля 2019 г. // Сайт Централ. район. суда г. Омска. URL: <https://clck.ru/3AhR4y> (дата обращения: 10.05.2024).

– профилактическая деятельность, включая занятия, доклады, просветительские выступления (о методологии и методике такого рода просветительских мероприятий см. [13]) в СМИ, а также в социальных сетях, группах и каналах в мессенджерах и на видео-хостингах, иные меры криминалистической профилактики преступлений⁸.

В части научной, учебно-методической работы необходимо формировать новые и актуализировать имеющиеся криминалистические методические рекомендации по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений данной категории, обеспечивая их эффективность, т. е. излагать научные положения и прикладные рекомендации в соответствии с критериями:

- законности, а также оптимальности и рациональности затрат ресурсов;
- приоритета предупреждения преступной деятельности;

– приоритета борьбы с наиболее опасными хищениями бюджетных средств, т. е. с высокоуровневыми преступлениями, многоэпизодными, организованными, с коррупционной составляющей;

– приоритета возмещения причиненного ущерба;

– другими приоритетами в соответствии с основными направлениями государственной политики в этой сфере.

Нужно повышать профессиональный уровень субъектов расследования в соответствии с критериями эффективности. Один из элементов обеспечения эффективности научных разработок состоит в том, что криминалист-разработчик должен обобщать как примеры, демонстрирующие эффективность расследования, так и явно негативные примеры, примеры неэффективности, позволяющие сформировать рекомендации по выявлению недостатков, ошибок и нарушений закона, их устранению.

Список литературы

1. Зинкин В. К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1 (11). С. 25–32.
2. Драпкин Л. Я. Об эффективности следственных действий // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1969 г. Свердловск : Свердловск. юрид. ин-т, 1970. С. 147.
3. Фаткулин Ф. Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 3–27.
4. Гармаев Ю. П. Эффективное, неэффективное и незаконное расследование коррупционных преступлений // Евразийская адвокатура. 2022. № 4 (59). С. 50–55. DOI: https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_59_4_50
5. Гармаев Ю. П. Приоритеты государственной политики и криминалистическая методика расследования // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 3 нояб. 2023 г. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 111–117.
6. Шавер Б. М. Предмет и метод криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 56–82.
7. Попова О. А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1900.
8. Попов В. В. Вопросы оценки эффективности деятельности полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 160–165.
9. Десятов М. С., Лутович С. М. Оценка эффективности межведомственного взаимодействия субъектов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27). С. 103–107.
10. Каневский Л. Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 228 с.
11. Гармаев Ю. П. Преимущественная борьба с «мелкими» коррупционными преступлениями как проблема практики и криминалистической науки // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 3. С. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.063-071>

⁸ Махтаев М. Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений) : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. 229 с.

12. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. М. : Юрист, 2001. 429 с.

13. Гармаев Ю. П. Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе и криминалистике // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5 (22). С. 258–270.

References

1. Znikin V. K. The Concept of Effectiveness and Quality of a Preliminary Investigation. *Tomsk State University Journal of Law*. 2014;1:25-32. (In Russ.)
2. Drapkin L. Ya. On the Effectiveness of Investigation. In: *Proceedings of the Conference on the Results of Research Conducted in 1969*. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute Publ.; 1970. P. 147. (In Russ.)
3. Fatkulin F. N. Current Issues of the Effectiveness of the Soviet Criminal Proceedings. In: *Issues of the Effectiveness of the Soviet Criminal Proceedings*. Kazan: Kazan University Publ.; 1976. P. 3–27. (In Russ.)
4. Garmaev Yu. P. Effective, Inefficient and Illegal Investigation of Corruption Crimes. *Eurasian Advocacy*. 2022;4:50-55. DOI: https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_59_4_50 (In Russ.)
5. Garmaev Yu. P. Priorities of State Policy and Criminalistic Investigation Methodology. In: *Criminal Procedure and Criminalistics: Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics (Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of Professor B. Ya. Gavrilov)*. Moscow: - Academy of Management of the MIA of Russia Publ.; 2023. P. 111–117. (In Russ.)
6. Shaver B. M. The Subject and Method of Criminalistics. *Socialist Legality*. 1938;6:56-82. (In Russ.)
7. Popova O. A. Assessing the Effectiveness of Law Enforcement and the Quality of Crime Investigations. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;1-1:1900. (In Russ.)
8. Popov V. V. Issues of Evaluating the Efficiency of the Police Activities. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2013;3:160-165. (In Russ.)
9. Desyatov M. S., Lugovich S. M. Evaluation of Efficiency of the Interdepartmental Interaction Between Entities of Operational-Search Activities. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2013;4:103-107. (In Russ.)
10. Kanevskii L. L. *Criminalistic Problems of Investigation and Prevention of Juvenile Crimes*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1991. 228 p. (In Russ.)
11. Garmaev Yu. P. Primary Fight Against «Minor» Corruption Crimes as a Problem of Judicial Practice and Forensics. *Lex Russica*. 2023;76(3):63-71. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.063-071> (In Russ.)
12. Lunev V. V. *Corruption: Political, Economic, Organizational and Legal Issues*. Moscow: Yurist” Publ.; 2001. 429 p. (In Russ.)
13. Garmaev Yu. P. Legal Education and Legal Awareness in the Criminal Proceedings and Forensic Science. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*. 2015;5:258-270. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Вадимович Чумаков, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета (ул. Советская, 7, Новосибирск, 630007, Россия), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>; e-mail: chumakov_a_v@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Chumakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the Novosibirsk Law Institute (branch) of the Tomsk State University (7 Sovetskaya str., Novosibirsk, 630007, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>; e-mail: chumakov_a_v@mail.ru

Поступила | Received
30.05.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
03.07.2024

Принята к публикации | Accepted
03.07.2024

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, YurLitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутривстрочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (in English), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелихов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2024

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 21.10.2024

Подписано в печать 10.10.2024

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 13,81. Уч.-изд. л. 14,72.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal “Siberian Law Review”

Editor: *O. V. Arefeva*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog “Russian Post” – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal “Siberian Law Review” reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal “Siberian Law Review”, 2024

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 21.10.2024

Signed print 10.10.2024

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 13.81. Edit. pr. pg. 14.72.

Printed in LLC “Printing Center “Tatyana”

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia